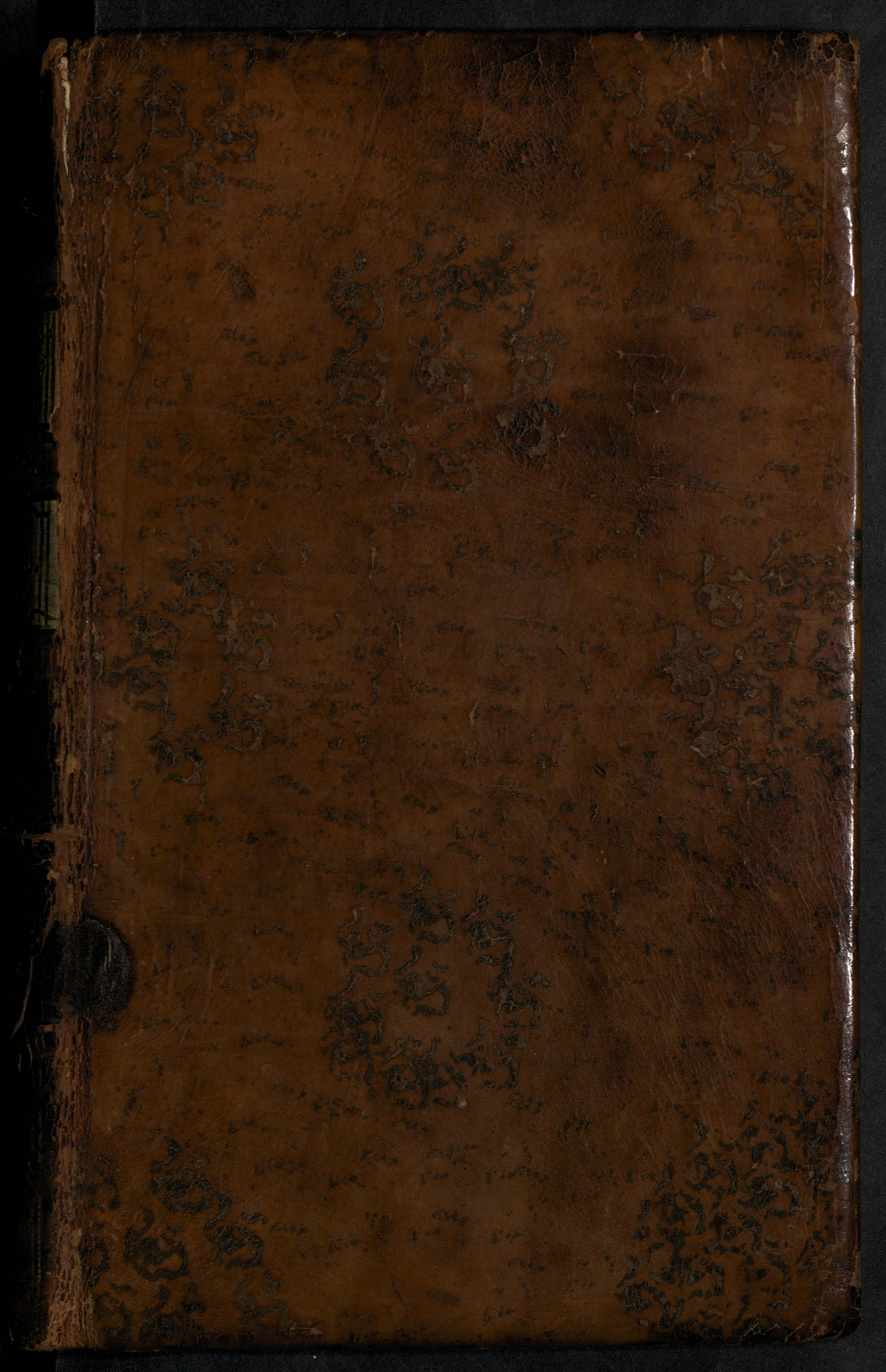
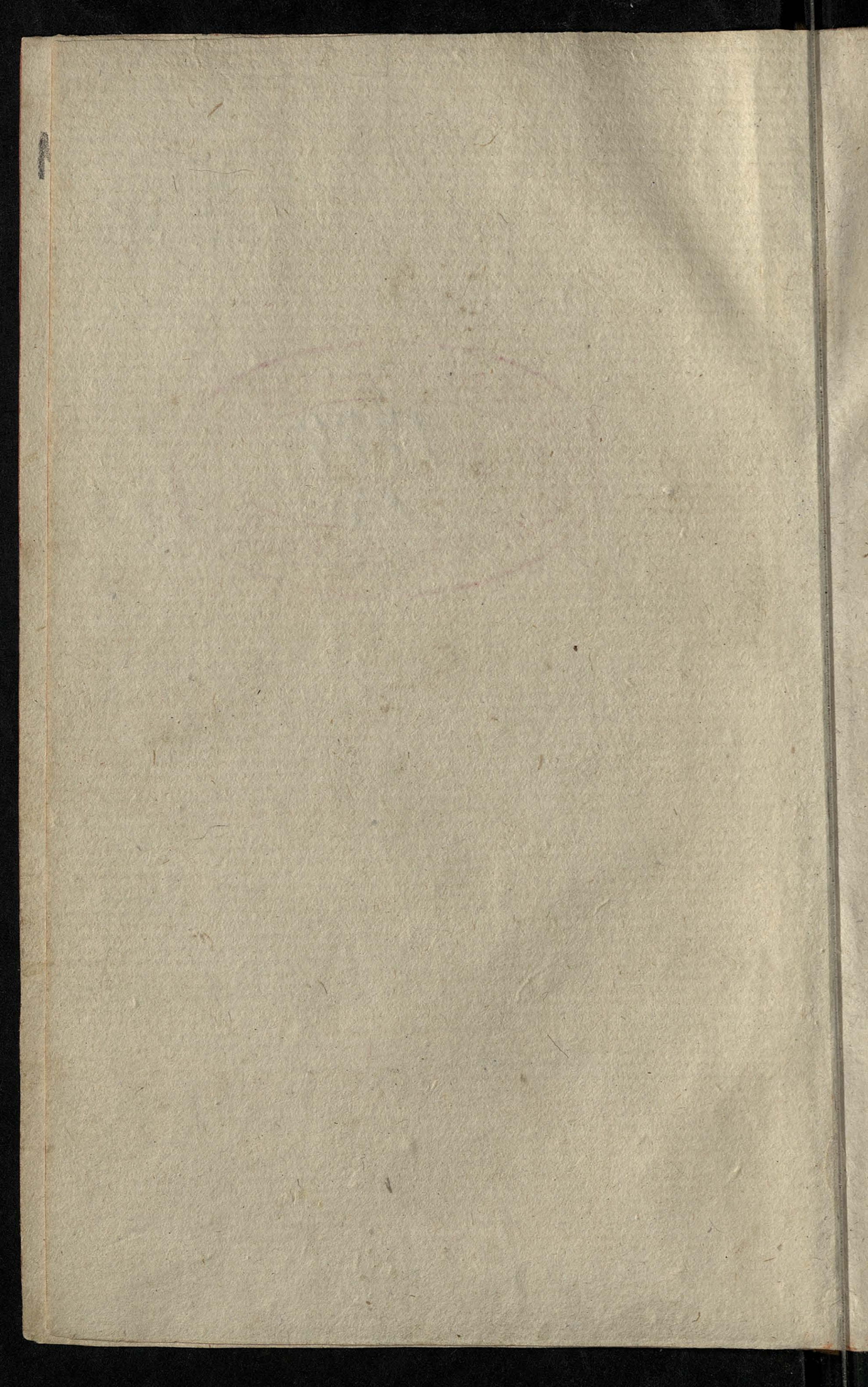

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
КЪ
ИСТИННОМУ ЧЕЛОВѢЧЕСКОМУ СЧАСТІЮ,
ИЛИ
ОПЫТЪ
НРАВОУЧИТЕЛЬНЫХЪ И ОТЧАСТИ ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ
РАЗСУЖДЕНІЙ
О
БЛАГОПОЛУЧІИ
ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
И
О СРЕДСТВАХЪ
КЪ ПРІОБРѢТЕНІЮ ОНАГО.

Часть III.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова, 1784 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Путеводитель къ истинному человѣческому счастію часть III, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

Оглавленіе III части.

РАЗСУЖДЕНІЕ XV,

Содержащее въ себѣ правила и руководство къ поспѣшествованію спокойствія, или къ уменьшенію количества нашихъ неудовольствій и прискорбностей.

Въ предслѣдующемъ разсужденіи предлагалъ я правила и средства, которыми намъ наши увеселенія, какъ существительныя части нашего истиннаго благополучія, умножать можно. Справедливы ли они, или несправедливы, удобны ли къ тому, или неудобны, о томъ да соблаговолятъ разсуждать сами господа читатели, а я пойду теперь далѣе, и буду говорить о томъ, какъ намъ пріобрѣтать спокойствіе души нашей, какъ такое состояніе, когда желанія наши хотя

и не получаютъ совершеннаго себѣ удовлетворенія и формально не насыщаются, однако и противнаго имъ не дѣлается, и они не оскорбляются, и чрезъ то находятся въ такомъ состояніи, которое можно почесть среднимъ между веселіемъ и прискорбіемъ, то есть спокойнымъ и насъ нетревожащимъ.

Какъ не однажды я уже имѣлъ случай упоминать, что мы всѣми трудами и стараніями своими не можемъ далеко и много успѣвать въ удовольствованіи и насыщеніи нашихъ желаній, и въ снискиваніи чрезъ то себѣ многихъ и частыхъ увеселеній; напротивъ того не лишены еще способовъ, которыми желанія свои когда не удовольствовать, такъ по крайней мѣрѣ усмирять и успокоевать можемъ, и что сіе не меньшимъ средствомъ къ сооруженію временнаго благополучія нашего почесться можетъ: то слѣдуетъ само собою, что правила, могущія намъ къ тому руководствовать, не меньшаго примѣчанія достойны, какъ

какъ и самыя тѣ, которыя къ умноженію веселія намъ слѣдъ показуютъ, тѣмъ паче, что къ сему можемъ мы въ жизнь нашу имѣть болѣе способности. Слѣдовательно сіе спокойствіе хотя не существительную, такъ по крайней мѣрѣ знатнѣйшую часть нашего временнаго благополучія составлять долженствуетъ.

Но въ чемъ же бы состояло вообще все то, что мы съ своей стороны въ разсужденіи поспѣшествованія сему спокойствію учинить можемъ? Въ слѣдующихъ двухъ пунктахъ: вопервыхъ, въ стараніяхъ доводить себя въ такое состояніе, чтобъ желаніямъ нашимъ противодѣйствія и оскорбленія рѣдко случались; вовторыхъ, когда же то будетъ уже неминуемо и сіе, противодѣйствіе и оскорбленіе случится, то чтобъ оно колико можно было меньше. Первое надобно для того, чтобъ съ уменьшеніемъ случаевъ къ противодѣйствію желаній уменьшилось и убавилось само собою и

количество нашихъ досадъ, прискорбностей, печалей и неудовольствій. Второе же для того, чтобъ чрезъ то уменьшилась самая сила и жестокость тѣхъ досадъ, горестей, печалей и неудовольствій, которыя случаются съ нами по самой уже необходимости, и какъ извѣстно, толь много веселіе дней нашихъ нарушаютъ, и кои отвратить мы находиться будемъ не въ состояніи. И такъ о первомъ пунктѣ буду я теперь разсуждать, а о второмъ говорить въ послѣдующемъ за симъ разсужденіи.

Такимъ образомъ, что касается до приведенія себя въ такое состояніе, чтобъ желаніямъ нашимъ могло рѣдко противодѣйствіе и оскорбленіе случаться, то, предположивъ извѣстное и впереди довольно изъясненное обстоятельство, что желанія наши не всѣ съ равною удобностію насыщаемы и удовлетворяемы быть могутъ, но что насыщеніе однихъ гораздо съ меньшими затрудне-

неніями сопряжено, нежели прочихъ, не трудно уже будетъ намъ заключить, что когда препятствующіе желаніямъ нашимъ случаи, вещи и обстоятельства, не состоятъ въ нашей власти и мы ими по своему желанію и хотѣнію распоряжать не можемъ: то все искусство къ достиженію помянутаго намѣренія вообще состоять должно въ томъ, чтобъ мы число тѣхъ желаній, которыхъ исполненіе и насыщеніе сопряжена съ великими затрудненіями, и кои подвержены частымъ противодѣйствіямъ, колико можно въ себѣ уменьшать старались; напротивъ того умножали бы въ себѣ число такихъ желаній, которыхъ либо исполненіе меньшимъ неудобностямъ подвержено, либо намъ оныя безъ дальняго труда усмирить и успокоить можно. Ибо натурально, когда не будетъ причины, то не будетъ уже и дѣйствія: то есть когда не будетъ въ насъ частымъ противодѣйствіямъ подверженныхъ желаній, то нечему будетъ терпѣть и про-

тиводѣйствіе; слѣдовательно чѣмъ меньше будетъ въ насъ оныхъ, тѣмъ рѣже будетъ и противодѣйствіе случаться. А какъ всѣ наши прискорбія, досады, печали и неудовольствія единственно отъ неисполненія и противодѣйствія желаний нашихъ происходятъ, то натурально должно будетъ само собою уменьшиться и количество нашихъ неудовольствій, какъ существительныхъ препонъ нашему благополучію.

Но какъ все сіе скорѣе сказано, нежели въ дѣйство произведено быть можетъ, и найдутся многіе, которые пожелаютъ дальнѣйшаго всему тому объясненія, равно какъ и руководства къ способнѣйшему произведенію того въ дѣйство: то предложу я теперь небольшое число общихъ правилъ, наблюденіемъ которыхъ мы наиспособнѣе и скорѣе до сего предмета достигнуть и спокойствію нашему поспѣшествовать можемъ. Они суть слѣдующія:

1.

Первое и наиважнѣйшее правило къ споспѣшествованію спокойствію нашего духа есть слѣдующее:

Пріучи себя къ благороднѣйшимъ, нравственнымъ, или духовнымъ благимъ, а именно къ сильному желанію добродѣтели.

Сколь немногія слова сіе правило въ себѣ заключаетъ, толь великаго напротивъ того наблюденіе онаго требуетъ пространства и важности. Ибо естьли мнѣ сіе же правило не столь Философическими, а простѣйшими словами выразить, то можно все оное въ слѣдующія немногія слова вмѣстить: полюби добродѣтель и вожделѣй ее всемъ сердцемъ. Кто не видитъ изъ сего, что подъ симъ вся связь нравоученія заключается? Сколь же должности наши многочисленны и исполненіе оныхъ коль обширно, то всякому довольно извѣстно.

И такъ было бы слишкомъ пространно, естьлибъ предпріялъ я сіе правило въ самую тонкость объяснять и доказывать всѣми Философическими доводами; ибо къ сему надобно бы мнѣ было писать цѣлую нравоучительную книгу и входить во всю связь нравоучительной Философіи, а сіе меньше съ теперешнимъ намѣреніемъ моимъ и тѣсными предѣлами сего сочиненія согласоваться можетъ. Для сихъ причинъ другаго не остается мнѣ, какъ довольствоваться сколько можно краткимъ, но только такимъ объясненіемъ и доказательствомъ, которымъ бы читатели мои могли по нуждѣ быть довольны.

И такъ прежде всего надобно мнѣ изъяснить, что я подъ словомъ благороднѣйшихъ нравственныхъ благихъ разумѣю. Подъ симъ Философическимъ словомъ разумѣется обыкновенно не иное что, какъ все то, что согласно съ закономъ Божескимъ, или съ тѣми Божескими намѣреніями, которыхъ

про-

производства требуетъ и желаетъ Онъ отъ созданныхъ имъ разумныхъ и произволомъ одаренныхъ духовъ. И потому всякое согласное дѣло съ волею Божескою можетъ названо быть нравственнымъ благомъ, или добромъ, какъ противное тому и несогласное нравственнымъ зломъ, о которомъ я имѣлъ уже случай говорить пространно въ первой части сей книги. Слово же благороднѣйшее присовокуплено для того, чтобъ отличить оное чрезъ то отъ неблагородныхъ, на которые два рода Философы обыкновенно благїя раздѣляютъ, а именно: тѣ изъ составляющихъ наиглавнѣйше временное наше благополучїе благихъ, которыя не только намъ прїятность и удовольствїе производятъ, но содержа въ себѣ самую матерїю добродѣтели, вкупѣ подъ нѣкоторыми условїями по себѣ и награжденїе отъ Бога приносятъ, слѣдовательно всегда хорошее дѣйствїе по себѣ оставлять могутъ, называютъ они благороднѣйшими благими, къ каковымъ на примѣръ при-

надлежитъ познанiе истинны, чистосердечная дружеская любовь и прочее тому подобное. Напротивъ того неблагородными именуютъ тѣ, которыя состоятъ въ единственномъ наслажденiи позволительными увеселенiями, и которыя хотя главному концу нашей жизни, то есть добродѣтели, не поспѣшествуютъ, однако при надлежащемъ ограничиванiи и не мѣшаютъ, какъ на примѣръ тѣлесныя увеселенiя и прочее тому подобное. Изъ сего не трудно уже усмотрѣть, что подъ словомъ прiученiя себя къ благороднѣйшимъ нравственнымъ благимъ не иное что разумѣется, какъ прiученiе себя къ такимъ желанiямъ и дѣламъ, которыхъ исполненiе не только насъ увеселить можетъ, но содержитъ въ себѣ самое существо, или матерiю добродѣтели.

Ежели спросятъ меня теперь о причинѣ, для которой бы сiе требовалось, то слѣдующее краткое Философическое доказательство скажу, а имен-

именно: когда помянутыя нравственныя благія, или, лучше сказать, духовное, а не вещественное добро отъ насъ никогда отнято быть не можетъ, и мы онаго никогда не лишимся, то всегда въ душѣ нашей много кой-чего такого находиться будетъ, чѣмъ мы себя утѣшать и увеселять можемъ, и хотябъ по необходимости и принуждены были терпѣть какое нибудь прискорбіе и неудовольствіе, такъ можемъ себя успокоивать, направляя мысль свою на помянутыя благороднѣйшія благія, которыхъ мы не лишены и имѣемъ. И какъ въ случаѣ имѣнія въ себѣ сихъ благъ можемъ безсомнѣнны быть о Божеской къ себѣ милости, то и можемъ тѣ желанія, которымъ на примѣръ тогда противодѣйствіе происходитъ, усмирять и въ спокойное состояніе приводить надеждою. Сего доказательства надѣюсь довольно уже будетъ для ученыхъ читателей.

Чтожъ касается до прочихъ и такихъ, которымъ такія умозрительныя

ныя тонкія матеріи не такъ понятны и которымъ натурально все вышеупомянутое еще очень темно и не ясно покажется, то съ сими надобно мнѣ другимъ голосомъ говорить, и постараться изъяснить все удобопонятнымъ и простымъ образомъ и примѣрами.

И такъ симъ прежде всего скажу, что ежели они хотятъ благополучіемъ въ сей жизни наслаждаться и наиудобнѣйшимъ образомъ пріобрѣтать требуемое къ тому душевное спокойствіе, то необходимо надобно имъ напередъ сдѣлаться добродѣтельными, или по крайней мѣрѣ всѣми силами своими стараться пріучить себя къ желанію, любленію и исканію сего душевнаго нашего сокровища и къ украшенію имъ души своей. Вѣдаю довольно, что многимъ сіе не полюбится; но что дѣлать? не я тому уже виноватъ, что учрежденіе въ натурѣ уже такъ сдѣлано, что безъ того не можно намъ благополучными быть

и

и истиннымЪ спокойствіемЪ наслаждаться. Пускай иной, кто хочетЪ, льститЪ имЪ иными надеждами и показуетЪ имЪ иные и удобнѣйшіе пути кЪ нахожденію благополучія, но я не хочу ихЪ обманывать, и такЪ сказать, городить имЪ пѣшки; но пріятно ли имЪ то, или непріятно, буду говорить истинну и правду, предавая впрочемЪ на собственной ихЪ произволЪ, хотятЪ ли они оной слѣдовать, или не пожелаютЪ.

Собственная причина, для которой я необходимо сего любленія добродѣтели требую, есть та, что добродѣтельныя дѣла намЪ не только великія пользы и выгоды приносятЪ, но и оставляютЪ послѣ себя вЪ душѣ нашей такіе слѣды, которые намЪ наипріятнѣйшими и кЪ достиженію намѣренія нашего выгоднѣйшими почесться могутЪ. Сколь многія и сколь неоцѣненныя и пріятныя чувствія они вЪ насЪ производятЪ, о томЪ упомянулЪ я уже отчасти вЪ предслѣдующемЪ

щемъ разсужденіи при изъясненіи правила, касающагося до увеличиванія любви къ Богу; почему нѣтъ нужды мнѣ опять тоже повторять. Но что касается до другой и весьма важной пользы, которую они намъ приносятъ, то она состоитъ въ томъ, что сколь они способны къ умноженію нашихъ веселій, такъ равно удобны и къ поспѣшествованію нашего спокойства и къ утѣшенію насъ въ нашихъ нещастіяхъ и противныхъ приключеніяхъ.

Ежели спросите, почемужъ бы они могли спокойствію нашему поспѣшествовать, или приводить насъ въ такое состояніе, чтобъ желаніямъ нашимъ рѣже противодѣйствіе случалось, то на сіе отвѣтствую, что вопервыхъ самое существо добродѣтели и учрежденіе, сдѣланное натурою, приноситъ то уже съ собою. Ибо какъ добродѣтели должны происходить отъ желаній и не рѣдко въ самыхъ оныхъ желаніяхъ состоять, желаніямъ же добродѣтельнымъ натура уже положила

жила меньше препонЪ, нежели прочимЪ, и многія изЪ нихЪ тотчасЪ уже получаютЪ свое и насыщеніе, какЪ скоро возбуждены будутЪ и начнутЪ свое дѣйствіе: то натурально вЪ такомЪ случаѣ, когда вЪ душѣ нашей будетЪ болѣе добродѣтельныхЪ, нежели негодныхЪ желаній, и противодѣйствіе терпѣть будетЪ почти некому, и способными кЪ тому останутся по большой части только нѣкоторыя худыя, которыхЪ совершенно истребить мы не вЪ состояніи, слѣдовательно чрезЪ то большая часть случаевЪ кЪ противодѣйствованію нашихЪ желаній сама собою уничтожится. ВовторыхЪ, какЪ всякое добродѣтельное желаніе и по оному произведенное дѣло можетЪ почесться дѣйствительнымЪ душевнымЪ благомЪ, или сокровищемЪ, которыя снискивать и ими владѣть также мы можемЪ, какЪ вещественными, сЪ тою только разностію, что они у насЪ не могутЪ быть по примѣру вещественныхЪ благЪ отняты, и мы владѣніемЪ оныхЪ во

всю

всю нашу жизнь наслаждаться и чрезъ свѣдѣніе и напоминаніе о томъ по силѣ изъясненнаго мною въ предслѣдующемъ разсужденіи пятаго правила веселиться можемъ: то обстоятельство сіе великое сдѣлаетъ намъ вспоможеніе и во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда случится неминуемое какое противодѣйствіе прочимъ въ насъ находящимся желаніямъ, и когда мы отъ того печаль, или неудовольствіе чувствуемъ. Вспоможеніе сіе состоитъ въ томъ, что мы можемъ тогда тотчасъ обращать мысли свои на помянутыя душевныя наши сокровища, и воображеніемъ владѣнія оными производить себѣ увеселеніе, которое по сдѣланному уже натурою учрежденію уменьшитъ тотчасъ чувствуемую нами съ другой стороны печаль и неудовольствіе и къ успокоенію того встревоженнаго въ насъ желанія подастъ поводъ. Втретьихъ, какъ всѣ добродѣтельныя желанія и дѣла имѣютъ то неоцѣненное преимущество, что дѣлаютъ насъ пріятными

и

и любезными нашему Создателю и приносятъ за собою неотмѣнно Его милость и награжденіе, въ чемъ наиглавнѣйше и состоитъ сихъ душевныхъ нашихъ сокровищъ существо и неоцѣненность; и когда въ случаѣ добродѣтельнаго состоянія нашего духа мы въ полученіи оныхъ и милости Создателя нашего къ намъ не можемъ ни мало сомнѣваться, то не слѣдуетъ ли само собою, что во всякомъ случаѣ, когда, на примѣръ, какое нибудь наше желаніе не исполнится, мы всего скорѣе оное тѣмъ усмирить и успокоить можемъ, когда возвергнемъ печаль свою на Господа и по безконечной надеждѣ на Его милость твердо надѣяться станемъ, что когда желаніе наше нынѣ не исполнилось, такъ естьли исполненіе онаго намъ въ пользу, а не во вредъ служить можетъ: то Богъ по милости своей къ намъ впредь оному вѣрно исполниться допуститъ. Сіе въ состояніи будетъ тотчасъ духъ нашъ успокоить. А ежелибъ хотя и такъ случилось, что будущаго исполненія не-

невозможность намъ слишкомъ очевидна, то и въ такомъ случаѣ намъ таже безсомнѣнность о Божеской къ себѣ любви и милости духъ нашъ скоро успокоить можетъ, и дѣло только въ томъ состоитъ, чтобъ мы твердо и какъ можно живѣе себѣ вообразили, что и самое оное неисполненіе имѣло основаніемъ милость и провидѣніе нашего Создателя, и что для того оному исполниться не допустилъ, что по всевѣдѣнію своему видѣлъ, что исполненіе того намъ въ великой вредъ и пагубу обратится, и вѣдая сіе получше насъ, для самого того по милости и любви Своей къ намъ оному и воспрепятствовалъ, не смотря на то, пріятно ли намъ то будетъ, или непріятно.

Все сіе могъ бы я множествомъ примѣровъ изъяснить, естьлибъ не завело меня сіе въ великое пространство, и предѣлы сочиненія моего мнѣ то дозволяли; также естьлибъ съ другой стороны я не столь хорошаго мнѣнія о читателяхъ моихъ былъ, что они

и

и безъ меня воображеніемъ такихъ примѣровъ все вышеупомянутое сами довольно и яснѣе усмотрѣть могутъ; чего ради, предоставя то дѣлать самимъ имъ и довольствуясь вышепредложеннымъ, также сказавъ, что въ слѣдствіи матерія сія сама собою довольно изъяснится, поспѣшу теперь къ предложенію прочихъ правилъ.

2.

Второе правило, наблюденіемъ котораго мы спокойствію нашему много поспѣшествовать можемъ, есть слѣдующее:

Полученіе и всегдашнее удержаніе земныхъ благъ не представляй себѣ никогда совершенно достовѣрнымъ, или крайнѣ надобнымъ.

Сіе правило не требуетъ ни далѣнихъ объясненій, ни глубокомысленныхъ доказательствъ; ибо кому не извѣстно, что подъ именемъ земныхъ благъ собственно разумѣется, и на-

добно ли еще то сказывать, что къ сему классу благихъ, или добра, принадлежитъ всякаго рода стяжаніе, какъ на примѣръ честь, богатство, и однимъ словомъ, все то, чѣмъ мы въ жизни сей льстимся, чего ищемъ и что имѣніемъ и стяжаніемъ называемъ, и чего при окончаніи нынѣшней жизни лишиться будемъ должны, также что сіи благія для отличенія отъ душевныхъ, о коихъ я въ предслѣдующемъ правилѣ говорилъ, потому могутъ названы быть по справедливости земными, что всѣ такія суть, которыми мы, только живучи на землѣ, или въ нынѣшнюю жизнь, наслаждаться можемъ? Равномѣрно не надобно мнѣ и о томъ упоминать, что наблюденіе онаго не сопряжено ни съ какими дальними затрудненіями. Всякому то усмотрѣть можно, что тутъ требуются одни только воображенія и работа мыслей, которыя вѣрно ни малѣйшаго труда намъ причинить не могутъ. И такъ остается мнѣ только изъяснить пользу, для ко-

которой наблюденіе сего правила требуется, и подтвердить то не многими доказательствами и примѣрами.

Я могу вѣрно сказать, что польза, могущая происходить отъ точнаго наблюденія сего правила, великаго примѣчанія достойна и заслуживаетъ принимана быть въ великое уваженіе. Можетъ быть многіе не вдругъ примѣтятъ, въ чемъ все дѣло состоитъ, и потому покажется имъ непонятно, какимъ образомъ отъ того наше спокойствіе проистекать можетъ, когда мы полученіе земныхъ благъ достовѣрнымъ и всегдашнее удержаніе оныхъ необходимо надобнымъ себѣ воображать не станемъ. Но они вѣрно инымъ образомъ заключать станутъ, и сами на то согласятся, какъ скоро то узнаютъ, на чемъ правило сіе свое основаніе имѣетъ.

Основаніемъ сему правилу принято извѣстное уже читателямъ и много разъ мною уже изъясненное

обстоятельство, что всякое веселіе и неудовольствіе отъ того бываетъ иногда больше, иногда меньше, что желанія въ насъ не равно бываютъ велики. Я имѣлъ уже случай упоминать, что степень веселія, чувствуемая нами отъ исполненія какого нибудь въ насъ желанія, бываетъ всегда равна степени и величинѣ того желанія, которое тогда насыщается, а тому же равно соотвѣтствуетъ и степень печали и неудовольствія въ случаѣ противнаго оному произшествія, такъ что мы тѣмъ и жесточайшую печаль и прискорбіе терпимъ, чѣмъ болѣе было наше отъ той вещи отвращеніе, или чѣмъ болѣе было то желаніе, отъ противодѣйствія котораго наше неудовольствіе получило свое начало; равно какъ напротивъ того чѣмъ меньше наше желаніе, тѣмъ меньшее чувствуемъ мы и неудовольствіе. Когда же сіе справедливо, то не слѣдуетъ ли само собою, что буде хотимъ, чтобъ случающіяся въ жизнь нашу противныя

желаніямъ нашимъ произшествія насъ меньше печалили и не производили чувствительныхъ прискорбій, то необходимо надобно намъ стараться уменьшить наши желанія и не допустить до того, чтобъ они были велики, а особливо такія, которымъ легко противное дѣйствіе случиться можетъ, то есть которыхъ исполненіе не отъ насъ и не отъ такихъ обстоятельствъ зависитъ, которыхъ распоряженіе въ нашей власти состояло. Теперь кто же не знаетъ, что желанія земныхъ благъ суть всѣ такого рода? ибо въ нашей ли совершенной власти состоитъ распоряженіе всѣхъ тѣхъ случаевъ и обстоятельствъ, отъ которыхъ исполненіе сихъ желаній зависитъ? Не часто ли и не всего ли чаще состоятъ они въ руцѣ Божіей, или другихъ человѣковъ, или зависятъ отъ единой такъ называемой удачи и щастія? Коль же посему нужно и надобно намъ не допускать сіи желанія до усиливанія, буде хотимъ, чтобъ легко

могущее воспослѣдовать неисполненіе намъ не толь было чувствительно!

Предположивъ сіе, напомнимъ далѣе еще одно обстоятельство, о которомъ я также неоднократно упоминалъ, а именно: что желанія въ насъ вообще и наиболѣе усиливаются отъ помышленія о той вещи, которой желаемъ. Къ сему присовокуплю я еще одно обстоятельство, извѣстное намъ отъ ежедневныхъ опытовъ, а именно: что не всякаго рода помышленія ихъ равно возбуждать и усиливать могутъ, но одни къ тому способнѣе, нежели другія. Въ особливости же великую удобность къ тому имѣютъ помышленія о необходимой надобности намъ того, чего желаемъ, и о вѣроятности полученія онаго; то есть когда мы часто въ мысляхъ себѣ не только ту вещь, но и то воображаемъ, сколь она необходимо надобна, какъ намъ безъ ней обойтися не можно, какія выгоды мы чрезъ то получимъ, также сколь легко и без-

безсомнѣнно оное получить можемъ, ежели на примѣръ употребимъ стараніе, и такъ далѣе. Такія помышленія по справедливости можно почесть двумя главными мѣхами, которыми намъ свои желанія раздувать и увеличивать можно. Но какъ полезнымъ сіе можетъ почесться въ разсужденіи желаній душевныхъ благъ, которыя тысячи причинъ имѣемъ мы стараться увеличивать, такъ напротивъ того не трудно всякому заключить, что въ разсужденіи желаній, устремляющихся къ земнымъ благимъ, будетъ сіе для насъ вредно и весьма предосудительно, потому что мы чрезъ то предуготовимъ себя только къ чувствованію сильнѣйшихъ досадъ и неудовольствій, въ случаѣ, когда они противъ чаянія нашего не совершатся. Для сей-то собственно причины и не надобно намъ никогда представлять ихъ себѣ необходимо надобными и о исполненіи оныхъ думать, какъ о достовѣрной вещи; но напротивъ того самое же сіе средство упо-

треблять оборотно, то есть всякой разъ, какъ придутъ на мысль сіи желаемыя вещи, о надобности оныхъ размышлять совсѣмъ противнымъ образомъ, а имянно: представлять себѣ, что онѣ намъ не такъ необходимо надобны, какъ мы думаемъ; что мы можемъ обойтися и безъ нихъ; что полученіе оныхъ не принадлежитъ отнюдь къ вещамъ, составляющимъ наше истинное благополучіе, и наконецъ, что самое сіе полученіе подвержено многимъ препятствіямъ и мы еще не можемъ поручиться и безсомнѣнно надѣяться, что все такъ и воспослѣдуетъ, какъ мы надѣемся, и такъ далѣе; однимъ словомъ, изыскивать все то, что хотя нѣкоторой видъ и причину имѣть можетъ къ увѣренію насъ о сей ненадобности и недостовѣрности полученія сей вещи. Сія хитрость, которой насъ сама натура научаетъ, въ великую можетъ намъ обратиться пользу; ибо когда то желаніе совершится, то сіе не помѣшаетъ намъ чувствовать всю ве-

личину

личину веселія, которое еще тѣмъ чувствительнѣе для насъ будетъ, чѣмъ исполненіе было неожидаемое и надежда къ полученію меньше; ибо въ семъ случаѣ желаніе, по примѣру воспаляющихся пристрастій, вдругъ всплaveraged воспламенившись, будетъ насыщаться.

Когда же воспослѣдуетъ противное и желаніе не совершится, то не произведетъ сіе въ насъ дальней прискорбности, по причинѣ, что мы давно уже вѣдали, что сему исполниться не можно и никогда исполненія онаго за вѣрное не почитали. Примѣръ намъ сіе наилучше изъяснитъ: возьмемъ какой нибудь случай въ жизни человѣческой, и на примѣръ честолюбіе и желаніе вышшаго себѣ чина, и вообразимъ себѣ оба случая въ примѣрѣ двухъ человѣковъ.

Клеобулъ, на примѣръ, не доволенъ бы былъ нынѣшнимъ своимъ чиномъ, но думалъ бы, что ему необходимо надобно вышшій; онъ щитаетъ себя до-

достойнымъ знатнѣйшаго, и потому желаетъ себѣ повышенія; онъ помышляетъ о томъ ежедневно, домогается, проситъ и ищетъ; наконецъ ему обѣщаютъ то сдѣлать, но велятъ только подождать. Клеобулъ ждетъ сего съ превеликою нетерпѣливостію, почитаетъ полученіе онаго достовѣрнымъ и не имѣетъ въ томъ сомнѣнія. Сосѣдъ его Хрисанфъ подверженъ бы былъ той же сей слабости; ему не противнобъ было повышеніе; онъ желаетъ онаго и нѣкоторымъ образомъ проситъ, однако съ тою только разностію, что никогда не воображаетъ себѣ оное необходимо надобнымъ, но думаетъ, что хорошо, когда то ему удастся; однако ежели и не удастся, такъ не великая бѣда. Я могу, думаетъ онъ, и безъ него пробыть; для меня довольно и нынѣшняго. Сверьхъ того и дѣлаемыя ему обѣщанія такого рода, что ему на нихъ совершенно положиться никакъ не можно. По которой причинѣ онъ никогда не воображаетъ себѣ, что

то

то получитъ безсомнѣнно, но паче имѣетъ болѣе резоновъ въ томъ сомнѣваться и ожидать противнаго. Положимъ теперь оба случая, а именно, чтобъ оба они произведены, или не произведены были въ томъ чинѣ, и разсмотримъ, одинакія ли слѣдствія въ нихъ отъ того произойдутъ.

Въ первомъ случаѣ не обрадуетъ ли обоихъ ихъ полученіе онаго чина? Не оба ли они будутъ чувствовать веселіе? Но скажите, въ обоихъ ли сіе веселіе будетъ въ одинакомъ градусѣ? Не признаетесь ли сами, что Хрисанфъ будетъ чувствовать еще чувствительнѣйшее, и единственно отъ того, что полученіе сего чина произошло сверьхъ его чаянія и неожидаемо, и что его оной чинъ гораздо болѣе и долѣе веселить будетъ, нежели Клеобула, которой, давно уже за вѣрное почитая, онаго ожидалъ? А во второмъ случаѣ не противное ли тому послѣдуетъ? Можемъ ли мы за вѣрное сказать, что неполученіе онаго въ нихъ равное недо-

удо-

удовольствіе произведетъ? но паче не слѣдуетъ ли само собою, что неудовольствіе и досада въ Клеобулѣ несравненно будетъ больше, нежели въ Хрисанфѣ? Но чтожъ бы тому иное причиною было, какъ не то одно, что Клеобулъ почиталъ оной чинъ необходимо себѣ надобнымъ, и получить оной безсомнѣнно надѣялся, но вдругъ не по его мыслямъ сдѣлалось: желаніе его не исполняется и чинъ тотъ отдается другому, его, по мнѣнію его, недостойнѣйшему. Онъ терзается и досадою, и гнѣвомъ, и завистью, и не можетъ долгое время забыть и утѣшиться; напротивъ того Хрисанфа сей противной случай почти не трогаетъ: онъ переноситъ его почти съ равнодушіемъ, и качнувъ только головою, самъ себѣ скажетъ: Да!... это я напередъ видѣлъ, что сему такъ, а не инакъ быть надобно.... Съ Божіею помощію, пускай себѣ веселится имъ другой, а я останусь и при прежнемъ... Съ меня, благодарю Бога, и сего доволь-

вольно; къ томужъ я еще не знаю, гдѣ мнѣ найти, гдѣ потерять можно. . . . А все сіе Хрисанфа тотчасъ и успокоить можетъ.

Сей примѣръ, о натуральности котораго никто не можетъ сомнѣваться, довольно намъ сію истинну изъясняетъ; а каковъ онъ, таковы могутъ быть и всякаго рода прочіе. Почему нѣтъ нужды упоминать и говорить о томъ далѣе, но лучше поспѣшить къ изъясненію другаго до сего же правила касающагося обстоятельства, а именно:

Опыты доказываютъ намъ, что душевныя наши прискорбія, печали и неудовольствія чувствуемъ и терпимъ мы не при однихъ такихъ случаяхъ, когда, на примѣръ, не исполняются какія нибудь наши желанія и мы не получаемъ ожидаемой вещи, но и при такихъ, когда мы, на примѣръ, лишаемся чего нибудь такого, чѣмъ мы уже владѣли, и что намъ было мило и пріятно.

ятно. Прискорбности наши в҄ сих҄ случаях҄ поистинн҄ѣ еще превосходят҄ первыя, и самое сіе побудить может҄ н҄ѣкоторых҄ спросить, что я в҄ разсужденіи сих҄ случаев҄ скажу. Тоже самое, отв҄ѣтствую, и что нам҄ и в҄ сем҄ случа҄ѣ сіе же правило употреблять и от҄ наблюденія онаго такой же пользы ожидать можно. Правда, хотя и видится нам҄ в҄ том҄ превеликая разница и по видимому не можно никак҄ согласить сіе с҄ изъясненными мною основаніями; ибо тут҄ не прим҄ѣчаем҄ мы никаких҄ увеличивающихся желаній; однако это только нам҄ так҄ кажется, в҄ самом҄ же д҄ѣл҄ѣ никакой н҄ѣт҄ разности. Прискорбія и печали наши проистекают҄ из҄ самаго тогож҄ источника, то есть что желаніям҄ нашим҄ чинится противное, и по т҄ѣм҄ самым҄ обстоятельствам҄ величина и мализна оных҄ располагается. Вся разность состоит҄ в҄ том҄, что желанія сіи находятся во внутренности нашей сокровенны и мы об҄ них҄ не им҄ѣем҄ св҄ѣд҄ѣнія. Почему

и

и наблюденіе того же правила сдѣлаетъ намъ сіи печали и неудовольствія гораздо сноснѣйшими, и все зависитъ только отъ того, чтобъ намъ не представлять себѣ всѣ сіи вещи необходимо надобными и такими, безъ которыхъ уже намъ никакъ обойтися не можно, а потеряніе, или лишеніе оныхъ, невозможнымъ, невѣроятнымъ и нестаточнымъ дѣломъ; но напротивъ того помышлять, что лишиться оныхъ мы всего скорѣе и легче можемъ, да и потеряніе оныхъ почти вѣроятно; да хотябъ и лишились, такъ отъ того не уголовная какая бѣда намъ послѣдуетъ, но что можно намъ безъ нихъ пробыть, и прочее тому подобное. И за вѣрное можно сказать, что такія предварительныя помышленія равнымъ образомъ намъ сугубую пользу принесутъ, то есть когда мы оныхъ въ самомъ дѣлѣ лишимся, то сіе знатнымъ градусомъ уменьшитъ наше прискорбіе и не допуститъ насъ терпѣть несносное страданіе. Буде же того не послѣдуетъ,

то владѣніе и наслажденіе оными сдѣлается намъ пріятнѣе и мы оной вещи такъ будемъ радоваться, какъ бы вновь ее получили. Что сіе справедливо, то могутъ намъ доказать также опыты и многочисленные примѣры. Возьмемъ какой нибудь случай изъ человѣческой жизни: положимъ на примѣръ, чтобъ у насъ деньги были на комъ нибудь въ долгу. Представляй же себѣ теперь вопервыхъ, что ты ими всегда владѣть будешь; возмешь, когда хочешь; что онѣ тебѣ на всегдашнее время необходимо надобны; что лишиться тебѣ оныхъ никакъ не можно, и такъ далѣе; и скажи, обрадуешься ли ты, когда тебѣ ихъ возвратятъ? Не съ равнодушіемъ ли ты примешь оныя? Напротивъ того, сколь велика твоя печаль будетъ, естьли онѣ сверьхъ всякаго твоего чаянія какимъ нибудь случаемъ пропадутъ! Не поразитъ ли сіе тебя какъ громовымъ ударомъ? Не будешь ли ты отъ того терпѣть жесточайшаго прискорбія, не встревожитъ ли сей слу-

случай всю твою душу, такъ что долгое время того позабыть не можешь?... Напротивъ того представляй же ты теперь все то въ противномъ видѣ: воображай себѣ въ мысляхъ, что деньгамъ твоимъ врядъ назади бывать; что получить тебѣ назадъ трудно и почти не возможно, щитай ихъ такъ, какъ уже потерянными, и думай притомъ, что для тебя сіе не уголовная бѣда; что ты прежде безъ нихъ былъ и впредь безъ нихъ пробыть можешь, и прочее тому подобное; и скажи, такова ли уже чувствительна твоя печаль будетъ, естьли ты ихъ дѣйствительно лишишься? Не перенесешь ли ты сіе уже терпѣливо? Не скажешь ли самъ въ себѣ: да! это я напередъ зналъ и видѣлъ, что такъ быть и имъ пропасть надлежало. И сіи слова не будутъ ли уже сущимъ балзамомъ на рану твоего сердца, и не въ состояніи ли будутъ возвратить скоро твое спокойствіе? Напротивъ того съ равнодушіемъ ли ты уже ихъ прини-

мать станешь, естьли противъ всякаго чаянія онъ тебѣ возвратится? Но не обрадуешься ли сему неожидаемому возвращенію равно такъ, какъ новому пріобрѣтенію? и не на самой ли справедливости основана та простая пословица, что старой долгъ всегда намъ вмѣсто находки?

Вотъ небольшіе примѣры, могущіе вамъ, дорогой читатель, изъяснить, сколь важно и необходимо надобно намъ наблюденіе сего правила, и коль полезно можетъ быть оно во все продолженіе нынѣшней нашей кратковременной жизни. Я не сомнѣваюсь, что по симъ двумъ примѣрамъ тоже самое и о всѣхъ прочихъ нашихъ земныхъ благихъ заключить можно; а равномѣрно и ту истинну не оспорите, что помышленія, какія я въ разсужденіи оныхъ имѣть совѣтую, основаны не на собственномъ самихъ себя обманываніи, но на самой справедливости. Ибо скажете: изъ всѣхъ желаемыхъ нами и до сей одной

жизни

жизни касающихся вещественныхъ стяжаній не всѣ ли такого рода, что о достовѣрномъ полученіи оныхъ мы никакъ смѣло поручиться не можемъ? Кому не извѣстно, коль часто въ предбудущія времена перемѣняются обстоятельства и коль мало сію перемѣну предусмотрѣть мы въ состояніи находимся? Не обращаются ли часто наилучшія наши надежды въ ничто, и не часто ли принуждены мы бываемъ видѣть противное всѣмъ нашимъ чаяніямъ и упованіямъ и такое, чего мы всего меньше ожидаемъ? Можемъ ли мы знать, что съ нами и съ другими завтра, а не только чрезъ годъ, или нѣсколько времени воспослѣдуетъ? и можемъ ли въ разсужденіи чего нибудь положиться, что то такъ, а не инакъ будетъ? Но когда сіе справедливо, и когда будущія времена и премѣна обстоятельствъ закрыта отъ насъ толь непроницаемою завѣсою, то на чтожъ намъ и забывать сіе? на чтожъ и представлять себѣ полученіе желае-

мыхъ земныхъ благъ достовѣрнымъ и безсомнѣннымъ, такъ какъ мы то всего чаще и обыкновеннѣе дѣлаемъ? Но чтожъ выходитъ изъ того? Не то ли, что мы стараемся въ семъ случаѣ самихъ себя только обманывать и насильно не хотимъ видѣть и признавать истинны, которая свѣтлѣе солнца? Не лучше ли бы было, когда бы мы послѣдовали въ семъ случаѣ повелѣніямъ натуры, которая вѣрно не безъ причины и къ нашей пользѣ скрыла отъ насъ знаніе предбудущаго и самымъ тѣмъ равно какъ изустно намъ твердитъ, чтобъ мы, будучи не въ состояніи предвидѣть будущее, никогда твердо и безсомнѣнно не ожидали исполненія желаній нашихъ и не полагали уже то совсѣмъ достовѣрнымъ?

А тоже самое и въ разсужденіи втораго обстоятельства, или владѣнія и удержанія земныхъ благъ, сказать намъ можно. Не всѣмъ ли намъ довольно извѣстно, и не всякой ли изъ

насъ

насъ имѣлъ въ жизнь свою довольно случаевъ испытать собственнымъ опытомъ, что самое владѣніе наше земными благими всего скорѣе можетъ подвержено быть подрыву, и далеко не таково твердо, прочно, достовѣрно и непоколебимо, каковымъ мы обыкновенно оное себѣ воображаемъ? Скажите, чтобъ такое изъ сихъ благъ и стяжаній было, о чемъ бы могли мы вѣрно и безсомнѣнно сказать, что у насъ его никто не похититъ, и мы никогда его не лишимся? Честь ли, чины ли, достоинства ли, почтеніе ли, милость ли отъ кого, слава ли, деревни ли, домы ли, имѣнія ли, сокровища ли, и наконецъ родственники ли, дѣти ли, друзья ли, и прочее тому подобное, суть вещи, отъ насъ неотъемлемыя? Но ахъ! это все суть вещи, которыя мы въ одинъ мигъ и такъ скоро потерять можемъ, что не успѣемъ еще, такъ сказать, оглянуться, какъ и слѣдъ ихъ простыть можетъ. Не знаемъ ли мы, что иногда самая бездѣлица, самое ничтож-

чтожное и нами непредвидимое обстоятельство насъ наилучшихъ вещей и стяжаній лишить можетъ, и не должны ли признаться, что все владѣніе наше оными основано весьма на хлибкомъ и слабомъ фундаментѣ, и по самой справедливости можетъ почестъся храминою, построенною на пескѣ, которую въ одинъ мигъ и вода подмыть и вѣтры опрокинуть могутъ? Когда же сіе справедливо, и когда мы то очевидно видимъ, то на чтожъ намъ и обманывать себя, приписывая въ мысляхъ имъ твердость и непоколебимость, и почитать ихъ такими, что онѣ никогда и никоимъ образомъ разрушиться не могутъ? На то ли, чтобъ потеряніе оныхъ намъ тѣмъ чувствительнѣе и мы злополучнѣе были? Не лучшель бы было, естьлибъ мы въ семъ случаѣ послѣдовали повелѣнію самой натуры, и владѣніе свое сими вещами не болѣе уважали и не болѣе почитали его достовѣрнымъ и неотъемлемымъ, каково оно въ самомъ дѣлѣ есть, и помышлялибъ

объ

объ нихъ такъ, какъ по предписанію сего правила должно?

Тоже самое найдемъ, естьли мы третіе предложеніе сего правила разсмотримъ, а именно, чтобъ намъ не почитать всѣ сіи земныя благи необходимо себѣ надобными. Мы найдемъ, говорю, и оное на самой справедливости основанное; ибо естьли безпристрастно объ нихъ разсудить, то большая часть изъ нихъ такія, безъ которыхъ намъ конечно обойтися можно, и которыя для насъ далеко не столь необходимо надобны, каковыми мы ихъ обыкновенно почитаемъ. Не такія же ли мы точно люди, какъ всѣ прочіе? Но сколько милліоновъ людей есть, которые всего того не имѣютъ, однако живутъ, и безъ нужды весь свой вѣкъ безъ нихъ препровождаютъ. Не уже ли только имъ однимъ то можно, а намъ никакой возможности нѣтъ? Не уже ли одни только мы предъ ними такъ отмѣнныя созданія, что намъ безъ того никоимъ образомъ пробыть не можно? Но

можемъ ли мы сіе о себѣ утвердить? Не всѣ ли обстоятельства доказываютъ намъ, что мы во всемъ подобны имъ и никакихъ особыхъ преимуществъ не имѣемъ? Не таковы же ли голы, слабы, немощны и скудны всходимъ мы на театръ сего свѣта, и не въ такомъ же ли точно состоянiи и сходимъ съ онаго, какъ и они всѣ? Скажите, что такое приносимъ и относимъ мы съ собою? . . . . Естьли ничего, то не слѣдуетъ ли само собою, что все, что мы въ жизнь свою у себя имѣли, было не наше и осталось не нашимъ, но принадлежало, принадлежитъ и впредь принадлежать будетъ свѣту, или паче Вседержителю онаго, раздающему то, кому Ему бываетъ угодно? Но откудажъ мы взяли право присвоять то себѣ, искать и требовать того, какъ себѣ надлежащаго и необходимо надобнаго, хранить, какъ свое собственное, и тужить обо всемъ, какъ о своемъ кровномъ и неотъемлемомъ стяжанiи? . . . . Удивительное поистиннѣ дѣло! . . . То, на полученiе и требо-

требованіе чего мы сами собою ни малѣйшаго права не имѣли и не имѣемъ, и что дается намъ на время изъ единой милости и произвола общаго всѣхъ вещей Обладателя, присвояемъ мы себѣ, и такъ далеко себя позабываемъ, что даннымъ намъ не хотимъ еще довольствоваться, но требуемъ еще множайшаго, говоря, что намъ то необходимо надобно, равно такъ, какъ бы Учредитель нашей натуры не зналъ, что намъ надобно, что нѣтъ, и не имѣлъ столько разсудка, чтобъ разсудить по самой справедливости, чего кому болѣе, чего меньше дать надлежало, и столько власти, чтобъ могъ тому то дать, кому что похочетъ, и у того то отнять, что Ему будетъ угодно. Скажите, государи мои, имѣемъ ли мы право указывать Ему въ семъ случаѣ, и что мы за звѣри, что отваживаемся дѣлать Ему предписанія, судить и рядить Его поступки и роптать, какъ скоро что не такъ воспослѣдуетъ и намъ то не дано будетъ, чего бы намъ по глупому нашему вообра-

воображенію хотѣлось? Ахъ! куда это забродимъ мы, любезные собратія? Коль далеко забываемъ себя и свою ничтожность, и не лучшель бы было, естьлибъ мы поближе самихъ себя разсматривали и получше о владѣемыхъ и желаемыхъ нами земныхъ благихъ судили и помышляли? Въ семъ случаѣ вѣрно бы совсѣмъ иное вышло и за вѣрное можно сказать, что естьлибъ всѣмъ желаемымъ и столь много обожаемымъ нами и необходимо надобными почитаемымъ земнымъ благимъ сдѣлать реэстръ и оной безпристрастно разсмотрѣть, то большую бы часть изъ нихъ принуждено было вычернить и признаться, что они далеко не столь необходимо надобны, какъ мы ихъ прежде почитали. Ибо естьли по самой строгости разсудить, то необходимо надобными себѣ вещами не одну ли пищу для утоленія алчбы и питье для утоленія жажды почитать мы себѣ должны? Самая одежда и домы, защищающіе тѣла наши отъ суровости воздуха и

погодъ,

погодъ, не повсюду уже къ числу сихъ необходимостей приписываемы быть могутъ; а всѣ прочія не такія ли, безъ которыхъ намъ по нуждѣ уже обойтися можно, слѣдовательно не принадлежатъ ли уже къ произвольнымъ и такимъ даяніямъ Божескимъ, которыхъ усильно себѣ требовать никакого мы не имѣемъ права, но за низпосланіе которыхъ мы уже въ особливости Его благодарить должны и обязаны? Когда же сіе такъ, то на чтожъ намъ то и дѣлать и почитать ихъ себѣ крайнѣ и необходимо-надобными?

Такимъ образомъ естьли мило вамъ, любезной читатель, истинное благополучіе; естьли хотите вы истиннымъ спокойствомъ наслаждаться и однимъ разомъ многихъ и безчисленныхъ безпокойствъ избавиться, то старайтесь, сколько можно, о наблюденіи сего поистиннѣ весьма важнаго правила. Привыкайте на всѣ вещи смотрѣть иными глазами и судить

обо

обо всѣхъ безпристрастнѣйшимъ образомъ. Въ особливости же полученіе и владѣніе земными благими не представляйте себѣ достовѣрнымъ и необходимо надобнымъ; помните всегда и напоминайте, какъ можно чаще, что вы родились наги и ничего и никакого права на свѣтъ съ собою не принесли, и ничего опять изъ земныхъ благъ съ собою не возьмете. Все было уже въ свѣтѣ, и все останется въономъ; все ему принадлежало и принадлежать будетъ; все было и будетъ не ваше и вамъ только на время и на подержаніе дано отъ вашего Создателя и отъ того, которой надъ всѣми ими имѣетъ безпредѣльную власть и раздаетъ ихъ всѣмъ по своему благоусмотренію, не требуя о томъ ни у кого совѣта, и наконецъ которой вѣрно не лишитъ васъ необходимо надобныхъ вамъ вещей. Не забывайтежъ далѣе и того, что будущее отъ васъ скрыто, и что въ теченіи, перемѣнахъ и обстоятельствахъ свѣта вы не только ни малѣйшей

шей перемѣны сами собою учинить не можете, но не въ состояніи провидѣть и знать, что завтра воспослѣдуетъ, но что распоряжаетъ ихъ Тотъ, которой васъ и весь оной міръ создалъ и имъ наипремудрѣйшимъ образомъ управляетъ, слѣдовательно что всѣ ваши стяжанія состоятъ въ Его безпредѣльной власти, и вы удержаніе оныхъ никоимъ образомъ достовѣрнымъ почитать и на всѣ ваши надежды полагаться никакъ не можете. А сіе помня, предавайтежъ все въ Его святую волю, берегитесь мѣшаться въ Его дѣла, но довольствуйтесь всемъ тѣмъ, что имѣете и что Ему вамъ дать было угодно, не заботясь о томъ, навсегда ли онымъ вамъ владѣть отъ Него опредѣлено будетъ, или когда нибудь отъ васъ отнято и по Его премудрому усмотренію другому кому отдано будетъ.

Таковыя помышленія принесутъ вамъ безчисленныя пользы: вопервыхъ, избавитесь вы чрезъ то однимъ разомъ

зомъ многихъ тревожащихъ духъ вашъ безпокойствъ и опасеній, и убѣжите многихъ досадъ, печалей и неудовольствій; ибо не будете уже имѣть причины заранѣе мучить себя помышленіями о потеряніи чего нибудь вамъ милаго и любезнаго, также досадовать на неисполненіе какихъ нибудь сильныхъ желаній. Вовторыхъ, нечувствительно пріумножится чрезъ то знатнымъ образомъ количество вашихъ увеселеній; ибо владѣніе имѣющимися *стяжаніями* сдѣлается вамъ уже милѣе и пріятнѣе, по причинѣ, что вы сіи стяжанія почитать станете уже не заслуженными, но вамъ изъ особливой милости отъ Создателя вашего данными. Втретьихъ, самыя дѣйствительныя потерянія чего нибудь изъ земныхъ благъ въ состояніи вы будете сносить съ лучшимъ великодушіемъ и съ меньшимъ прискорбіемъ и печалію. Вчетвертыхъ, будетъ все сіе много помогать вамъ въ вашемъ исправленіи и побуждать къ прилѣжнѣйшему исканію благороднѣй-

нѣйшихъ нравственныхъ благихъ и совершенствъ душевныхъ, то есть къ украшенію себя добродѣтельми и къ снисканію сихъ сокровищъ, кои неотъемлемы и кои единыя назвать можемъ своими собственностями и съ собою изъ сего свѣта выносить можемъ, и кои искать повелѣваетъ намъ самъ Богъ, говоря въ откровенномъ своемъ словѣ, чтобъ мы старались пріобрѣтать сокровища на небесѣхъ, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, ни татіе не подкапываютъ, ни крадутъ. Наконецъ, и что всего важнѣе, таковая ваша поступка будетъ согласна съ самою натурою и притомъ такая, которая не инако, какъ мила и пріятна можетъ быть вашему Производителю, и чрезъ самое то пріобрѣтетъ вамъ множайшую Его милость и любовь, которая одна достойна уже того, чтобъ мы для ней все на свѣтѣ предпріяли и ничего себѣ въ трудъ и отягощеніе не ставили.

Сего довольно будетъ въ объясненіе сего важнаго правила, теперь

время итти далѣе и предложить вамъ прочія, къ сему же пункту принадлежащія.

3.

Третіе правило, наблюденіемъ котораго мы много спокойствію нашему, слѣдовательно и благополучію поспѣшествовать можемъ, есть слѣдующее:

Сживи съ рукъ излишнія прихоти и желанія.

Естьлибъ я не столь много уже впереди говорилъ о существѣ и дѣйствіи нашихъ желаній, то бы сіе правило надобно мнѣ было въ подробности изъяснять и доказывать; а теперь не предвижу уже я въ томъ никакой почти надобности. Ибо когда читатель уже вѣдаетъ, отъ чего въ насъ прискорбіе и неудовольствіе раждаются, то не трудно уже ему будетъ самому заключить, что когда поменьше въ насъ будетъ излишнихъ

и

и такихъ прихотей и желаній, которымъ всего чаще можетъ случаться противодѣйствіе, то натурально меньше будетъ и возможныхъ случаевъ къ претерпѣванію намъ отъ того противодѣйствія досадъ, печалей, горестей и всякаго рода душевныхъ прискорбій. И кто не видитъ изъ сего, что съ убавленіемъ сихъ прихотей и желаній сживемъ мы съ рукъ множество и сихъ прискорбій и неудовольствій, толь много благополучію нашему мѣшающихъ!

Сего довольно уже почти въ объясненіе сего по самой справедливости весьма важнаго и примѣчанія достойнаго правила, и мнѣ остаются немногія только слова присовокупить къ оному.

Ежели прямо разсудить и разобрать въ тонкость всѣ дѣла наши, то поистиннѣ должно признаться, что большая часть страданій и неудовольствій нашихъ имѣютъ про-

исхожденіе свое отъ неисполненія не столько надобныхъ и необходимыхъ нашихъ желаній, сколько сущихъ прихотей и излишнихъ совсѣмъ вожделѣній. Мы позабываемъ свою натуру и не помнимъ того, что она малымъ довольствоваться можетъ; но все намъ хочется болѣе и все лучшаго, на примѣръ: мы одарены уже и такъ довольно честію, однако нѣтъ, сего намъ мало, надобно ей быть больше. Въ деньгахъ у насъ никогда недостатка не бывало, всегда становилось ихъ съ нашу нужду; но нѣтъ, сего съ насъ недовольно, намъ надобно богатымъ быть, намъ надобно тысячами ворочать. Домъ у насъ покойной и мы безъ нужды въ немъ жить можемъ; но нѣтъ, онъ худъ, намъ надобно огромныя палаты. Платья у насъ довольно и мы никогда еще стужи не терпѣли и никто еще насъ не презиралъ за оное; но нѣтъ, намъ надобно лучшее, драгоцѣннѣйшее и всякой почти день перемѣнное. Пѣшкомъ мы никогда не ходимъ, лошади есть, ѣздить

дить есть въ чемъ; но статочное ли дѣло, всего того недовольно, надобно имѣть цуги и экипажи всякой годъ перемѣнные и модные. Пить и ѣсть намъ есть что и никогда еще не было, чтобъ мы за обѣдомъ до сыта не наѣдались и не напивались; но нѣтъ, сего еще недовольно, мы недовольно еще сладко ѣли и пили, надобно лучшій и драгоцѣннѣйшій столъ имѣть. Люди насъ и такъ любятъ и почитаютъ, намъ кланяются, а многіе есть, которыхъ судьба совсѣмъ подъ нашу власть безъ всякой нашей заслуги покорила; но всемъ тѣмъ и всего того намъ недовольно, а надобно, чтобъ всѣ намъ кланялись, всѣ обожали, всѣ предъ нами ползали, а во власти нашей многія сотни, многія тысячи состояли, и такъ далѣе. Но скажите пожалуйте, можно ли намъ всѣмъ знатнымъ и богатымъ быть? Можно ли всѣмъ равными дарованіями щастія наслаждаться, и будетъ ли когда нибудь нашимъ прихотямъ и желаніямъ конецъ? Достигнемъ ли мы когда нибудь

будь до желаемаго берега и остановимся ли когда нибудь жить на которомъ нибудь островкѣ безпредѣльнаго моря нашихъ желаній, сего Архипелага, наполненнаго безчисленными островами? Весь ли намъ вѣкъ съ опасностію живота и благополучія нашего переплывать съ одного острова на другой и выбирать вселучшій для нашего пребыванія, а ни на которомъ не останавливаться и искать безпрестанно берега, котораго вблизи не находится, и которой скрытъ отъ глазъ нашихъ непроницаемою завѣсою вѣчности и смерти? Не лучше ли будетъ не пускаться совсѣмъ въ такое безпредѣльное море, или остаться жить на томъ островѣ, въ которой судьба насъ завела и по произволенію своему посадила, и безъ дальнихъ хлопотъ и не вдаваясь въ дальнѣйшія опасности, довольствоваться тѣми выгодами, какія мы на немъ найти можемъ, и ими наслаждаться, а особливо когда и во всѣхъ оныхъ островахъ, представляющихъ

сущее

сущее подобіе разныхъ состояній, существительныя выгоды не великой разности и болѣе издали лучшайшими кажутся, нежели въ самомъ дѣлѣ суть?

Я прошу мнѣ отпустить небольшую сію игру мыслей и малую сію аллегорію; помышленія о суетѣ нашихъ прихотей и излишнихъ желаній оную родили и въ перо мое вліяли. Теперь возвращусь я къ моему предмету.

Такимъ образомъ не самое ли благоразуміе велитъ намъ уменьшать, сколько можно, излишнія наши прихоти и желанія, но довольствоваться малымъ и слѣдовать гласу самой натуры? Сія вѣрная путеводительница не заведетъ насъ никогда въ лабиринты, изъ которыхъ наконецъ мы не можемъ выдраться, но поведетъ прямою и ближайшею дорогою, къ благополучію ведущею. Мудрые ея совѣты никогда насъ не обманутъ, и буде хотите вы ее спросить о томъ, какъ вамъ жить

и желанія свои распоряжать, то вотъ, на примѣръ, что отъ ней услышите: не желай чести, скажетъ она вамъ, но честнаго имени; не желай богатства, но только того, чтобъ ты безъ нужды пропитать и содержать себя могъ; не желай спокойностей тѣла и нѣжнаго оному содержанія, но только пропитанія и того, чтобъ оно отъ прискорбностей освобождено было. Дѣлая сіе, скажетъ она тебѣ далѣе, и привыкнувъ къ трудолюбію и мудрости, получишь ты всегда болѣе того, сколько ты желалъ, и сей излишекъ ни мало уже не будетъ тебѣ вредителенъ, но вмѣсто того, какъ неожидаемое и нежеланное тобою исполненіе, будетъ причинять тебѣ чувствительнѣйшее увеселеніе. Вотъ что она тебѣ скажетъ! и все сіе основано на непреоборимой истиннѣ.

Ежели все сіе еще недовольно истинну сію вамъ изъяснить было въ состояніи, то изслѣдуемъ сіе нѣсколько точнѣе. Начнемъ, на примѣръ,

съ честолюбія: скажите, чтобъ воспослѣдовало тогда, естьлибъ мы довели себя до того, чтобъ желаніе множайшей чести вовсе насъ не тревожило, и мыбъ были совершенно довольны тою, которую уже имѣемъ, а со всѣмъ тѣмъ, когдабъ, не смотря на то, намъ Всевышній низпослалъ неожидаемое нами умноженіе нашей чести. Не крайнѣль бы она была намъ чувствительна и радостна? Не сталибъ ли мы тѣмъ болѣе веселиться, чѣмъ меньше оной ожидали? . . . Такъ, скажете вы; но отъ чегожъ бы сіе дѣлалось? Отъ того, что сей случай подалъ бы тѣмъ поводъ угнѣтенному въ насъ и уменьшенному желанію чести вдругъ и единственно для насыщенія своего по законамъ всплам еняющихся пристрастій тогда увеличиться, и съ нимъ тогда такъ произойдетъ, какъ съ губкою Грецкою: когдабъ была она напередъ въ рукѣ сжата и вдругъ ее освободить, и она раздуется и получитъ всю величину свою, которому скоропостижному раздуванію оной

 нату-

натурою положено условіемъ исполненіе желанія; ибо въ случаѣ неисполненія того мы не примѣчаемъ, но прискорбіе соотвѣтствуетъ тогдашней величинѣ желанія. А какъ сіе съ честолюбіемъ бываетъ, такъ точно тожъ и съ богатолюбіемъ происходитъ. Положите на примѣръ, чтобъ мы довели себя до того, чтобъ насъ богатство ни мало не прельщало, но мы совершенно довольствовались бы тѣмъ достаткомъ, какимъ угодно было одарить насъ нашему Создателю: не сталобъ ли насъ въ семъ случаѣ всякое неожидаемое онаго умноженіе тѣмъ чувствительнѣе и больше увеселять, и не въ состояніиль бы мы были и малымъ умноженіемъ болѣе увеселяться, нежели сколько веселятъ другихъ знатныя и великія приращенія? А тоже самое можемъ сказать и въ разсужденіи прихотей, касающихся до услажденія нашихъ тѣлесныхъ чувствъ: чѣмъ меньше мы оныхъ имѣть въ себѣ будемъ, тѣмъ болѣе будетъ пріятность, чувствуемая нами при полученіи оныхъ.

оныхЪ. ОднимЪ словомЪ, всѣ благія сего свѣта будутЪ сЪ существительными нашими желаніями всегда еще вЪ такомЪ содержаніи находиться, что владѣніе оными все еще насЪ пріятнѣйшимЪ образомЪ веселить можетЪ, хотябЪ и истребили мы изЪ себя всѣ излишнія прихоти. Кто же не видитЪ изЪ сего, что симЪ причины прискорбія и неудовольствій нашихЪ знатнымЪ образомЪ уменьшатся, а со всѣмЪ тѣмЪ причины такого увеселенія, которое существомЪ истиннаго благополучія почесться можетЪ, ни мало не убавятся, но паче пріумножатся?

ВЪ потребное изчисленіе всѣхЪ оныхЪ прихотей и излишнихЪ желаній, которыя намЪ сЪ рукЪ нашихЪ сживать надобно, входить и чѣмЪ и какимЪ образомЪ сіе удобнѣе вЪ дѣйство производить, вдаль изЪяснять почитаю я совсѣмЪ за излишнее. Обо всемЪ томЪ я уже довольно впереди говорилЪ, и все сіе не трудно усмо-

усмотрѣть самому читателю, когда онъ все то соблаговолитъ припомнить, что я о семъ какъ здѣсь выше, такъ и въ предслѣдующихъ и въ первой части сей книги находящихся разсужденіяхъ, а особливо о нравственномъ злѣ, о средствахъ къ истребленію онаго, и въ руководствѣ къ исправленію, пространно и нарочно для того, чтобъ здѣсь уже и не повторять, въ особливости говорилъ; чего ради, умолчавъ о томъ, пойду далѣе. Важнѣйшій предметъ привлекаетъ къ себѣ мое вниманіе; поспѣшимъ же разсматривать оной, то есть послѣднее и важнѣйшее, касающееся до сего пункта, правило.

4.

Четвертое правило, наблюденіемъ котораго мы много спокойствію нашему споспѣшествовать можемъ, есть слѣдующее:

Уменьши воспламеняющіяся пристрастія и отдали себя отъ страстей.

Сіе

Сіе правило требуетъ уже конечно пространнѣйшаго объясненія и доказательства, нежели предслѣдующія; ибо вѣдаю довольно, что многіе на семъ пунктѣ остановятся и отчасти не будутъ совершенно усматривать, что я подъ именемъ впламеняющихся пристрастій собственно разумѣю и какое различіе нахожу между ими и страстями, отчасти пожелаютъ знать, какимъ образомъ отъ уменьшенія оныхъ можетъ произойти поспѣшествованіе нашему спокойствію.

Для сей причины, равно какъ и для самой великой важности сего правила, необходимо надобно мнѣ поговорить объ немъ нѣсколько пространнѣе, и въ удовольствіе любопытныхъ для лучшаго объясненія онаго сообщить имъ какъ о существѣ пристрастій, такъ и о прочихъ до нихъ принадлежащихъ обстоятельствахъ все, что мнѣ безъ дальняго разпространенія словъ и сколько предѣлы сего сочиненія дозволить могутъ, сказать можно.

И такъ надобно знать, что подъ именемъ вспламеняющихся пристрастій разумѣется собственно одно особое и обоимъ родамъ нашихъ желаній, то есть хотительнымъ и отвратительнымъ принадлежащее свойство, состоящее въ премѣняющемся степени, или градусѣ, силы и слабости въ дѣйствіи человѣческихъ желаній, но которой градусъ дѣйствія отъ натуры уже таковъ, что не можетъ долгое время въ одномъ состояніи пребывать, но скоро перемѣняется. Сей-то градусъ дѣйствія желаній называютъ Философы аффектами, что на нашемъ языкѣ за способнѣе призналъ я изобразить словомъ вспламеняющихся пристрастій: вопервыхъ для того, что самыя сіи слова точнѣе могутъ существо аффектовъ изобразить; ибо желаніе во время аффекта вдругъ и такъ скоропостижно до высочайшаго своего градуса увеличивается, что равно какъ порохъ вспыхиваетъ и вспламеняется, и чрезъ то производитъ

во

во всей душѣ великой безпорядокъ, такъ что мы тогда ни порядочно и разумно разсуждать, ни средства къ намѣреніямъ благоразумно употреблять не можемъ. Вовторыхъ, чтобъ тѣмъ отличить ихъ отъ страстей, которыя хотя въ такомъ же высокомъ градусѣ дѣйствія нѣкоторыхъ нашихъ желаній состоятъ, но съ тою только различностію, что градусъ дѣйствія сихъ продолжается долгое время въ одинаковомъ состояніи и не такъ, какъ въ случаѣ аффектовъ, тотчасъ премѣняется, какъ на примѣръ разныя наши къ какимъ нибудь вещамъ охоты, обратившіяся въ страсть, какъ-то къ звѣриной ловлѣ, питью, къ картежной игрѣ, и прочее тому подобное.

Въ подробность изслѣдовать, какимъ образомъ и отъ чего желанія такъ сильно и скоропостижно воспламеняются, было бы сколько излишнее, столько и ненадобное къ теперешнему намѣренію дѣло. Чего ради, не входя во всю Философическую тонкость,

кость, скажу только, что по примѣчаніямъ изъ опытовъ помянутое свойство обыкновенно принадлежитъ болѣе до суетныхъ, а не до всѣхъ желаній вообще, и что причиною тому наиболѣе непримѣтная скоропостижность нашихъ мыслей и воображеній.

Впрочемъ всѣ помянутое свойство имѣющія желанія могутъ на три рода раздѣлиться: первыя изъ нихъ такія, которыя вообще до обоего рода, то есть до хотительныхъ и отвратительныхъ желаній принадлежатъ, и таковое вспламеняющееся пристрастіе есть удивленіе; вторыя принадлежатъ къ однимъ хотительнымъ, котораго роду суть радость и смѣхъ; третьи къ однимъ отвратительнымъ стремительствамъ, и таковыя суть: страхъ, или боязнь, пуганіе, гнѣвъ, печаль, трепетъ и отчаяніе, и прочія каждому изъ нихъ свойственныя отродія.

Легко можно заключить, что намъ не до всѣхъ ихъ надобно имѣть будетъ

детъ дѣло, а только до сихъ послѣднихъ; ибо какъ удивленіе, такъ радость и смѣхъ, не препятствовать, но паче поспѣшествовать еще могутъ нашему благополучію, естьли благоразумно будутъ управляемы. Чего ради объ нихъ совсѣмъ излишнееб дѣло было здѣсь далѣе изъясняться, а лучше то учинить въ разсужденіи послѣднихъ, которыя хотя по одному званію своему уже довольно каждому извѣстны, однако не только не излишнее, но паче и надобное будетъ дѣло, естьли пріобщить здѣсь нѣсколько словъ къ изъясненію того, въ чемъ бы собственно сіи аффекты состояли и отъ чего вообще дѣлались. И такъ, начавъ съ перваго, пройдемъ мимоходомъ ихъ всѣ по порядку.

Страхъ, или боязнь, ничто иное есть, какъ сильная степень нашего отвращенія, или нехотѣнія предстоящаго намъ какого нибудь зла, или вреда. Почему чѣмъ величайшимъ зломъ себѣ мы какую вещь почита-

емъ и чѣмъ ближе къ ней находиться думаемъ, или чѣмъ достовѣрнѣе намъ воспослѣдованіе того кажется, тѣмъ болѣе увеличивается при такихъ обстоятельствахъ страхъ и боязнь наша. Таже сильная степень отвращенія, или нехотѣнія предстоящаго зла, которое происходитъ отъ нечаяннаго и скоропостижнаго воображенія присутствія онаго, называется пужливость, или ужасъ. Какъ мы во многихъ случаяхъ склонны чаять и ожидать скорѣе злаго, нежели добраго, то и происходитъ отъ того, что мы всякою нечаянною и скоропостижно сдѣлавшеюся перемѣною страшимся и пугаемся, хотя бы о той вещи не имѣли мы никакого еще полнаго и достаточнаго понятія; также когда всякое зло можно почесть тѣмъ величайшимъ, чѣмъ меньше въ состояніи мы находимся ему противоборствовать, то и подвержены боязни, страху и пужливости болѣе такіе люди, которые довольно противоборствовать тому либо не могутъ,

гутЪ, либо не хотятЪ, и о томЪ сами вЪ себѣ свѣдомы. НаконецЪ какЪ мы присутствію, или предстоянію намЪ зла тѣмЪ болѣе склонны вѣрить, чѣмЪ болѣе имѣли прежде уже причины онаго ожидать: то и происходитЪ отЪ того, что такіе люди и страху и пужливости тѣмЪ болѣе подвержены, которые имѣютЪ злую и угрызающую ихЪ совѣсть. Сего довольно будетЪ для краткаго объясненія натуры страха, боязни и пужливости; теперь пойдемЪ далѣе.

ГнѣвЪ, или, простѣе сказать, сердитливость, ничто иное есть, какЪ сильная степень отвращенія, или нехотѣнія, неправды, или обиды, сопряженнаго вкупѣ сЪ стараніемЪ изъявить то наружно самимЪ дѣломЪ и употребить противЪ того средства. Когда гнѣвЪ дѣйствуетЪ сильно, то вЪ скоропостижности своей легко можетЪ превосходить всю возможность кЪ употребленію средствЪ. ВЪ звѣряхЪ и прочихЪ животныхЪ та ярость и же-

стокость дѣйствія, которыми они бросаются на все то, что их опасностію устрашает, или что им ненавистно, имѣют нѣкоторое сходство с гнѣвом; поелику разсуждать по наружности их поступок можно; однако истиннаго существа гнѣва они не имѣют.

Любомщеніе слѣдует обыкновенно из гнѣва, однако не сопряжено с ним необходимо, но есть нѣчто нравственное, а именно умышленное стараніе и вожделѣніе к наказанію обиды, неправды и озлобленія. Впрочем бывают при происхожденіи гнѣва двоякіе случаи, а именно: нас раздражает либо то, когда мы что нибудь единственно и без посредства для того неправдою и обидою почитаем, что оно нарушеніем должности и справедливости есть, либо для того, что мы то противным и несогласным с собственными нашими желаніями и намѣреніями дѣлом почитаем и тѣм себя обиженными быть признаваем. Сіе подало причину различить гнѣв

на

на два рода, и первой назвать чистымъ, или непорочнымъ гнѣвомъ, а второй нечистымъ, или собственно сердцемъ, которой послѣдній родъ гнѣва тѣмъ бываетъ сильнѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ онъ основаніе на честолюбіи. Тотъ гнѣвъ, которой происходитъ въ любящей душѣ отъ воображенія, что любимая ему особа неправильнымъ какимъ образомъ отъ него отвращаема бываетъ, называется ревнивость. Наконецъ не рѣдко случается и то, что мы разсерживаемся на безсмысленныя и бездушныя вещи и оказываемъ надъ ними дѣйствія своего гнѣва, хотя онѣ намъ никакой неправды не сдѣлали и сдѣлать были не въ состояніи; однако сіе происходитъ отъ неразсмотрительности и отъ того, что мы по скоропостижности, или незнанію своему, такимъ вещамъ истинную вину приписывали.

Печаль есть изнеможеніе духа, дѣлающееся отъ сильнаго и глубокаго помышленія о своемъ нещастіи, а имен-

но: всякое прискорбіе поражаетъ, или, такъ сказать, низлагаетъ нашу душу, а въ случаѣ горести, или печали, бываетъ сіе въ высочайшемъ градусѣ. Почему печальной горюетъ только о своемъ злощастіи, средства же противъ того, какъ при гнѣвѣ, не употребляетъ. Тѣ дѣйствія, которыя горесть и печаль тогда по себѣ оставляютъ, когда мы о причинахъ оной болѣе съ свѣдѣніемъ не помышляемъ, производятъ въ насъ то, что мы сумракомъ называемъ. Сколько изъ опытовъ примѣчать можно, то помянутыми причинами печали суть помышленія о потерянномъ какомъ нибудь благѣ, или добрѣ, воображеніе тщетности нашихъ желаній, воображенія нещастной невинности и оскорбленной и обиженной любви. Когда же мы такія приключенія съ другими людьми видимъ и о томъ печалимся, то печалимся мы болѣе о возможности собственнаго нашего подобнаго тому нещастія. Вообще же, когда кто претерпѣлъ нещастныя приключенія, но не имѣ-

имѣетъ уже объ нихъ яснаго свѣдѣнія, то оставляютъ они послѣ себя въ такомъ человѣкѣ нѣкое унывное и невеселое состояніе духа, которое есть ли сильно и долго продолжается, можно назвать уныніемъ. Дѣйствія же, производимыя всякими темными ощущеніями страха и печали, когда они въ высокомъ градусѣ бываютъ, называются смущеніемъ, а иногда тоскованіемъ и другими тому подобными званіями.

Отчаяніе есть столь высокая степень смущенія, или душевнаго замѣшательства, что мы состояніе свое толь крайнѣ худымъ почитаемъ и такое сильное имѣемъ къ нему отвращеніе, что мы всѣ прежнія свои намѣренія и старанія бросаемъ и покидаемъ, и стараемся только при первомъ какомъ нибудь и лучшемъ случаѣ высвободить себя изъ онаго, не разбирая того, какъ бы то ни удалось, худо ли, или хорошо.

Вотъ краткое описание и изчисленіе генеральныхъ вспламеняющихся пристрастій. Ежели бы изслѣдовать далѣе, то можно бы найти нѣкоторые другіе и специяльнѣйшіе роды оныхъ; однако какъ сіе завело бы меня въ дальнѣйшее пространство, то для намѣренія нашего и сего довольно будетъ.

Узнавъ теперь, что такое вспламеняющіяся пристрастія, не трудно уже будетъ всякому и ту причину усмотрѣть, для которой въ теперешнемъ правилѣ уменьшеніе оныхъ требуется. Кому не извѣстно, коль много всѣ изчисленные разные роды оныхъ мѣшаютъ намъ наслаждаться спокойствіемъ душевнымъ, и кто не знаетъ, какою желчію растворяютъ они веселіе дней нашихъ и нарушаютъ наилучшія въ жизнь нашу увеселенія? Поистиннѣ, естьли безпристрастно разобрать, то едва ли не одни они и не волнованіе оныхъ въ душѣ нашей наибольшую часть нещастій дней нашихъ составляютъ.

ютЪ. Разберите только короче все дѣло, какЪ сами то увидите. Коснемся, на примѣрЪ, перваго пристрастія, соединеннаго сЪ отвратительными желаніями, то есть боязни и страха, со всѣми его отродіями, какЪ-то ужаса, опасенія, пужливости и тому подобное, и посмотримЪ, какое зло мы отЪ него вЪ жизнь нашу претерпѣваемЪ.

Я спрошу, не мучимся ли мы имЪ почти ежедневно? Не случается ли всякой день сЪ нами такихЪ вещей и такихЪ обстоятельствЪ, которыя насЪ либо вЪ страхЪ и трепетЪ, либо вЪ ужасЪ, опасеніе и боязнь ввергаютЪ? Коль многія вещи вЪ состояніи вЪ насЪ возбуждать сіи пристрастія, и тѣмЪ не только нарушать спокойствіе, но насЪ чувствительно мучить? Коль часто ощущаемЪ мы отЪ нихЪ трепетаніе нашего сердца и приходимЪ иногда отЪ самой бездѣлицы и отЪ самой ничтожности вЪ страхЪ и ужасЪ? Одно не ясно выслушанное слово при-

водитъ иногда насъ внѣ себя; одно шептаніе другихъ раждаетъ уже въ насъ подозрѣніе не вѣдомо какого зла, сердце наше поражающаго; одинъ внезапной шумъ, крикъ и стукъ пужаетъ насъ смертельно и доводитъ иногда до того, что мы на силу можемъ съ духомъ собраться; небольшая боль въ головѣ, или въ другихъ какихъ членахъ, поражаетъ уже насъ боязнію смерти, и прочее тому подобное. Скажите теперь, не правду ли я говорю и не подтверждаютъ ли сіе собственные ваши опыты? Но вкупѣ признайтесь, что чувствія сіи конечно вамъ не производятъ никакой пріятности и веселія, но всякой бы охотно согласился ихъ не имѣть и быть отъ нихъ освобожденнымъ.

Что касается до втораго вспламеняющагося пристрастія, то есть гнѣва, со всѣми отродіями его, то не сущимъ ли ядомъ спокойствію нашему и не прямою ли желчію оной почесть можно, которою мы всякой день, но

что

что я говорю? всякой почти часъ, къ сущему разрушенію наслажденія настоящимъ благополучіемъ нашимъ, морщася пить и глотать принуждены? Поистиннѣ могу сказать, что помышляя о семъ мучительномъ и терзательномъ души нашей орудіи, желалъ бы имѣть хотя на одинъ часъ Цицероновы уста, чтобъ только могъ читателямъ моимъ всю великость изобразить вреда, намъ отъ того происходящаго. Но, ахъ! сего не имѣю; самихъ ихъ только прошу разобрать сіе дѣло безпристрастно, и всю величину и важность онаго разсмотрѣть. Кому изъ васъ, дорогіе мои единоплеменники, не извѣстно, сколь великое зло мы отъ него претерпѣвать принуждены? Кто изъ васъ найдется такой, которой бы тысичу разъ въ своей жизни мучительныя дѣйствія онаго ощущать не имѣлъ случая? Кто изъ васъ опровергаетъ сію истинну, и не долженъ будетъ признаться, что ничего нѣтъ легче, ничего способнѣе, ничего скорѣе того, чтобъ

намъ

намЪ за что нибудь сердиться и досадовать оказывался случай? НѣтЪ такого дня, вЪ которой бы освобождены мы совершенно были отЪ сего мучительнаго для насЪ упражненія. Когда не важное что и не прямо достойное гнѣва, такЪ не раздражаютЪ ли насЪ самыя иногда бездѣлицы, самое ничто, самая пустота и самыя не гнѣва, а смѣха достойныя вещи? Одно слово иногда и такое слово, которое безЪ всякаго намѣренія насЪ оскорбить кѣмЪ нибудь сказано, или еще такое, которое совсѣмЪ не такЪ выговорено, какЪ намЪ послышалось, не приводитЪ ли иногда насЪ вЪ ярость и звѣрямЪ только приличное бѣшенство, свирѣпство и самое безпамятство? КакЪ лютые звѣри опрокидываемся и бросаемся мы на мнимаго оскорбителя нашего и готовыбЪ были его живаго проглотить, или вЪ мѣлкіе куски растерзать, позабывЪ, что онЪ такой же человѣкЪ, что такимЪ же слабостямЪ подверженЪ, какЪ и мы, и что мы ничѣмЪ

его

его не лучше, и скорѣе еще тожъ самое сдѣлать можемъ, и не помня того, что сказанное имъ слово наималѣйшаго вреда намъ не сдѣлало, и мы ни руки, ни ноги отъ того не потеряли. Скажите далѣе, не случается ли часто того, что малѣйшая проступка раба нашего, проступка, ни отъ какого умышленнаго зла, но отъ одной сродной всякому человѣку и самимъ намъ свойственной оплошности произошла; одно, на примѣръ, совсѣмъ неважное дѣло, не такъ сдѣланное, какъ мы приказали; одна вещь, не такъ положенная, какъ воображенію нашему казалось лучше; одинъ уроненной и разшибенной важной, великой суммы, нѣсколькихъ полушекъ стоящій сосудъ, и прочія такія и сущія бездѣлицы въ состояніи насъ вывесть изъ себя, принудить сдѣлаться звѣрямъ подобными, лишиться разума, разсудка, всѣхъ драгоцѣнныхъ нашихъ качествъ, возжечь огнь и пламя во всемъ домѣ нашемъ и довести насъ до того, что мы извергами естества

ства и безчестіемъ рода человѣческаго сдѣлаемся? Не бываетъ ли, скажите, того, что мы съ сими сочеловѣками нашими, съ сими собратіями, съ сими товарищами своими, такъ поступаемъ, какъ намъ и съ безсмысленными скотами поступать натура запрещаетъ? Не осыпаемъ ли мы ихъ за то всѣми клятвами, всѣми злословіями, какія только глупое наше воображеніе вымыслить можетъ? Не насылаемъ ли мы всѣхъ бѣдъ, и не желаемъ ли мы на главу ихъ всего зла на свѣтѣ, какое только выдумать можно? Но тѣмъ еще не удовольствуяс , не терзаемъ ли мы иногда ихъ, какъ алчные звѣри? Не мучимъ ли и не тиранимъ ли ихъ немилосерднѣйшимъ образомъ и не затыкаемъ ли ушей своихъ отъ вопля и стенанія оныхъ? Но скажите, государи мои, достойны ли того такія бездѣлицы, и за то ли намъ съ ними толь немилосердо поступать, что натура не тѣмъ жребіемъ ихъ одарила, какъ насъ; что хотѣла намъ сдѣлать предъ ними несказанную вы-

году;

году; что опредѣлила ихъ къ вспомоществованію намъ во всѣхъ нуждахъ и къ освобожденію насъ отъ по о, къ чему она руки и ноги намъ дала?... Подумайте только о семъ безпристрастно. Не обязаны ли мы ей и имъ за то благодарностію и любовію? А сія того ли требуетъ, чтобъ мы такъ своевольно и немилосердо съ ними поступали и не хотѣли имъ простить ни малѣйшей вины и упустить ее когда безъ наказанія, такъ по крайней мѣрѣ безъ оскорбительнаго имъ злословія и клятвъ?... А!... не думайте того, чтобъ сіе такъ осталось, но бойтесь, чтобъ сіе желаемое и призываемое на нихъ вами зло когда нибудь на собственную главу вашу не обратилось и самихъ васъ не постигнуло.

Но я удалился уже отъ моего предмета. Мысли завели меня къ другимъ матеріямъ, но вы меня въ семъ случаѣ, дорогіе мои читатели, извините. Главнымъ предметомъ у меня благополу-

получіе ваше; и такъ не мѣшаетъ, что я напоминаю, гдѣ ни случится, то, что оному поспѣшествовать можетъ. Теперь возвратимся назадъ.

Такимъ образомъ можете вы изъ вышеписаннаго заключить, что и простой гнѣвъ чрезвычайно много спокойствію нашему мѣшаетъ, и намъ не инако, какъ мучителенъ, въ какомъ бы маломъ градусѣ онъ ни былъ. Теперь напомнитежъ упомянутыя мною выше его отродія и скажите, коль часто и сильно страждетъ душа наша, когда напоена она любомщеніемъ, или желаніемъ отмстить нашимъ недругамъ и врагамъ, или когда лежимъ мы въ горячкѣ ревнивости! Я оставляю самимъ вамъ судить, пріятны ли намъ всѣ дѣйствія сихъ вспламеняющихся пристрастій, и есть ли, или нѣтъ, резонъ желать, чтобъ мы отъ нихъ освобождены были, буде хотимъ прямо спокойствіемъ и сопряженнымъ съ тѣмъ благополучіемъ нашимъ наслаждаться.

Что

Что касается до третьяго воспламеняющаго пристрастія, то есть печали съ ея отродіями, также и четвертаго, то есть отчаянія: то обстоятельства, касающіяся до нихъ, а особливо то, что они существительными препятствіями нашему благополучію бываютъ, читателямъ моимъ болѣе извѣстно, нежели мнѣ о томъ еще изъяснять было надобно; чего ради, оставя сіе, поспѣшу къ другому и важнѣйшему предмету.

Всѣ выше изображенныя худыя слѣдствія, происходящія отъ вспламеняющихся нашихъ пристрастій, сколь сами собою ни важны, и коль много ни могутъ насъ побуждать къ старанію о освобожденіи себя отъ оныхъ, однако ничто насъ къ тому болѣе побудить не можетъ, какъ слѣдующая непреоборимая и на опытахъ основывающаяся истинна, а имянно: что отъ безчисленныхъ душевныхъ мучительствъ и прискорбій, происходящихъ отъ дѣйствія вспламеняющихся пристрастій, не можетъ насъ освободить ни-

какое свѣтское благополучіе; и сіе зло послѣдуетъ за нами всюду и всюду. На васъ самихъ я въ семъ случаѣ сошлюсь, дорогіе мои читатели, непремѣнно всѣ вы разнаго состоянія, и не одинакими одарены подарками щастія, и одинъ другаго, по свѣтскому говоря, щастливѣе, достаточнѣе и знатнѣе; сверьхъ того мало изъ васъ такихъ будетъ, которые бы премѣну щастія не знали изъ своего опыта, и никогда предъ прежнимъ состояніемъ ни богатѣе, ни знатнѣе не дѣлались. Скажите вы всѣ и признайтесь чистосердечно, произвело ли въ васъ пріумноженіе вашей чести и достатка какую въ семъ случаѣ перемѣну? Стали ли вы меньше передъ прежнимъ ощущать дѣйствія страха, боязни, гнѣва, печали и отчаянія? Освободили ли васъ новые чины и новыя богатства отъ сего зла? Но напротивъ того не такимижъ ли вы остались и тогда, какими были прежде, и не должны ли нѣкоторые изъ васъ признаться, что новые чины и множайшее богатство не только не уменьши-

ли

ли число вашихъ прискорбностей, проистекающихъ изъ помянутыхъ источниковъ, но паче оное еще пріумножили? Дозвольте мнѣ себѣ сказать, что вы нечистосердечно поступите, и сами себя, а не людей обманете, когда въ томъ запереться похотите. Истинна сія слишкомъ извѣстна, и всѣ довольно знаютъ, что ни чины, ни богатства насъ отъ сихъ внутреннихъ злодѣевъ защитить не могутъ, но паче еще болѣе ихъ питать и чаще раздражать въ состояніи. Пускай кто хочетъ въ томъ сомнѣвается; чтожъ касается до меня, то меня никто о противномъ тому не увѣритъ. Мнѣ случилось видѣть то своими глазами, когда по случаю нѣсколько лѣтъ находился я при одномъ знатномъ человѣкѣ, которой нынѣ давно уже въ числѣ мертвыхъ; сей вельможа одаренъ былъ всѣми дарованіями щастія, какія только пожелать было можно: у Государя своего находился онъ въ милости и получалъ почти всякой день новые знаки его благоволенія и щедрости; чинами одаренъ онъ былъ

до избытка; имѣнія и достатка имѣлъ онъ столько, что могъ такъ жить и себя содержать, какъ владѣтельной Принцъ; подданныхъ имѣлъ у себя нѣсколько тысячь, а сверьхъ того поручены въ управленіе ему были цѣлые почти миліоны народа, отъ которыхъ могъ онъ получать такое почтеніе, какое только пожелать могъ; однимъ словомъ, все шло по его желаніямъ, и ничего по видимому не доставало къ его благополучію; но чтобъ вы думали, благополученъ ли онъ былъ? Вѣрно, скажете вы. Вы и не погрѣшаете въ томъ; многіе были такогожъ мнѣнія, и терзались завистью, разсуждая о его благоденствіи. Со всѣмъ тѣмъ въ самомъ дѣлѣ ничего того не было, но напротивъ того онъ злополучнѣйшій человѣкъ на свѣтѣ былъ; ибо сколько съ наружной стороны казался онъ сидѣть въ самыхъ нѣдрахъ щастія, столько со внутренной находился въ узахъ и оковахъ у внутреннихъ своихъ злодѣевъ, которые ежеминутно почти его наисвирѣпѣйшимъ образомъ мучили и тиранили.

ранили. Помянутымъ вспламеняющимся пристрастіямъ, а особливо гнѣву, былъ онъ такъ подверженъ, что вся тогдашняя жизнь его состояла въ безпрерывной цѣпи мучительныхъ страданій, происходящихъ отъ гнѣва, боязни, печали и отчаянія. Не было такого дня, въ которой бы онъ во всякой часъ по нѣскольку разъ не серживался, и часто доходило, что онъ даже до того досерживался, что дѣйствительно занемогалъ, и прозьбою подкомандующихъ своихъ, съ которыми имѣлъ ближе дѣло, прашивалъ, чтобъ они его ради Бога не раздражали и не сердили, хотя ни у кого и на умѣ не было его съ умысла на гнѣвъ приводить, но всякой, жалѣя собственнаго своего покоя, того какъ огня бѣгалъ и остерегался. Изъ сего можно уже заключить, сколь несовершеннымъ дѣлали помянутыя пристрастія его благополучіе. Однимъ словомъ, онъ былъ въ такихъ обстоятельствахъ, что я, будучи предъ нимъ самое ничто, и весьма далеко униженъ, однако почиталъ себя несравненно его

щастливѣе, и ни для чего бы не хотѣлъ быть на его мѣстѣ и въ такихъ же обстоятельствахъ. Сей примѣръ довольно уже доказать мнѣ могъ, что благополучіе не отъ чиновъ и богатства и знатности зависитъ, но къ тому внутреннее состояніе и хорошее расположеніе нашихъ душевныхъ дѣйствій потребно.

Такъ, скажутъ многіе изъ васъ теперь, дорогіе читатели, такъ, мы не хотимъ въ томъ спорить, но охотно на все вышеписанное согласимся и охотно признаемся, что пристрастія сіи для насъ мучительны, и что насъ отъ нихъ никакіе чины и состоянія защитить не могутъ; но какъ же быть? Что дѣлать? Мы ли тому виноваты? Ради ли мы тому, что такими уже родимся, и отъ насъ ли то уже произошло, но паче не принуждеными мы въ семъ случаѣ жаловаться на натуру, что она насъ такими произвела и такихъ внутреннихъ злодѣевъ въ сердца наши вселила, которыхъ мы одолѣвать нико-

коимъ образомъ не можемъ? . . . Говорите, говорите, отвѣтствую вамъ; высказывайте все, что вы только къ извиненію своему выдумать можете, я дамъ вамъ на то совершенную волю; но наконецъ, спросивъ, все ли вы уже высказали, васъ спрошу: подлинно ли вы увѣрены, что всѣ возраженія и жалобы ваши на сіи пристрастія справедливы, и не замѣшались ли въ томъ отрывки какихъ нибудь предразсудковъ? Никакъ, скажете вы, онѣ основаны на сущей истиннѣ, а того болѣе на ежедневныхъ опытахъ. . . . Богъ знаетъ, государи мои, отвѣтствую я вамъ на это, такъ ли то подлинно все, какъ вы думаете; не можно ли-то быть чему нибудь и не такъ? Подлинно ли вы знаете то изъ собственныхъ своихъ опытовъ, что сего зла никакъ предварить и у сихъ злодѣевъ нашихъ ни мало руки посвязать и на нихъ уздечку, или муштучекъ наложить не можно? Пробовали ли вы когда нибудь сихъ необузданныхъ лошадокъ объѣжживать, или уже бѣ-

шенство ихъ такъ казалось вамъ велико, что вы, сочтя ихъ неприступными, не отваживались къ нимъ и приступиться, по примѣру конюховъ Филипповыхъ, когда они необузданнаго Буцефала въ руки свои получили? Не можно ли намъ еще быть и Александрами? Напомните примѣръ сей, исторіею намъ сообщаемой. И тогда вѣдь всѣ думали, что не можно никакъ сего коня укротить, однако Александръ, будучи еще почти ребенкомъ, противное тому доказалъ и нашелъ средство усмирить его. Не легко ли и въ семъ случаѣ въ самомъ дѣлѣ противное тому быть можетъ, нежели какъ мы думаемъ, и не зависитъ ли можетъ быть отъ того, что мы никогда хорошенько не пробовали и надлежащаго искусства къ тому не имѣемъ?

Я не знаю еще и не хочу прежде времени ни въ чемъ спорить, но только желалъ бы, чтобъ вы, нижеслѣдующее безпристрастно разобравъ, отвѣтствовали мнѣ, имѣетъ *ли*, или не

не имѣетъ сомнѣніе мое въ семъ случаѣ какое нибудь основаніе. Самъ я нѣкогда подверженъ былъ такомужъ мнѣнію, и горою стоялъ за пристрастія. Но вотъ что меня въ сомнѣніе приводитъ: однажды вздумалось мнѣ самаго себя спросить, какъ же это такъ, во всей натурѣ примѣчаемъ мы въ устроеніи ея изящнѣйшій порядокъ, всякія дѣйствія имѣютъ свои причины, все наипремудрѣйшимъ образомъ Создателемъ учреждено и основано, тысяча примѣровъ доказываютъ и тысяча причинъ есть намъ заключать, что безконечной Производитель ничего напраснаго не дѣлалъ и дѣлать не можетъ, и великоебъ для Него было то несовершенство, ежелибъ Ему сдѣлать что нибудь напрасно и нескладно, и Ему такого несовершенства имѣть не можно? Но когда прочее все не даромъ и не по пустому и на хорошій конецъ сдѣлано, такъ не уже ли одни воспламеняющіяся пристрастія наши Имъ на худой конецъ назначены? Не уже ли одни они такимъ нестройнымъ и нескладнымъ дѣломъ,

какимъ они намъ быть кажутся? Ибо когда мы созданы для безконечной жизни и на тотъ конецъ, чтобъ мы въ оной наслаждались совершеннымъ блаженствомъ, котораго предчувствіе мы бы уже и здѣсь имѣли, то можно ли чему нестройнѣе быть, какъ вложить во внутренность души нашей такихъ злодѣевъ, которые прямо рушителями благополучія нашего почесться могутъ, и притомъ отнять у насъ всю власть и силу надъ оными? Нѣтъ, думалъ я далѣе, боюсь симъ образомъ о Творцѣ моемъ заключать и обвинять Его въ такомъ нестройномъ и противорѣчущемъ дѣлѣ. Надобно конечно быть чему нибудь иному, и какъ нибудь, да не такъ, какъ я думаю. Не льзя, чтобъ не имѣлъ Онъ и при вкладываніи въ насъ такихъ душевныхъ свойствъ своихъ святыхъ причинъ. Когда всѣ прочія въ самомъ существѣ своемъ способны къ произведенію въ насъ истиннаго благополучія, и зло происходитъ единственно отъ худаго и отъ насъ зависящаго распорядка въ дѣйствіяхъ

оныхъ,

оныхъ, такъ необходимо надобно и симъ пристрастіямъ въ самомъ начальномъ существѣ своемъ быть къ тому способными и вмѣстѣ съ прочими поспѣшествовать къ нашему благополучію; а что они мучительны, такъ конечно происходитъ сіе отъ чего нибудь инаго, и безсомнѣнно отъ худаго безпорядка, отъ насъ зависящаго. Когда мы одарены такою силою, что можемъ прочими свойствами и силами душевными обладать, и распоряжая дѣйствія оныхъ, иныя по своему хотѣнію увеличивать, иныя уменьшать: такъ конечно и уменьшеніе ихъ подвержено нашей власти. Инако безсомнѣнно быть не можетъ; но какъ же сообразить сіе съ ежедневными опытами? Напоминаніе сего меня останавливало, и признаюсь, что я приходилъ въ нестройность и не зналъ, что думать. Наконецъ пришло мнѣ на умъ откровенное намъ слово Божіе. Будучи во тьмѣ и мракѣ, съ охотою отдернулъ я завѣсу, скрывающую отъ меня сей Божественой свѣтильникъ нашего разума, и при

свѣтѣ

свѣтѣ онаго, какъ сквозь подзорную трубу, сталъ разсматривать предметъ, отъ очей моихъ удаленной. Но не успѣлъ я сего сдѣлать, какъ тотчасъ я воскликнуть принужденъ былъ: ба! чего мнѣ далѣе искать и въ чемъ сомнѣваться? Вотъ имянное повелѣніе Бога и Спасителя моего, запрещающее мнѣ вдаваться слишкомъ въ сіи мучительныя пристрастія! Вотъ имянное повелѣніе, чтобъ мы ихъ въ себѣ уменьшали и ими владѣли, и употребляли не на злое, а на доброе! Но когда повелѣнія сіи происходили отъ Того, Которой натуру мою, устроя Самъ ее, получше меня знаетъ, какъ она устроена: такъ могутъ ли повелѣнія сіи быть неосновательны? Можно ли Ему отъ насъ требовать чего нибудь невозможнаго, и не должно ли заключать, что Онъ конечно видѣлъ, что намъ то можно, когда то приказывалъ.

Признаюсь, что меня сіе тотчасъ успокоило; и какъ я довольно вѣдалъ, что въ семъ Божественномъ свѣтильникѣ

никѣ очесъ нашихъ не только повелѣнія даваны, но и нѣкоторыя средства къ произведенію оныхъ намъ показаны и открыты, то сталъ я искать оныхъ. Я присовокупилъ къ тому совѣты Философовъ, и находя въ нихъ сходство, предпріялъ по возможности своей обоимъ имъ слѣдовать и испытывать то собственнымъ опытомъ. И въ прославленіе неоцѣненности оныхъ за долгъ почитаю признаться, что труды мои были не тщетны, и я имѣлъ лучшій успѣхъ, нежели какого ожидать и надѣяться могъ.

И такъ нѣкоторымъ образомъ изъ собственной практики могу васъ, дорогіе читатели, увѣрить, что хотя помянутыя пристрастія, какъ природныя, въ насъ вовсе истребить нѣтъ способа, и не только вовсе истребить, но по сдѣлавшемуся генеральному поврежденію души нашей безъ особливаго Божескаго вспоможенія и до того довесть не можно, чтобъ они такое дѣйствіе имѣли, какое имъ натура предписываетъ; однако того

ска-

сказать отнюдь не можно, чтобъ не состояло въ нашей власти ихъ знатнымъ градусомъ уменьшить и до того довести, чтобъ они меньше насъ мучили и тревожили, и чрезъ то меньше мѣшали нашему спокойствію и благополучію. Но я и въ правилѣ семъ не совершеннаго истребленія, но уменьшенія оныхъ только требую.

Вотъ что отвѣтствую я вамъ на ваше возраженіе! судите теперь, какъ хотите. Не повѣрите сему, оставайтесь съ покоемъ, и буде хотите, такъ смѣйтесь и поднимайте все это на смѣхъ: меня сіе не тронетъ. Буде повѣрите, такъ къ вашей же то будетъ пользѣ. Но естьли и при томъ не останетесь и похотите любопытствовать далѣе, и знать, какимъ же бы образомъ то въ дѣйство произвесть можно, такъ на то скажу, что обстоятельно о семъ говорить было бы слишкомъ пространно и сюда неудобовмѣстимо. Матерія сія обширна и велика, и въ такое пространное поле пуститься несогласно съ пре-

дѣлами сего сочиненія. Естьли скажете, какъ же намъ быть, на то скажу: буде хотите сіе знать, такъ читайте священное писаніе, вникните во всю связь неоцѣненнаго своего закона: вы найдете въ немъ все, что хотите. Естьли тѣмъ не удовольствуетесь, то посовѣтуйте о семъ съ истинными и практическими Христіянами и Философами; они вамъ дадутъ желаемое о томъ изъясненіе и совѣты. Наконецъ, естьли хотите и отъ меня *по крайней мѣрѣ* что нибудь о семъ слышать, такъ съ охотою моею соглашаюсь сдѣлать вамъ сіе удовольствіе; и для того скажу, что при уменьшеніи въ насъ сихъ мучительныхъ для насъ воспламеняющихся пристрастій вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ мы умѣли за вещь сію съ той стороны дотрогиваться, которая способнѣе прочихъ, и по примѣру Александра, усматривать причину, отъ которой они въ такое бѣшенство приходятъ. Буцефала его приводила въ бѣшенство собственная его тѣнь отъ солнца.

Алек-

Александръ сіе примѣтилъ и обернулъ его головою къ солнцу, чтобъ онъ не могъ тѣни своей видѣть, и тогда нетрудно ему было на коня сего сѣсть. Такимъ же образомъ есть и у пристрастій нашихъ тѣни, которыя заставляютъ ихъ вспламеняться. Усматривайте сію причину и уничтожайте ее, а потомъ пѣшите, не упускайте удобнаго случая и хватайте въ началѣ, когда еще они не гораздо воспалились, и тогда вамъ нетрудно будетъ ими овладѣть. Александръ далъ сперва волю носить коню своему себя, покуда онъ изъ силъ выбился, и старался только на немъ усидѣть, а потомъ могъ уже изъ него все дѣлать, что хотѣлъ, и онъ часъ отчасу дѣлался уже смирнѣе и поводливѣе: равно такъ и вы отважьтесь при помощи Божеской на сей подвигъ; не смотрите, что вамъ будетъ это сначала трудно, но крѣпитесь, какъ можно, чтобъ оно васъ въ первой разъ не одолѣло и васъ съ себя не сбросило. Оно наконецъ утомится, и нужно однажды посбить хорошенько спѣсь, какъ

въ

въ другой разъ будетъ уже легче, въ третій и того легче, а не успѣете нѣсколько разъ повторить, какъ повѣрьте, что сами себѣ будете дивиться и не вѣрить, какъ могли вы такъ скоро и легко побѣдить сего непреоборимаго злодѣя и укротить суровость его нрава. Тысячу разъ будете вы сами себя за то послѣ благодарить и воздавать хвалу Богу, подавшему вамъ втайнѣ сильнѣйшую въ томъ руку помощи.

Ежели спросите меня далѣе, какія же бы то собственно причины были, отъ которыхъ пристрастія наши воспаляются, такъ на сіе скажу, что вы уже ихъ знаете, и читали впереди. Я для самаго того вкратцѣ и разобралъ существо пристрастій и изслѣдовалъ причины, отъ чего каждое изъ нихъ происходитъ. Прочтите ихъ еще разъ, и разсмотрите въ тонкость, такъ вы ихъ увидите и узнаете то, что всему причиною воображенія наши. Приведите ихъ въ порядокъ, научитесь цѣнить всѣ вещи по ихъ достоинству и не придавая

имъ такой цѣны и худобы, какой онѣ не имѣютъ. Перестаньте увеличивать всякое зло и обиды и оскорбленія выше мѣры, а опасности и бѣдствія почитать чрезвычайными. Разсматривайте ихъ почаще въ тонкость, присоединяйте къ тому напоминаніе всѣхъ побудительныхъ причинъ, стыдитесь своей слабости, упрекайте себя ею. Отвѣдайте употребить силы свои въ природной величинѣ оныхъ. Возбудите въ сердцѣ своемъ истинное въ семъ случаѣ геройчество. Отвѣдайте подражать въ томъ многимъ другимъ, довольно въ томъ прославившимся, и буде того не довольно, подражайте примѣру Искупителя вашего, призывайте Его на помощь, и наконецъ съ безсомнѣнною надеждою полученія оной, приступайте прямо къ дѣлу, и вооружившись на всѣ при началѣ трудности, не смотрите на нихъ много, и ступайте далѣе. Все сіе учинивъ, вѣрно получите вы не только то, чего желаете, но и тысяча другихъ отъ того произойдетъ вамъ пользъ и выгодъ.

Вотъ

Вотъ все, что я вамъ на сіе сказать могу, и думаю, что сего уже довольно будетъ о вспламеняющихся пристрастіяхъ. Теперь время уже мнѣ приступить ко второму предложенію сего правила, и поговорить съ вами о томъ, для чего, и какимъ образомъ надобно намъ удалять себя отъ страстей, и тѣмъ заключить сіе разсужденіе.

Что страсти существительны, отмѣнны отъ аффектовъ, или вспламеняющихся пристрастій, и состоятъ хотя въ увеличенномъ градусѣ силы дѣйствія желаній, но только въ такомъ, которой не такъ скоропостижно вспыхаетъ, но исподоволь умножается, а умножившись и превзошедъ силу нашего произвола, долгое время въ одинакомъ состояніи продолжается: о томъ я упоминалъ уже впереди; чего ради повторять мнѣ то не надобно, равно какъ и въ подробномъ изчисленіи оныхъ не предвижу дальней надобности. Всякому довольно

извѣстно, что у насъ подъ именемъ страстей разумѣется, чего ради довольно будетъ, когда я упомяну нѣсколько изъ оныхъ. Любовная страсть можетъ почесться наиглавнѣйшею изъ оныхъ. Всѣ прочія отродія оной принадлежатъ также къ страстямъ. Излишняя и непомѣрная охота къ игрѣ, собакамъ, птицамъ, лошадямъ, щегольству, мздоимству и къ прочимъ такимъ важнымъ и неважнымъ дѣламъ можетъ названа быть также страстью. Однимъ словомъ, всякое суетное и негодное желаніе можетъ почесться страстью, когда оно слишкомъ и до того увеличится, что мы ее произволомъ своимъ одолѣвать не можемъ, но принуждены не хотя и по неволѣ ей слѣдовать и дѣлать то, что съ истиннымъ благоразуміемъ несогласно, и что сами мы осуждаемъ и почитаемъ негоднымъ дѣломъ.

Причина, для которой требуется удаленіе себя отъ всякаго рода страстей, также не такого рода, чтобъ

чтобъ многіе не могли ее сами усмотрѣть. Кому не извѣстно, коль многое нарушеніе спокойствію отъ нихъ происходитъ? Правда, не льзя того оспорить, чтобъ они намъ и увеселеній не производили. Для самаго того мы и питаемъ въ себѣ оныя, и ежелибъ не было сего, то не для чего бы намъ имъ и слѣдовать. Но ежели прямо разобрать, какою великою цѣною мы сіи увеселенія покупаемъ, къ коль многимъ досадамъ, скукамъ, неудовольствіямъ, тоскѣ, гнѣву, страхамъ, боязнямъ, печалямъ и отчаяніямъ подаютъ они намъ поводъ, то поистиннѣ должно признаться, что сіи сопряженныя съ ними непріятныя чувствія и душевныя прискорбія далеко превозвышаютъ число увеселеній, отъ нихъ происходящихъ. Самая чистѣйшая и многими обожаемая любовная страсть коль мучительна намъ и какимъ несмѣтнымъ множествомъ помянутыхъ прискорбій преисполнена? Не съ сущею ли желчію смѣшанъ нектаръ ея пріятно-

ятности? Одного сего поистиннѣ довольноб было къ побѣжденію насъ къ старанію удалять себя отъ нихъ колико можно; однако и кромѣ сего есть и другая и важнѣйшая причина, намъ ихъ бѣгать повелѣвающая, а имянно: тѣ вредныя, опасныя и благополучію нашему прямо напротивъ идущія слѣдствія, которыя отъ нихъ проистекаютъ; ибо послѣдованіе онымъ не только несогласно съ главнымъ намѣреніемъ нашей жизни, но послѣдствія оныхъ бываютъ и тѣлу и душѣ нашей крайнѣ вредны, опасны и предосудительны. Кому не извѣстно, коль часто впадаемъ мы отъ иныхъ страстей въ опаснѣйшія болѣзни, ускоряемъ своею смертію, дѣлаемся на вѣкъ калеками и уродами, ломаемъ себѣ руки и ноги, приходимъ въ бѣдность и нищету, дѣлаемся омерзѣніемъ всему человѣческому роду, и наконецъ самому естеству? И такъ далѣе. Не меньшежъ того кому не извѣстно, коль много теряемъ мы, упражняясь въ нихъ, драгоцѣннаго

вре-

времени? Коль многіе невозвратимые минуты, часы, дни и годы, теряются по пустому и на самую иногда ничтожность и суету? Коль много упускаемъ мы чрезъ то случая къ исполненію нашихъ должностей и всего того, что намъ Богъ, натура и самой разумъ нашъ повелѣваетъ, и что къ сооруженію нашего нынѣшняго и будущаго благополучія служить можетъ? Наконецъ къ коль многимъ порокамъ, неправдамъ, обидамъ и всему тому, что на свѣтѣ зломъ назваться можетъ, подаютъ они намъ поводъ, и коль многія и пагубныя слѣдствія отъ всего того проистекаютъ?

Все сіе не достойно ли поистиннѣ наивеличайшаго уваженія и стоитъ ли того, чтобъ намъ, закрывъ наши глаза, стоять за нихъ горою и защищать ихъ руками и ногами, а того хуже, выдумывать и изыскивать всякаго рода извиненія, и сердиться еще на тѣхъ, которые объ нихъ го-

ворятъ правду? Смѣйтесь себѣ, сердитесь, ругайте, презирайте и дѣлайте, что хотите, вы, господа защитники страстей. Никого инаго, какъ самихъ себя, вы тѣмъ вредите. Сколькобъ вы ни говорили, и какъ бы ни утверждали, что въ треугольникѣ четыре угла, однако онъ всегда будетъ имѣть три: и та истинна во вѣкъ останется непреоборима, что отъ страстей существительной пользы намъ никакой нѣтъ; что онѣ худы, намъ вредны, и что намъ ихъ необходимо убѣгать и ихъ изъ себя истреблять надобно, естьли хотимъ быть прямо благополучными.

Знаю, что нѣкоторые, а особливо тѣ, которымъ помянутое предложеніе немило и для слуха ихъ непріятно, теперь закричатъ: эти-де рога давно уже были въ торгу. Это слыхали мы уже нѣсколько сотъ разъ, и господа нравоучители намъ уши уже провижжали, говоря все тоже, да тоже, и повторяя то, что говорено

было

было еще прадѣдами, и ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ старую погудку на новой ладъ перестроиваютъ и старыя щи только подогрѣваютъ. . . Но, государи мои, чтожъ иное имъ дѣлать, и гдѣжъ имъ взять любимыхъ вами новостей? Разсудите, вѣдь они не портные, чтобъ могли вамъ такое платье сшить, какое вы прикажете, или какое воображенїю вашему наилучше быть казалось. Они ли тому виноваты, что порядокъ и устроенїе всѣхъ вещей въ свѣтѣ не перемѣняется, но стоитъ одинъ и тотъ же самой, которой былъ прежде. Естьли вы столько въ силахъ и можете, то помогите имъ сей порядокъ передѣлать и все въ свѣтѣ и самаго человѣка перелить въ другую форму, тогда и они можетъ быть другой и такой родъ нравоученїя выдумаютъ, которой прїятнѣе для ушей вашихъ будетъ. А покуда сего не учините, то другаго имъ не остается, какъ слѣдовать истиннѣ и говорить то, что она имъ внушаетъ, не

смотря, по модЪль бы то было, или не по модЪ, чтобЪ слЪдовать одному, да одному, и держаться той старины, которой держались наши праотцы.

Но я удалился опять невЪдомо куда отЪ моего предмета. Извините меня вы, любезные товарищи, которые не такЪ еще страсти обожаете, какЪ оные. Теперь оставимЪ мы сихЪ господЪ разсуждать по ихЪ волЪ и хотЪнію, и обратившись кЪ прежнему предмету, поговоримЪ лучше сЪ вами о дальнЪйшемЪ. МожетЪ быть у васЪ давно уже было на умЪ меня спросить, можноль же намЪ сіи страсти одолЪвать? Конечно можно, и болЪе можно, нежели мы думаемЪ. Разберите сами, когда я вамЪ отчасти доказалЪ, что можно и воспламеняющіяся пристрастія уменьшать, которыя несравненно сихЪ жесточае, то какЪ уже симЪ быть таковымЪ, чтобЪ ихЪ уменьшить не было возможности? Сіи далеко не таковы сильны и скоропостижны, какЪ оныя, и самое оныхЪ существо намЪ сіе доказываетЪ.

Но

Но какъ ихъ уменьшать и истреблять, о томъ теперь, дорогіе мои читатели, меня не спрашивайте. Довольно о томъ и предовольно говорилъ я въ первой части сея моея книги, и была бы непростительная излишность, естьлибъ мнѣ о томъ вновь повторять. И такъ ежели хотите о семъ знать, то напомните, или прочтите вновь XII мое разсужденіе, въ которомъ въ особливости и пространно говорено о способахъ и руководствѣ къ исправленію, гдѣ найдете вы къ тому довольное руководство.

Вотъ все, что находилъ я за нужное упомянуть о средствахъ, которыми можно поспѣшествовать нашему спокойствію, и вотъ немногія правила, касающіяся до сего важнаго пункта. Число ихъ не велико, и можнобъ хотя еще найти нѣкоторыя, но довольнобъ и предовольно было, естьлибъ и сіи удостоили вы, дорогой читатель, надлежащаго уваженія и о наблюденіи оныхъ постарались. Те-

перь осталось мнѣ предложить послѣднія и къ третьему роду принадлежащія средства, или, по прежней аллегоріи говоря, представить предъ васъ достальныя пять блюдъ кушанья, о вкусѣ котораго не могу также напередъ ничего сказать, кромѣ того, что въ сихъ, кромѣ питательныхъ соковъ, находиться будетъ нѣкая и врачебная противъ душевныхъ недуговъ сила, и они почтены могутъ быть отчасти уже и лѣкарственными.

РАЗСУЖДЕНІЕ XVI,

Содержащее въ себѣ правила и руководство къ уменьшенію нашихъ прискорбностей и неудовольствій.

Наконецъ дошелъ я до третьяго и послѣдняго класса правилъ, чрезъ наблюденіе которыхъ можетъ пріобрѣтаемо быть временное наше благополучіе. Въ предслѣдующихъ двухъ разсужденіяхъ говорилъ я о средствахъ, которыми можно намъ умножать количество нашихъ увеселеній и уменьшать количество нашихъ прискорбностей, и чрезъ то поспѣшествовать нашему спокойствію, а въ семъ главнымъ моимъ предметомъ будетъ уменьшеніе самой жестокости нашихъ прискорбностей и неудовольствій въ то время, когда они насъ постигнутъ.

Паде-

Паденiе Адамово и послѣдующая отъ того великая перемѣна во всемъ, что до насъ касается, причиною тому, что намъ того и требовать и желать уже не можно, чтобъ въ нынѣшнюю нашу жизнь не постигали насъ никогда никакiя противныя и нещастныя приключенiя, могущiя въ насъ произвесть всякаго рода непрiятныя и прискорбныя чувствiя, какъ на примѣръ досады, неудовольствiя, горести, печали и наконецъ самыя болѣзни. Почему какъ бы мы ни остерегались и какъ бы ни старались отъ того убѣгать, но нѣтъ способа совсѣмъ отъ нихъ освободиться. Никакiе чины, никакiя достоинства, никакiе достатки и сокровища, никакiя дарованiя щастiя, никакая власть, никакой разумъ и никакое искусство насъ отъ нихъ сохранить и защитить не могутъ; но они постигаютъ, какъ послѣдняго раба и подданнаго, такъ равно и Государя, и величайшiй иногда философъ имъ бываетъ подверженъ, сколько наипростѣйшiй человѣкъ въ свѣтѣ.

Сколь истинна сія ни справедлива, однако не должно изъ того заключать, чтобъ сіе зло было вовсе безъ лѣкарства, и мы лишеныбъ были всѣхъ способовъ къ убѣжанію оныхъ и къ уменьшенію силы сихъ душевныхъ прискорбностей. Правда, вовсе отъ нихъ убѣжать нѣтъ для насъ никакого способа; однако количество ихъ уменьшить, какъ я выше доказалъ, намъ довольно есть способовъ, а и въ разсужденіи прочихъ есть еще по крайней мѣрѣ возможность уменьшать знатнымъ образомъ степени ихъ жестокости и свирѣпства, и чрезъ то дѣлать ихъ себѣ снoснѣйшими.

При размышленіяхъ моихъ съ сей стороны о жизни человѣческой удивительное примѣчалъ я обстоятельство, и обстоятельство такое, которое по справедливости достойно примѣчанія, а имянно: я находилъ, что между нынѣшнею жизнію всѣхъ людей вообще находится великое сходство съ бываемою между народами вещественною войною, и сходствіе такое,

такое, о которомъ чѣмъ болѣе я размышлялъ, тѣмъ казалось оно мнѣ быть не только больше, но и показывало слѣдъ ко многимъ и весьма нужнымъ открытiямъ и уподобленiямъ. Однимъ словомъ, оно такъ меня прельстило, что я не усомнился основать на немъ всѣ почти слѣдующiя мои о уменьшенiи прискорбностей нашихъ правила и разсужденiя, и итти сею нечаянно мнѣ попавшеюся тропою, которою потомъ, могу сказать, что былъ и доволенъ: она вывела меня, такъ сказать, на удивительный театръ, и представила такое зрѣлище, котораго я до того времени еще не видывалъ, и на которое зрѣнiемъ не могъ довольно насытиться. Жизнь человѣческая и сопряженныя съ нею щастливыя и нещастныя обстоятельства и произшествiя были на немъ такъ живо и натурально изображены, что я однимъ почти взглядомъ могъ всѣ ихъ осмотрѣть и проникнуть во многiя примѣчанiя достойныя вещи и обстоятельства, а особливо усмотрѣть, какъ источники нашихъ бѣдъ и неща-

щастій и соединенныхъ съ ними горестей и печалей, такъ и тѣ, изъ которыхъ могутъ почерпаемы быть тѣ способы и средства, которыми жестокость послѣднихъ уменьшаема быть можетъ. А все сіе принесло мнѣ ту выгоду и пользу, что мнѣ никакого уже почти труда не стоило находить и вымышлять оные: они шли ко мнѣ сами на встрѣчу, и сама натура казалась вѣщать мнѣ ихъ равно какъ изустно.

Теперь не сомнѣваюсь, что многіе изъ читателей моихъ пожелаютъ короче знать, въ чемъ бы собственно состояло примѣченное сіе сходство, о которомъ я упоминаю, и будутъ ожидать отъ меня дальнѣйшаго тому изъясненія. Сіе изъясненіе конечно и нужно, и не только нужно, но необходимо и надобно; ибо какъ сіе сходство положилъ я за главное основаніе моимъ правиламъ и разсужденіямъ, то надобно мнѣ и доказать онаго натуральность, тѣмъ паче, что самое сіе не только объяснитъ

многія послѣдующія мѣста, но и въ великую инымъ пользу обратиться можетъ. Чего ради, не распространяя словъ, приступимъ къ изъясненію оному.

Я говорю, любезные читатели, что нынѣшняя жизнь человѣковъ вообще великое сходство имѣетъ съ войною; а каждой человѣкъ въ разсужденіи душевнаго своего состоянія великое сходство имѣетъ съ находящимся на войнѣ и стоящимъ противъ непріятеля на сраженіи воиномъ. Справедливость сего, надѣюсь, вы сами усмотрѣть можете, ежели послѣдуете теперь за мною въ уподобленіи находящагося на баталіи воина съ человѣкомъ.

Прежде всего, говоря вообще, спрошу я васъ, дорогіе читатели: находящійся на баталіи и въ огнѣ воинъ не принужденъ ли видѣть, что со всѣхъ сторонъ летятъ на него и ядры и пули, картечи и стрѣлы, и не подверженъ ли онъ ежеминутно опа-

опасности, чтобЪ которая нибудь его не зацѣпила, не ранила и неубила? . . . Ежели такЪ, то скажите, не точно ли такимЪ же образомЪ, живучи вЪ сей жизни, принуждены и мы видѣть, что она подвержена тысячѣ нещастныхЪ и противныхЪ приключеній, и не должны ли ежеминутно опасаться, чтобЪ которое нибудь вЪ насЪ не попало, не ранило нашу душу горестію и печалію, и не лишило самой нынѣшней жизни? Ежели пойдемЪ сею стезею далѣе, то найдемЪ, что и прочія обстоятельства, касающіяся до человѣка, находящагося на сраженіи, весьма способно могутЪ приравнены быть кЪ человѣческой жизни, а имянно:

ВоопервыхЪ, какЪ на сраженіи не всѣ мѣста равномѣрной подвержены опасности, но на иныхЪ, какЪ на примѣрЪ, вЪ задней линіи, одаль, или подЪ какимЪ нибудь прикрытіемЪ стоящій воинЪ гораздо меньше подверженЪ опасностямЪ, нежели тотЪ, которой стоитЪ вЪ передней и вЪ

самомъ огнѣ: то не точно ли такъ и человѣческіе разные чины и состоянія неравно подвержены бѣдствіямъ и опасностямъ противныхъ приключеній, но одно меньше, а другія больше? Размышляя о семъ далѣе, нахожу я, что съ стоящими въ задней линіи и одаль могутъ наиудобнѣе сравнены быть низкаго и подлаго состоянія люди; съ находящимися подъ какимъ нибудь прикрытіемъ и защитою тѣ, которые живутъ подъ особливымъ Божескимъ покровительствомъ и защитою; съ находящимися въ самомъ огнѣ люди, находящіеся въ вышшихъ чинахъ и знатнѣйшемъ предъ прочими состояніи. Почему первые далеко не претерпѣваютъ столько противныхъ приключеній, сколько послѣдніе; и кто оспоритъ ту истинну, что простой крестьянинъ и понятія о многихъ изъ тѣхъ противныхъ приключеній не имѣетъ, какимъ знатные люди подвержены бываютъ? Ежели скажутъ мнѣ на сіе, что часто и простаго и низкаго состоянія люди подвержены бываютъ

вели-

великимъ бѣдствіямъ и противнымъ приключеніямъ, такъ на то скажу, что и того позабывать не надобно, что и на сраженіи не всѣ, стоящіе одаль и назади, совершенно освобождены отъ пулей, ядръ, картечей и бомбъ, но часто случается, что и спереди они къ нимъ долетаютъ, да и сзади и съ сторонъ бываютъ атаки и нападенія. Самыя прикрытія не могутъ иногда воиновъ отъ того совершенно освободить, но случается иногда, что и тамъ ихъ достаютъ. Въ сходствіе того постигаютъ иногда и находящихся подъ покровительствомъ Божескимъ разныя нещастныя и противныя приключенія, которыя Богъ по непостижимымъ своимъ судьбамъ и для святыхъ своихъ намѣреній съ ними случаться попускаетъ.

Вовторыхъ, какъ стояніе на помянутыхъ разныхъ мѣстахъ зависитъ не отъ произвола воиновъ, но отъ распорядка, сдѣланнаго полководцемъ, и отъ его повелѣнія: такъ

равно и чины и состоянія наши зависятъ не отъ насъ, а отъ распорядка, сдѣланнаго Богомъ. Премѣны, бываемыя въ оныхъ, могутъ сравнены быть съ перемѣною мѣстъ во время баталіи, когда иные воины либо по повелѣнію полководца въ сикурсъ и на подпору куда нибудь посылаются, либо сами, изъ назначенныхъ себѣ мѣстъ произвольно отлучаясь, идутъ впередъ и къ огню изъ любопытства, либо по стремленію храбрости, для собственной иногда своей пагубы приближаются.

Втретьихъ, какъ на сраженіи не можетъ никто твердо и безсомнѣнно на безопасность своего мѣста положиться, но заключаетъ только по одной вѣроятности: такъ и намъ въ жизни ни на какое состояніе твердо положиться не можно, но остается только заключать по вѣроятности, а прочіе неожидаемые случаи предавать во власть Божескую.

Вчетвертыхъ, какъ на баталіи вредящія и поражающія насъ орудія не всѣ одинаковы, но одни другихъ сильнѣе и болѣе, или менѣе вредитъ

насъ

насъ могутъ, на примѣръ: великая разница пуля отъ ядра, бомба отъ картечи, или сабля отъ стрѣлы: такъ равно и случающіяся съ нами въ нынѣшнюю жизнь бѣдствія и противныя приключенія не всѣ равны, и не одинакой вредъ и прискорбіе намъ производить могутъ, но иныя подобны ядрамъ, совсѣмъ насъ раздробляющимъ, другія пулямъ, картечамъ и стрѣламъ, насъ много, или мало ранящимъ, или только одну контузію причиняющимъ.

Впятыхъ, какъ получаемыя на сраженіяхъ раны не всѣ намъ равно бываютъ чувствительны и вредны, такъ равно не всѣ противныя приключенія намъ одинакія прискорбія произвесть могутъ, но иныя намъ безъ дальняго труда перенесть можно, а другія напротивъ того сопряжены съ превеликимъ мученіемъ и страданіемъ.

Вшестыхъ, какъ получаемыя на сраженіяхъ раны не всѣ смертоносны, но многія могутъ и изцѣляемы быть, такъ равно и противныя приключе-

нія не всѣ насъ умерщвляютъ, но причиненной ими намъ вредъ и душевныя наши раны, то есть горести и печали, могутъ такимъ же образомъ изцѣляемы быть.

Вседьмыхъ, съ какими обстоятельствами сопряжены тѣлесныя раны, съ таковымижъ точно соединены и душевныя, то есть наши прискорбности. Какъ всякая вещественная рана меньше будетъ чувствительна и скорѣе изцѣлена быть можетъ, естьли взята напередъ уже предосторожность, и какъ лѣкарства, такъ и бинты готовы, и благовременно безъ допущенія до излишняго истеченія крови и до разгоренія и нагноенія раны употреблены самимъ, или искуснымъ врачемъ будутъ: такъ равно и прискорбія наши тѣмъ легче и скорѣе уменьшены быть могутъ, естьли заготовятся напередъ потребныя духовныя лѣкарства и печали не дастся времени гораздо усилиться и совершенное дѣйствіе возъимѣть.

На-

Наконецъ въ осьмыхъ, какъ въ разсужденiи ранъ не всѣ лѣкарства могутъ одинакую приносить пользу, и великая разница лечить ихъ по своему разсудку, и великая разница, когда искуснымъ лѣкаремъ лечены, или въ леченiи его совѣтамъ послѣдовано будетъ: такъ равно и въ случаѣ нашихъ печалей употребленiе надлежащихъ и удобнѣйшихъ средствъ весьма различно и полезнѣе, нежели употребленiе развратныхъ и неприличныхъ, чрезъ которыя иногда равно какъ рана, такъ и печаль, сдѣлается еще жесточае и несноснѣе.

Симъ образомъ сравнивая и прочiя обстоятельства войны съ жизнiю человѣческою, найдемъ и въ оныхъ такоежъ во всемъ сходствiе; но я не хочу читателя утруждать дальнѣйшимъ изчисленiемъ оныхъ: довольно будетъ и сихъ къ нашему намѣренiю, тѣмъ паче, что прочiя сами собою въ послѣдствiи окажутся. Теперь время обратиться мнѣ къ моему предмету.

И такъ изъ предслѣдующаго сравненія не трудно, надѣюсь, уже заключить, до чего собственно касаться будетъ дѣло въ семъ разсужденіи. Всякому легко усмотрѣть можно, что главнымъ предметомъ моимъ будетъ врачеваніе душевныхъ нашихъ ранъ, то есть прискорбій, а въ собственности изслѣдованіе удобнѣйшихъ и лучшихъ къ тому лѣкарствъ, или способовъ, къ чему, не распространяя далѣе словъ, теперь приступимъ.

Въ вышеупомянутомъ сравненіи, а имянно въ седьмомъ пунктѣ, упомянулъ я, что всякая рана тѣмъ способнѣе и скорѣе залечена быть можетъ, естьли употреблена будетъ заблаговременно предосторожность и заготовлены будутъ бинты и лѣкарства, изъ которыхъ первыми тотчасъ по полученіи раны можнобъ было ее перевязать и приступить къ леченію. Сіе обстоятельство великаго примѣчанія достойно, и ничто не можетъ лучше приравнено быть къ предосторожности, потребной для враче-

чеванія, или уменьшенія нашихъ прискорбностей. Сія предосторожность состоитъ въ томъ, чтобъ мы въ добрые наши дни готовились къ нещастнымъ, и запасали себя, колико можно, лучшими и множайшими такими мыслями, или разсужденіями, которыя бы послѣ при прискорбныхъ нашихъ обстоятельствахъ могли духъ нашъ утѣшать и успокоивать.

Сіе общее и предварительное правило поистиннѣ достойно уваженія. Не льзя довольно изобразить, сколь великую пользу точное онаго наблюденіе намъ послѣ принесть можетъ; ибо на досугѣ и не претерпѣвая еще зла, можемъ мы съ нимъ, такъ сказать, въ чужихъ людяхъ познакомиться заблаговременно, поговорить съ нимъ полюбовно, поразсмотрѣть свойство его и нравъ, и потому приготовиться напередъ, какъ принять и угостить лучше сего незваннаго къ намъ и непріятнаго гостя, буде онъ къ намъ заѣхать вздумаетъ. Разберите, что и съ злыми людьми мы такъ обходимся,

димся, и узнавъ его не у себя, по-лучше уже знаемъ, какъ съ нимъ поступить, ежели онъ къ намъ незванной пожалуетъ, или насильно станетъ у насъ на квартирѣ. Не будемъ ли мы уже въ состоянiи лучше остерегать себя отъ всѣхъ его нападковъ, и не допускать до того, чтобъ онъ намъ могъ учинить слишкомъ чувствительной вредъ? Равно такъ можемъ уже лучше и скорѣе сладить и съ прискорбiемъ, насъ постигшимъ, и скорѣе уменьшить силу его дѣйствiя, ежели заблаговременно себя къ тому прiуготовимъ. Какъ въ человѣческомъ сожитiи можемъ мы иногда непрiятнаго такого гостя тотчасъ отбоярить, или чрезъ употребленiе разныхъ и заблаговременно выдуманныхъ средствъ до того довесть, что онъ самъ не будетъ имѣть охоты долѣе у насъ медлить: такъ тоже и съ большею частiю нашихъ прискорбностей и печалей учинить можно; все только отъ того зависитъ, чтобъ мы заблаговременно выдумали и снабдили себя приличными во всякихъ печаль-

чальныхъ случаяхъ утѣшеніями, которыя не инако можно почесть, какъ на душевныя наши раны лѣкарствами, или другими и пріятнѣйшими намъ гостями, друзьями и защитниками, которыхъ мы въ то время тотчасъ къ себѣ приглашать и помощію ихъ пользоваться можемъ. Сіе вспоможеніе ихъ въ томъ состоять будетъ, что ежели незванной непріятной гость, или прискорбіе, не гораздо важенъ, то выталкиваютъ его и взашей; естьлижъ посильнѣе, то присутствіемъ своимъ свяжутъ ему руки и не дадутъ по своей волѣ ворочать и калабродить; естьлижъ сего учинить будутъ не въ состояніи, такъ станутъ по крайней мѣрѣ насъ защищать отъ его нахальства и не допускать до насъ всѣ его удары и пораженія; напротивъ того въ праздное время, когда, на примѣръ, злодѣй нашъ будетъ спать, то будутъ утѣшать и забавлять насъ своими совѣтами и разговорами и сдѣлать къ претерпѣнію дальнѣйшихъ ударовъ твердѣйшими и къ сношенію оныхъ великодушнѣйшими и терпѣливѣйшими.

Алле-

Аллегорія сія такъ ясна и удобопонятна, что не требуетъ отъ меня изъясненія; чего ради, предпославъ предварительное въ разсужденіи всѣхъ прискорбностей правило, приступлю теперь къ предложенію дальнѣйшихъ, изъ объясненія которыхъ всякому довольно можно будетъ усмотрѣть и весь тотъ порядокъ, которымъ душевныя наши раны, или случающіяся въ жизнь нашу и неизбѣжимыя горести и печали, прискорбія и неудовольствія, должны быть лечимы, или сила и жестокость оныхъ уменьшаема, а не менѣе означится и все, что и о самыхъ оныхъ толь нужныхъ намъ утѣшеніяхъ знать и примѣчать надобно.

И такъ, когда зло дѣйствительно уже наступитъ и противное приключеніе, или какое нибудь бѣдствіе и нещастіе произойдетъ, то отъ точнаго наблюденія слѣдующихъ правилъ великую пользу получить можно, а имянно:

1.

Первое правило, наблюденіемъ которагo намъ печали и прискорбности уменьшать можно, есть слѣдующее:

Помышляй о причинахъ твоей печали и прискорбія въ томъ намѣреніи, чтобъ получить какъ можно точнѣйшее и яснѣйшее понятіе какъ о состояніи, такъ истинной цѣнѣ, причинѣ и дѣйствіяхъ зла, тебя поразившаго, или поразить готовящагося.

Не льзя довольно изобразить, сколь правило сіе великую важность составляетъ, и наблюденіе онаго сколь великую пользу намъ приносить можетъ; ибо ежели, послѣдуя оному, мы въ самой точности прилѣжно и безпристрастно о состояніи, истинной цѣнѣ, причинѣ и дѣйствіяхъ зла, насъ угнѣтающаго, или поразить насъ готовящагося, размышлять и сами о себѣ разсуждать станемъ, то найдется, что мы либо какого нибудь въ мысляхъ только воображаемаго невещества

вещества и самой пустоты боимся, или то, отъ чего мы имѣемъ отвращенiе, когда она дѣйствительно вещь есть, либо отнюдь не истинное зло, либо по крайней мѣрѣ не столь великое есть, какимъ мы его себѣ воображаемъ; или въ состоянiи будемъ причину зла легко отвратить и удалить, и либо себя вовсе отъ того освободить, либо уменьшить чувствуемое отъ того прискорбiе.

Чтобъ все сiе болѣе изъяснить, то спрошу я каждаго, не случается ли того часто, что насъ самая пустота и ничтожная вещь и такое зло и нещастiе въ превеликую печаль ввергаетъ, которое мы только въ умѣ себѣ воображали, послѣ же и очень иногда скоро послѣ того сами усматриваемъ, что ничего того не бывало, и что мы самихъ себя только обманывали? Коль много такихъ случаевъ бываетъ съ нами, и коль часто смѣемся мы сами потомъ своей слабости и малодушiю! Не успѣетъ какая нибудь бездѣлица произойти, не успѣетъ

видъ

видъ приближенія какого нибудь нещастія сдѣлаться, не успѣетъ какой нибудь непріятной намъ слухъ пройти, распущенной иногда на смѣхъ намъ какимъ нибудь бездѣльникомъ, не успѣетъ любимая нами особа въ отсутствіи за чемъ нибудь позамедлиться, и мы объ ней въ назначенной день извѣстія и писемъ не получимъ, и прочее тому подобное, какъ сходимъ мы уже съ ума, приходимъ въ трепетъ и ужасъ, не знаемъ, что дѣлать, и *лишаемся хлѣба.* Цѣлыя горы нещастій представляются въ умѣ нашемъ, и мы крушимся уже объ нихъ, равно какъ бы они дѣйствительно уже совершились, и ни мало не разбираемъ, подлинно ли все такъ, какъ мы думаемъ, и не можетъ ли того еще миновать и сдѣлаться тому противное, и не самая ли пустота насъ тревожитъ и печалитъ. Поистиннѣ естьлибъ мы были осторожнѣе, и не давъ печали собою овладѣть, напередъ ее въ тонкость разбирали, или, такъ сказать, анатомили, то есть разсматривали ея состояніе, ка-

кого она рода, отъ какихъ причинъ происходитъ, основательныль онѣ, или неосновательны, достовѣрныль, или сомнительны; также все мнимое нами нещастіе стоитъ ли дѣйствительно того, чтобъ такъ объ немъ печалиться, и дѣйствительно ли могутъ отъ него произойти для насъ всѣ тѣ вредныя слѣдствія, какія мы себѣ воображаемъ, и не обманываетъ ли насъ наше воображеніе, и такъ далѣе: то за вѣрное сказать можно, что многихъ бы печалей мы совершенно избавились, или чувствовали бы только начало оныхъ, а опамятовавшись сталибъ сами себѣ и обману воображенія своего смѣяться.

Такъ, скажете вы, такіе обманчивые случаи дѣйствительно съ нами бываютъ, однако не льзя же того сказать, чтобъ всѣ такіе были; напротивъ того не большая ли часть такихъ, которые дѣйствительнымъ вредомъ для насъ почесться могутъ, и о которыхъ не можно намъ никакъ не печалиться и не горевать, и что

въ разсужденіи такихъ помогутъ намъ такія разбирательства и помышленія. Не спорю въ томъ, отвѣтствую на сіе: большая часть печалей и неудовольствій нашихъ дѣйствительно такихъ, которыя заслуживаютъ извиненіе; однако польза мысленныхъ разбирательствъ и въ разсужденіи ихъ останется не безъ пользы; ибо, разсматривая причины, нерѣдко будемъ мы находить, что и самыя существительныя нещастія и бѣдствія далеко не таковы велики, какъ мы ихъ сперва почитали, и что причина зла не такъ неотвратима, какъ мы думали, но намъ легко ее истребить, или по крайней мѣрѣ печаль и неудовольствіе свое уменьшить можно. Часто, говорю я, будетъ сіе случаться; потому что ни въ какомъ случаѣ воображеніе наше насъ такъ скоро и легко обмануть не можетъ, какъ въ то время, когда дойдемъ до какой нибудь печали, или неудовольствія. Тутъ мы такъ заключеніями нашими хромаемъ, какъ больше быть не можетъ, и отъ того

самую иногда пустоту, или малое зло, ужаснымъ бѣдствіемъ себѣ представляемъ, и малѣйшая дробинка кажется намъ превеликимъ ядромъ, насъ поразившимъ. Мы даемъ волю стремленіямъ нашего сердца мучить насъ, какъ оно хочетъ, и не прежде опамятываемся, какъ тогда, когда оно уже утомится само, хотя бы намъ и третьей доли такого прискорбія чувствовать не было нужды, естьлибъ мы оное разсмотрѣли.

Вѣдаю, что многіе изъ васъ, дорогіе читатели, пожелаютъ знать, какія же бы точно были тѣ причины, о которыхъ я толь часто упоминаю, и которыя разсматривать совѣтую. Признаюсь, что для меня нѣтъ пріятнѣе такого испытательнаго любопытства; чего ради съ охотою моею вамъ на сіе отвѣтствовать буду. Я, размышляя о всѣхъ могущихъ съ нами случиться нещастіяхъ и противныхъ случаяхъ, то есть такихъ, которые подаютъ намъ поводъ на тогдашнее состояніе свое жаловаться, быть имъ недо-

недовольнымъ, грустить, досадовать, плакать, вздыхать и печалиться, нахожу, что они великому многоразличію подвержены, и удобно могутъ на нѣсколько классовъ разобраны и раздѣлены быть. Къ сему различенію оныхъ могутъ основаніемъ служить либо разнота причинъ, отъ которыхъ они происходятъ, либо разнота дѣйствій оныхъ на насъ, либо разность самаго состоянія и существа оныхъ, либо разнота въ существительной величинѣ и мализнѣ оныхъ, либо наконецъ разнота въ удобности отвращенія оныхъ и уменьшенія производимыхъ ими намъ прискорбностей. Легко можетъ статься, что многимъ изъ васъ, дорогіе мои читатели, такія умозрительныя тонкости не понравятся, однако я прошу васъ взять на часокъ терпѣніе и не поскучить. Онѣ необходимо и для собственой же вашей пользы надобны; ибо въ такихъ тонкихъ умозрительныхъ разбирательствахъ и состоитъ первое и важнѣйшее лѣкарство на сіи наши душевныя раны; поелику изъ самаго того,

равно какъ изъ кладязя, можемъ мы почерпать наши утѣшенія. Чего ради коснемся всѣхъ помянутыхъ различий нѣсколько поближе, и начнемъ разсмотреніемъ различія причинъ печалей нашихъ и ихъ происхожденія.

Причины нашихъ противныхъ случаевъ, или такъ называемыхъ бѣдъ и нещастій, или, собственнѣе сказать, источники, изъ которыхъ проистекаютъ всѣ наши неудовольствія, прискорбности, досады и печали, бываютъ разныя. Я, размышляя объ нихъ съ сей стороны, нахожу, что ихъ можетъ быть родовъ пять, или шесть, а имянно:

Вопервыхъ, причиною многимъ нашимъ прискорбностямъ никто иной, какъ сами мы, или лучше сказать, нащи страсти. Въ семъ случаѣ дѣлаемся сами мы собственными своими мучителями и наводимъ на себя ни дай ни вынеси тысячи досадъ, прискорбностей и неудовольствій, на примѣръ: Силвестръ терзается и мучится

чится помышленіемъ, для чего онъ въ низкомъ состояніи родился, а не въ благородномъ, Графскомъ и Княжескомъ. Онъ почитаетъ себѣ то превеликимъ нещастіемъ, и весь свой вѣкъ о томъ горюетъ, и почитаетъ зло свое неизцѣльнымъ. Смѣшная поистиннѣ печаль и неудовольствіе! Бѣдной Силвестръ престалъ бы вѣрно тужить и горевать, естьлибъ когда нибудь вошелъ самъ въ себя и собственную причину своей печали разсмотрѣлъ; онъ *нашелъ бы, что всему нещастію* и гореванію его никто иной, какъ онъ самъ, причиною. Естьлибъ онъ на честолюбіе свое надѣлъ уздечку, а разумъ свой, немного прочистивъ, подумалъ, что это уже отъ устроенія натуры и отъ непосредственной воли Божеской произошло, и притомъ мнимое сіе зло совсѣмъ неотвратимо, и сколькобъ онъ плетью по обуху ни стегалъ, но никогда его не разобьетъ: такъ бы скоро, устыдившись самаго себя, глупости своей смѣяться сталъ. Тысячубъ резоновъ могъ онъ найти, чѣмъ бы себя утѣшить и истре-

бить изъ себя вовсе сіе мучительное орудіе. . . . Матвѣй съ ума сходитъ, что у него средства отняты мстить своему недругу и напоить руки свои его кровію; онъ терзается, кусаетъ губы, скрежещетъ зубами, мычитъ, рвется, терзается досадою, и готовъ невѣдомобъ что дать, естьлибъ могъ толькобъ получить случай отмстить своему злодѣю; но его нѣтъ и онъ не можетъ. Ахъ какая бѣда! надобно сіе великимъ нещастіемъ почитать.... Бѣдной Матвѣй! естьлибъ ты вздумалъ самъ въ себя войти и причину сего нещастія разобрать, то нашелъ бы, что не столько тебя твой злодѣй оскорбилъ, сколько ты самъ себя терзаешь и оскорбляешь, и что зло сіе далеко не таково велико, какъ ты думаешь. Пообуздай немного свое любомщеніе, опомнися, что ты не звѣрь, а человѣкъ, поищи кой что, могущее тебя въ семъ случаѣ утѣшить, такъ самъ въ томъ признаешься и разсмѣешься своей глупости. . . . Өеопемптъ горюетъ весь свой вѣкъ, для чего онъ въ деревнѣ родился и выросъ, и для

чего

чего такъ не богатъ, какъ другіе. Егоръ мучится ежеминутно, для чего у него домъ худъ и малъ и достатка нѣтъ построить лучшаго. Поліевктъ бѣсится, для чего онъ въ низкомъ чинѣ весь свой вѣкъ провождать долженъ и никакъ въ люди продраться не можетъ. Антонъ ѣды лишился, дни и ночи не спитъ, для чего ему того чина не дали, котораго онъ добивался, и которой и спалъ и видѣлъ. Петръ жалуется и горюетъ, для чего у него денегъ, для чего достатка столько нѣтъ, чтобъ могъ себя, какъ люди добрые, вести и содержать. Аѳанасій терзается и мучится, для чего сосѣдъ его щастливѣе и благополучнѣе.... Всѣ они мучатся печалями и ежедневными неудовольствіями, всѣ говорятъ: не нещастные ли мы на свѣтѣ люди? Всѣ люди богаты, всѣ знатны, всѣ благополучны, одни только мы согрѣшили и къ намъ только фортуна обратила свою спину! Государи мои! что это вы затѣяли? Истинно есть несмѣтныя тысячи, которыебъ съ радостію

хотѣли быть на вашемъ мѣстѣ. Чѣмъ вы себя крушите? Не сами ли вы себя орудіемъ своего нещастія и мученія дѣлаете? Не отъ прихотей ли вы своихъ, не отъ вожделѣній ли въ неудовольствіе приходите? Не состоитъ ли все нещастіе въ одномъ воображеніи вашемъ, и такъ ли оно велико, какъ вы думаете, и не легколь бы могли вы отъ всѣхъ сихъ досадъ и неудовольствій избавиться, естьлибъ только похотѣли? Что поможете вы своими жалобами? Не заградите ли тѣмъ только себѣ сами путь къ тому, чего желаете? Не зависитъ ли все сіе отъ Бога, и не противны ли ему такія пустыя жалобы и неудовольствіе на Него самаго? Повѣрьте, что естьлибъ вы надѣли уздечку на свои страсти, такъ бы дѣло было лучше и вы сами тѣмъ довольныбъ были. Кирило почитаетъ себѣ за великое нещастіе, что вспыльчивъ, сердитъ и такого несноснѣйшаго нрава, что его всякая бездѣлица можетъ встревожить. Часто доходитъ онъ до того, что животу своему не-

радъ....

радъ.... Бѣдной Кирило, истинно сожалѣнія достойной человѣкъ! Но жаль только того, что все нещастіе твое болѣе отъ самаго тебя проистекаетъ. Естьлибъ ты, опомнившись когда нибудь и вошедъ самъ въ себя, отвѣдалъ, не можно ли себя немного отъ того поотучить и не поскучилъ бы неудачными началами, то скоро бы ты престалъ винить натуру, что она такимъ тебя сдѣлала, и узналъ бы, что зло сіе не столь неотвратимо, какъ ты думалъ.

Вотъ немногіе примѣры такихъ нещастій, которымъ причинами наиболѣе сами мы, и которыхъ отвращеніе состоитъ въ нашей власти; потому что все существительное зло лежитъ въ нашемъ только воображеніи. Теперь пойдемъ далѣе.

Другой родъ причинъ нашихъ печалей происходитъ также хотя отъ насъ и отъ нашихъ пристрастій, однако съ другой стороны и поводомъ къ тому бываютъ собственные наши

про-

проступки, погрѣшности и неосторожности, на примѣръ: Макаръ поручился по векселю о негораздо надежномъ человѣкѣ и принужденъ платить самъ послѣ заимодавцамъ. Ефимъ, будучи въ компаніи, заврался и говоритъ, что ненадобно, и терпитъ отъ того послѣ бѣды и нещастія. Максимъ игралъ въ карты и далъ страсти сей такъ себя ослѣпить, что отъ желанія отъиграться проигралъ великую сумму денегъ. Тимоѳей безъ умысла говорилъ предосудительное о какомъ нибудь сосѣдѣ, пріятелѣ и знакомомъ человѣкѣ, и навлекъ чрезъ то къ себѣ отъ него ненависть, злобу и нещастіе. Климентъ поигралъ неосторожно съ огнемъ и сожегъ цѣлой домъ, или деревню, или самъ себя повредилъ. Ксенофонтъ неосторожно обходился съ больнымъ въ прилипчивой болѣзни и самъ отъ того занемогъ. Иванъ, не разсудивъ напередъ хорошенько, предпріялъ какое нибудь, силы, знаніе, искусство и достатокъ его превосходящее дѣло и отъ того пришелъ въ превеликіе

убыт-

убытки и раззореніе. Ефремъ, имѣя въ вѣдомствѣ у себя казну, отъ лѣни и небреженія положился на своихъ подкомандующихъ и щетчиковъ, или самъ, слѣдуя пристрастіямъ, неосторожно съ нею, какъ съ своею, обходился, и принужденъ послѣ самъ платить великія суммы, или терпѣть бѣды и напасти. Игнатій нерадиво несъ свою должность, и терпитъ за то послѣ истязаніе. Ипполитъ отъ неосторожности ввѣрился бездѣльникамъ и далъ себя за носъ водить и обманывать, и отъ того терпитъ послѣ великія нещастія и бѣды. Сидоръ полѣнился съ горы сойти пѣшкомъ, и получаетъ чрезъ то великой вредъ: лошади его разбиваютъ, повозки его летаютъ стремглавъ и самому ему руки и ноги ломаютъ. Андроникъ поспѣшилъ чрезъ рѣку ѣхать, и отъ оплошности потопляетъ все, что имѣлъ, и насилу самъ спасается, и прочее тому подобное.

Вотъ примѣры нещастныхъ случаевъ, которымъ собственно сами мы, или

или паче одна оплошность и неосторожность наша причиною! Признаться надобно, что они составляютъ уже существительное зло, тѣмъ паче, что печали и досады, послѣдующія отъ того, бываютъ намъ отмѣнно чувствительны; потому что основаніе свое имѣютъ на собственномъ нашемъ, но тщетномъ уже раскаяніи. Кому не извѣстно, коль много досадуемъ мы на себя при такихъ случаяхъ, коль сильно терзаетъ сіе зло наше сердце, и коль долго не можемъ мы позабыть и выбить изъ головы сіи досадительныя мысли? Но ктожъ въ томъ виноватъ? Когдабъ были мы осторожнѣе, когдабъ были не таковы оплошны и получше во всемъ съ разумомъ своимъ совѣтовали, а поменьше стремленіямъ страстей своихъ слѣдовали, то не было бы и нещастій сихъ съ нами. Но какъ же быть? скажутъ мнѣ нѣкоторые. Такъ и быть, отвѣтствую я; однако и сіе зло не такъ велико, какъ намъ думается: есть средства, могущія уменьшить жестокость печали и въ сихъ случаяхъ. Послѣдующія

за симъ другія правила подадутъ къ тому руководство, а теперь по крайней мѣрѣ то скажу, что не должно въ такихъ случаяхъ обвинять натуру, Бога и другихъ людей, какъ то мы часто дѣлаемъ, и тѣмъ только пріумножать наше мученіе.

Третій родъ причинъ нашихъ печалей, и прискорбностей, и бѣдствія, и нещастія, отъ которыхъ они проистекаютъ, имѣютъ свое происхожденіе отъ злости и пороковъ другихъ человѣковъ; самижъ мы тому или мало, или вовсе не причиною. Таковаго рода суть, на примѣръ, слѣдующіе противные случаи: Киръ лишается великой суммы по векселю, и теряетъ половину имѣнія своего; должники его впадаютъ въ нещастіе и не оставляютъ ему надежды получить когда нибудь свои деньги. Трифонъ нещастливъ тѣмъ, что имѣетъ жену злаго и ни къ чему годнаго обычая, которая мучитъ и безпокоитъ его ежечасно. У Семена увезли жену его бездѣльники. У Сидора жена непотреб-

требная. Агапъ по нещастiю имѣетъ дочь такую. Вуколъ претерпѣваетъ зло и нещастiе отъ того, что другъ ему сдѣлался невѣренъ. Парфенъ за нещастiе себѣ щитаетъ, что люди неблагодарны; всѣ милости и благодѣянiя, оказываемыя отъ него имъ, ему не пользуютъ, но они злодѣйствомъ ему за то соотвѣтствуютъ. У Өедора рабы ни къ чему годные, невѣрные, непослушные и мошенники. Отъ Никифора люди и крестьяне его уходятъ безъ всякаго къ тому отъ него повода. Харлампiй орудiемъ нещастiя своего и желчiю дней своихъ почитаетъ неспокойнаго сосѣда своего; всякой день подаетъ онъ ему поводы къ досадамъ и неудовольствiямъ. Власъ имѣетъ по нещастiю многихъ у себя злодѣевъ и непрiятелей, отъ которыхъ претерпѣвалъ, терпитъ и ждетъ впредь себѣ бѣдъ и напастей, и тѣмъ мучится. Мелетiй жалуется, что его всѣ ненавидятъ, и почитаетъ себя нещастнымъ. Алексѣй негодуетъ на то, что всѣ его презираютъ. У Марти-

тиніана начальникъ и командиръ строгъ и золъ: онъ мучитъ его ежеминутно и дѣлаетъ жизнь его несчастною. У Авксентія мачиха зла и сущимъ врагомъ ему; у Онисима отецъ слишкомъ жестокъ и хуже варвара; Памфилъ имѣетъ непослушнаго и ни къ чему годнаго сына; у Льва любезной другъ его отлучается въ дальній путь и онъ долженъ съ нимъ разстаться; у бѣднаго Архиппа домъ бездѣльники зажгли, и онъ лишился всего имѣнія своего; Поликарпъ за нещастіе себѣ почитаетъ, что навалено на него много работы, и онъ слишкомъ отягощенъ оною; Тарасій нещастіемъ почитаетъ, что принужденъ дѣло имѣть съ гордыми и презирающими его знатными господами; Порфирія воры покрали; Прокофья разбойники разбили и лишили наилучшаго имѣнія его; Василья мошенники ограбили; Өедота бездѣльники Цыгане и купцы обманули; Евтропія неправосудіе судей сводитъ съ ума; онъ проклинаетъ жизнь свою, что принужденъ имѣть судебныя

 дѣла,

дѣла, и таскаться по Коллегіямъ, и видѣть неправильное рѣшеніе дѣла его; у Герасима наконецъ отнимаютъ обидчики все имѣніе его и пускаютъ по міру, и такъ далѣе.

Вотъ случаи, происходящіе отъ другихъ человѣковъ. Не льзя сказать, чтобъ они не были существительными нашими нещастіями и зломъ такого рода, отъ котораго по справедливости чувствуемъ мы печали и неудовольствія. Однако не можножъ и того сказать, чтобъ многіе и изъ сихъ случаевъ не сыскались такіе, которыхъ зло увеличиваетъ съ излишкомъ единое воображеніе наше. Многіе, говорю, найдутся, которые далеко недостойны того, чтобъ мы такъ объ нихъ горевали и печалились, какъ мы то дѣлаемъ. Есть многіе, которымъ къ произшествію мы сами много помогли; есть такіе, которыхъ зло увеличиваютъ страсти наши; наконецъ есть много такихъ, отъ которыхъ происходящую печаль намъ гораздо способнѣе уменьшить можно,

нежели

нежели мы думаемъ. Обо всемъ томъ надлежало бы мнѣ много говорить, естьлибъ мѣсто дозволило и естьлибъ не предвидѣлъ я, что впереди о томъ упоминать будетъ довольно еще случаевъ; а здѣсь какъ я изчисляю только разные роды причины нашихъ печалей, то поспѣшу къ четвертому роду оныхъ.

Четвертой родъ причинъ нашихъ печалей проистекаетъ отъ такихъ произшествій, которыя зависятъ непосредственно отъ воли и попущенія Божескаго. Такого рода суть, на примѣръ, слѣдующіе противные случаи: Кононъ почитаетъ себѣ то великимъ нещастіемъ, что онъ родился дуренъ, имѣетъ нескладные и непропорціональные члены и другія части тѣла. Ѳеофилактъ отъ рожденія своего получилъ слабое и болѣзненное состояніе тѣла: весь онъ вѣкъ провождаетъ въ безпрерывныхъ почти болѣзняхъ и припадкахъ, и щитаетъ себя нещастнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Кондратій родился уже на свѣтъ кале-

кою и уродомъ, и не находитъ никакого утѣшенiя. Софронъ родился въ рабствѣ, или въ другомъ какомъ низкомъ и подломъ состоянiи и бѣдности, и щитаетъ себя нещастнымъ. Өеофанъ претерпѣваетъ превеликiе убытки, но которымъ ни онъ, ни другiе люди не подали поводовъ: люди и крестьяне, на примѣръ, у него помираютъ, деревни погараютъ и прочее тому подобное. Онъ все сiе наивеличайшимъ себѣ нещастiемъ почитаетъ. У Никифора дѣтей много; онъ не знаетъ, что съ ними дѣлать, горюетъ и за великое нещастiе себѣ то признаваетъ, что они у него на шеѣ. Венедикта напротивъ того то съ ума сводитъ, что у него нѣтъ дѣтей, или они не стоятъ, а умираютъ въ малолѣтствѣ. Агапiй неудачное имѣетъ супружество, сiе его тревожитъ; у Савина любезная его жена, у Хрисанфа отецъ, у Якова мать, у Никона любимое дитя, у Захара братъ, а у Гаврилы лучшiй его другъ и прiятель и благодѣтель больны, умираютъ, или уже умерли; у Иларiона

домъ

домъ сгорѣлъ, а никто не знаетъ отъ чего; Марка болѣзнь нечаянно постигаетъ; онъ лежитъ и терпитъ превеликую боль, и находится въ опасности жизни. Напротивъ того Ипатъ мучится другою, хотя не столь жестокою, но долговременною скорбію, или припадкомъ: ему сіе еще несноснѣе перваго; онъ радъ бы вытерпѣть наижесточайшую горячку, а не мучиться такою скучною скорбію. Титъ теряетъ по нещастію глаза и лишается наидрагоцѣннѣйшаго сего чувства; Никита приходитъ въ глухоту; Осипъ лишается употребленія языка, и они не могутъ утѣшиться и почитаютъ себя нещастнѣйшими въ свѣтѣ. Ѳеодулъ имѣетъ худую память, Евтихій косноязыченъ, Родіонъ отолстѣлъ, все сіе почитается ими за нещастія, и они о томъ тужатъ и горюютъ. Наконецъ Терентія важнѣйшая причина побуждаетъ почитать себя нещастнымъ: рана, полученная на войнѣ, или какая нибудь болѣзнь, предвозвѣщаетъ ему, что жизнь его не долго продлится, и онъ

скоро умереть будетъ долженъ; онъ сокрушается о томъ и не можетъ имѣть никакого утѣшенія, и такъ далѣе.

Кто не согласится въ томъ, что всѣ сіи противные случаи имѣютъ происхожденіе свое отъ непосредственной воли и попущенія Господня, и что отмѣнны они тѣмъ отъ прочихъ? Но я спрошу только, такъ ли мы ихъ принимаемъ, какъ намъ должно? Правда, не льзя того сказать, чтобъ они не были намъ прискорбны, но паче утверждаю самъ, что они для насъ наичувствительнѣйшіе; однако не простираемъ ли мы печали и негодованія свои въ случаѣ ихъ выше мѣры? Не дѣлаемся ли мы часто горшками, требующими отъ горшечника отчета, для чего онъ ихъ не такими, какъ имъ хотѣлось, а такими сдѣлалъ, какъ ему заблаго разсудилось? Но можемъ ли мы проникнуть во всѣ намѣренія и судьбы Божескія, и вѣрно ли знаемъ, что для насъ было бы лучше, естьлибъ мы не такими сдѣланы

даны были, или естьлибъ того и другаго съ нами не сдѣлалось, и что мы того ничѣмъ не заслужили? Когдажъ не можемъ, то не для чего намъ въ семъ случаѣ негодовать на Бога, но лучше, колико можно, съ терпѣніемъ сносить сіи Его не инако какъ праведныя насланія.

Пятой и послѣдній родъ причинъ нашихъ печалей проистекаетъ отъ такихъ приключеній, которыя хотя въ самомъ началѣ своемъ отъ власти и попущенія Божескаго зависятъ, какъ и всѣ прочія приключенія въ свѣтѣ, однако не непосредственно, а происходятъ болѣе отъ сдѣланнаго Богомъ въ натурѣ устроенія и разпорядка. Таковые роды суть, на примѣръ, слѣдующія противныя и нещастныя приключенія: Антипъ дожилъ до глубокой старости, но трудности и немощи, сопряженныя съ оною, ему несносны; онъ почитаетъ то великимъ себѣ нещастіемъ. Артемонъ имѣлъ въ деревняхъ своихъ худой урожай хлѣба: годъ былъ совсѣмъ неплодоносной;

онъ тужитъ о томъ и почитаетъ себѣ великимъ нещастіемъ. У Мартына цѣлое поле и лучшіе его плоды градомъ побило. Ахъ! какое нещастіе, говоритъ онъ, и для чего таки мое, а не другое? Аристарху вихрь и буря превеликой надѣлали вредъ; цѣлыя строенія посломали и повредили; онъ тужитъ о томъ и почитаетъ нещастіемъ. У Онуфрія наводненіемъ невѣдомо сколько бѣдъ надѣлало: и хлѣбъ его потопило, и луга занесло, и лѣсъ разбило; онъ мучится печалію. У Савы суда на морѣ бурею, или въ рѣкѣ на порогахъ разбило и великой вредъ, сдѣлавшійся ему отъ того, его въ смертельную печаль ввергаетъ. У Ясона множество скота отъ падежа пало, и онъ горюетъ и почитаетъ великимъ нещастіемъ. Еремей жалуется, что у него лошади не ведутся, и особливымъ то нещастіемъ почитаетъ. У Іова домъ грозою зажгло, и все имѣніе его погорѣло; онъ того перенесть не чаетъ. У Исаія прудъ прорвало и великое множество рыбы ушло; онъ не можетъ

жетъ довольно надосадовать. Отъ Николая недалече пожаръ сдѣлался, и пламя распространилось и до его дома, и вкупѣ и оной въ пепелъ обратило; онъ сходитъ съ ума отъ печали. Исаакъ мучится помышленіемъ, что ему когда нибудь умереть надобно будетъ, и что жизнь его подвержена ежечасной опасности. Но не одни такія важныя произшествія, а иногда и совсѣмъ неважныя производятъ намъ досады и неудовольствія, на примѣръ: Симонъ нѣсколько дней сряду мучится, досадуетъ и находится въ превеликомъ неудовольствіи отъ того, что находясь въ пути, принужденъ ѣхать по дурной и пакостной дорогѣ. Епифанія испортившееся колесо, переломившаяся дрога равно такъ печалитъ и досаждаетъ, какъ бы какое великое нещастіе. Подъ Патрикіемъ ледъ проломился: онъ все подмочилъ и едва было самъ не погибъ; онъ досадуетъ на то невѣдомо какъ. Фалалея комары и мухи кусаютъ; Константину жаръ надоѣдаетъ; Василиску стужа,

 Михай-

Михайлѣ ненастье несносны; Карпу крикъ лягушекъ надоѣдаетъ, и всѣ они цѣлые дни въ жалобахъ и неудовольствіяхъ препровождаютъ, и такъ далѣе.

Вотъ примѣры противныхъ случаевъ, которымъ ничто, какъ устроеніе натуры основаніемъ! Со всѣмъ тѣмъ мы сіе вовсе позабываемъ и почитаемъ ихъ на ряду съ прочими нещастіями и прискорбностьми, и также даемъ имъ себя мучить и терзать, какъ другимъ и основательнѣйшимъ причинамъ. Кто не видитъ изъ вышеписаннаго, что многія изъ нихъ могутъ быть такого роду, что неудовольствіямъ нашимъ, происходящимъ отъ нихъ, не инако, какъ смѣяться можно, какъ напротивъ того другія въ самомъ дѣлѣ для насъ чувствительны быть могутъ?

Сіи-то суть пять разныхъ родовъ причинъ нашихъ печалей и неудовольствій. Я прошу меня извинить, естьли я подробнымъ изчисленіемъ

ніемъ разныхъ противныхъ случаевъ кому нибудь наскучилъ. Я сдѣлалъ сіе не безъ причины; ибо, вопервыхъ, хотѣлось мнѣ чрезъ то доказать, коль многоразличнымъ бѣдствіямъ и противнымъ приключеніямъ жизнь наша здѣсь на земли подвержена: повсюду кругомъ насъ летаютъ бомбы, ядры, картечи, стрѣлы и пули. Коль легко и коль скоро можетъ которая нибудь изъ нихъ попасть и въ насъ, и причинить или тѣлу нашему, или душѣ, или обоимъ совокупно рану и поврежденіе! Коль нужножъ посему запасаться намъ лѣкарствами и быть всегда въ осторожности! Вовторыхъ, хотѣлось мнѣ получить ту выгоду, чтобъ впереди, говоря еще много о сей матеріи, можнобъ мнѣ было на сіе ссылаться, и не былобъ нужды повторять. Втретьихъ, чтобъ самымъ изъясненіемъ разности сихъ причинъ показать слѣдъ къ толь нужному и симъ правиломъ требуемому разсмотренію. Наконецъ, чтобъ тѣмъ способнѣе можно было мнѣ теперь изъяснить и прочія касающіяся до нихъ различія. Вто-

Второе различіе между противными приключеніями примѣчается въ разсужденіи ихъ на насъ дѣйствія. Изъ вышеписанныхъ примѣровъ не трудно всякому усмотрѣть, что одни дѣйствіе свое простираютъ только на нашу душу и встревоживаютъ наши страсти и желанія, и тѣмъ производятъ намъ прискорбіе и безпокойство; а другіе напротивъ того дѣйствуютъ только на наше тѣло и заставляютъ оное терпѣть скорбь и боль; третьи же наконецъ дѣйствуютъ на душу и тѣло совокупно. Въ подробномъ изчисленіи оныхъ нѣтъ ни малой нужды: возьмите которой нибудь изъ упомянутыхъ, либо изъ такихъ примѣровъ, которыхъ я для краткости не упомянулъ, какъ найдете сами, къ которому классу онъ принадлежитъ въ самомъ дѣлѣ. Сіе, какъ послѣ увидите, вамъ много поможетъ.

Третіе различіе, примѣчаемое между противными случаями, касается до существа, или состоянія самаго того

зла,

зла, которое насъ тогда тревожитъ и печалитъ. Изъ тѣхъ же примѣровъ легко всякому заключить можно, что сіе зло не при всѣхъ противныхъ случаяхъ одинаково, но въ разсужденіи однихъ, такъ сказать, вещественно, какъ на примѣръ въ случаѣ пожаровъ, убытковъ, болѣзней и прочаго; а въ случаѣ другихъ совсѣмъ невещественно, но сущею ничтожностію почесться можетъ, какъ на примѣръ презрѣніе отъ людей, злость, невѣрность и прочее тому подобное. Сіе зло воображаемъ мы себѣ только въ мысляхъ, существеннагожъ намъ вреда отъ того никакого не происходитъ; и потому можно назвать его духовнымъ зломъ. Которыя произшествія къ первому, и которыя ко второму роду принадлежатъ, о томъ также не для чего въ подробности упоминать. Всякому не трудно оныя самому разобрать, а я только то напомяну, что при семъ разбирательствѣ надобно имѣть великую осторожность, чтобъ ничтожное какое нибудь зло не почесть болѣе вещественнымъ, нежели

оно

оно въ самомъ дѣлѣ есть; ибо сiе всего чаще съ нами случается и бываетъ. И потому иногда хотя пуля мимо насъ пролетитъ, или только коснется нашего платья, а мы уже думаемъ, что она насъ ранила и тужимъ о томъ и горюемъ. Слѣдующiй примѣръ можетъ быть лучше изъяснитъ сiе дѣло, на примѣръ: я былъ бы честной человѣкъ и удаленъ отъ всякихъ обмановъ, и меня бы сталъ какой нибудь глупецъ называть обманщикомъ и нечестнымъ человѣкомъ; но что мнѣ вредитъ такое его несправедливое называнiе? Я останусь всегда честнымъ человѣкомъ, хотя бы онъ меня тысячу разъ называлъ. Для чего не сердимся мы и не почитаемъ за обиду, когда дуракъ насъ дураками называть станетъ? Мы смѣемся только. Но не такой же ли и сей случай, когда я свѣдомъ самъ въ себѣ, что я ни мало недостоинъ такого имени? Слѣдовательно и отъ сей пульки не надобно мнѣ охать и тужить, или досадовать и сердиться: она только мимо ушей про-

прожужжала и меня ни мало не ранила а такихъ случаевъ бываетъ съ нами очень много.

Четвертое различіе, примѣчаемое между противными приключеніями, касается до существительной величины и мализны зла, ими намъ производимаго. Предпосланные примѣры довольно объяснить могутъ, сколь много они съ сей стороны различны, и всякой можетъ со мною согласиться, что нѣкоторые изъ нихъ можно сравнить съ бомбами, другіе съ ядрами, иные съ пулями, иные съ дробью и стрѣлами. И какъ сіи не одинакой намъ вредъ на баталіи причиняютъ, такъ и противныя приключенія не одинаковой величины зло намъ производятъ. Различіе сіе потому примѣчанія достойно, что разсматриваніе оныхъ съ сей стороны научитъ насъ придавать всякому злу настоящую его цѣну и не оцѣнивать дороже, нежели чего оно стоитъ; слѣдовательно освободимся чрезъ то отъ погрѣшности, къ которой мы очень сродны; ибо нѣтъ ничего

чего чаще того, что мы малѣйшую дробинку почитаемъ пулею, а пулю пушечнымъ ядромъ, или иногда малѣйшую тѣнь обиды за превеличайшую себѣ обиду поставляемъ.

Пятое наконецъ различіе между противными приключеніями примѣчается въ разсужденіи удобности отвращенія, или уменьшенія зла, или прискорбія, ими въ насъ производимаго; ибо какъ происходящія отъ всѣхъ нещастныхъ и противныхъ приключеній наши печали, скорби, досады, неудовольствія и прочія непріятныя чувствія, весьма не одинаковы, но одни болѣе, а другія менѣе намъ прискорбны: то натурально не всѣ они съ равною удобностію истреблены и уменьшены быть могутъ. Въ семъ случаѣ можемъ мы также пользоваться генеральнымъ моимъ уподобленіемъ; ибо ни съ чемъ такъ хорошо сіе обстоятельство сравнить не можно, какъ съ ранами, на войнѣ получаемыми: какъ тамъ раны, будучи весьма не одинаково тяжелы, не равно скоро и удобно

за-

залечены быть могутъ, такъ тоже и о душевныхъ нашихъ ранахъ сказать можно. Какъ тамъ иныя раны, не смотря на все искусство и старание врачей, неизлечимы, но отъ нихъ либо умереть мы должны, либо онѣ на вѣкъ насъ будутъ безпокоить: такъ и изъ печалей есть такія, которыя намъ изъ себя никогда совершенно истребить не можно, и какія бы мы средства ни употребляли, но всегда останутся въ насъ знатные остатки оныхъ. Вовторыхъ, какъ тамъ иныя раны хотя съ трудомъ и не скоро, однако излечить можно, и только кой когда, на примѣръ, къ ненастью будутъ онѣ намъ отзываться: такъ и тутъ есть печали, которыя равномѣрно хотя съ трудомъ и не скоро, однако излечить можно, и онѣ только кой когда намъ будутъ вспоминаться. Втретьихъ, какъ тамъ большая часть бываетъ такихъ ранъ, которыя не только совершенно, но и скоро и удобно залечить можно: такъ и тутъ большая часть печалей и неудовольствій нашихъ бываетъ

такихЪ, которыя безЪ всякаго дальняго труда совершенно истреблены быть могутЪ. ВчетвертыхЪ наконецЪ, какЪ тамЪ иныя раны и безЪ всякаго леченiя сами собою зажить могутЪ: такЪ есть и печали, могущiя сами миноваться, хотя на то, какЪ и вЪ случаѢ ранЪ, должайшее время и множайшее безпокойство надобно. ОднимЪ словомЪ, всѢ обстоятельства, касающiяся до ранЪ, могутЪ удобно относимы быть кЪ душевнымЪ нашимЪ ранамЪ.

ВотЪ все, чѢмЪ намѢренЪ я былЪ обЪяснить вышепредложенное правило, и показать, что собственно разумѢю я подЪ именемЪ помышленiя о причинахЪ нашихЪ печалей; и надѢюсь, что изЪ всего вышеписаннаго не трудно уже всякому усмотрѢть, какЪ ему должно располагать сiи помышленiя, а имянно: какЪ скоро произойдетЪ какое нибудь противное приключенiе и сердца ваши начнутЪ безпокоиться и грустить, то, не запуская вдаль, приступите тотчасЪ кЪ

раз-

разсмотреніямъ, и разсматривайте напередъ, къ какому роду принадлежатъ причины, отъ которыхъ сіе поражающее васъ зло произошло: не отъ васъ ли самихъ и пристрастій вашихъ оно происходитъ, не отъ погрѣшностей ли вашихъ собственныхъ, или отъ злости другихъ человѣковъ, также не Божеская ли безпосредственная, или посредственная была на то воля. Нашедъ и опредѣливъ его въ собственной ему классъ, ступайте далѣе: смотрите, куда собственно клонится сего зла дѣйствіе: на душу ли вашу одну, или тѣло, или совокупно на обоихъ. Узнавъ же сіе, продолжайте разсматривать далѣе: вещественное ли оно, или духовное и ничтожное. А опредѣливъ сіе, глядите безпристрастными глазами на подлинную величину того и опредѣляйте ему надлежащую цѣну. Наконецъ разсуждайте, къ какимъ ранамъ печаль ваша принадлежитъ: къ тяжелымъ ли, или легкимъ, и можетъ ли, или не можетъ быть изцѣлима, и скоро ли, или не скоро. О семъ можете вы раз-

суждать по примѣру другихъ человѣковъ, которые таковымъ же душевнымъ ранамъ были подвержены. Скорое и способное изцѣленіе оныхъ можетъ васъ увѣрить, что и вы можете изцѣлиться. Учинивъ же все сіе и осмотрѣвъ, такъ сказать, симъ рану, принимайтеся лечить, и приступайте къ дальнѣйшимъ лѣкарствамъ, между которыми надлежащій выборъ дѣлать будете вы уже способнѣе.

Знаю, что спросятъ меня теперь нѣкоторые: какія же бы то были лѣкарства? Но пожалуйте дайте мнѣ время, не премину вамъ оныя сказать; и когда за тѣсными предѣлами сего сочиненія мнѣ не можно вамъ услужить всѣми лѣкарствами, пригодными ко всякой изъ помянутыхъ ранъ въ особливости, то дамъ по крайней мѣрѣ вамъ совѣтъ, какимъ образомъ вамъ самимъ оныя и изъ чего составлять наиудобнѣе можно; а теперь не мѣшайте мнѣ окончить матерію, касающуюся до сего правила; ибо

мнѣ

мнѣ осталось слова два сказать о пользѣ сего правила.

Польза, могущая проистекать изъ сего правила, очевидна, и конечно больше, нежели многiе сначала думали, или можетъ быть и теперь думаютъ. Я сравнилъ ее съ осмотромъ раны, получаемой на баталiи. Всякъ знаетъ, сколь таковые осмотры нужны, и сколь худыя слѣдствiя проистекаютъ иногда, естьли леченiе раны безъ всякаго напередъ осмотра и по нещастiю еще неприличными лѣкарствами предпринимается. Не случается ли часто, что оныя лѣкарства еще больше рану растравляютъ? А хотя иногда рана съ наружности и залечивается, но въ послѣдствiи произойдутъ отъ того великiя и вредныя слѣдствiя, а особливо потому, что зло не истребляемо было изъ основанiя, на примѣръ: пуля не вынута, и такъ далѣе. Все сiе можно точно приравнить и къ сему мысленному осмотру душевныхъ ранъ, умалчивая, что иногда самой сей осмотръ иную небольшую ранку

излечить может, или по крайней мѣрѣ узнается, что она недостойна и перевязана быть. Сверьх того и та польза произойдет, что мы чрез такія осматриванія сдѣлаемся способнѣе и вперед скорѣе узнавать качество наших ран. Но теперь время итти далѣе.

2.

Второе правило, чрез наблюденіе котораго нам прискорбности наши уменьшать можно, есть слѣдующее:

Не вдавайся в печаль далеко и не растравляй тѣм болѣе оную.

Сіе правило кажется мнѣ так ясно, что никакого дальняго объясненія не требует; чего ради довольно будет, естьли скажу нѣсколько только слов об оном.

Ежели послѣдовать предпосланному мною генеральному сравненію, то производство сего правила ни с чем иным

инымъ лучше сравнить не можно, какъ съ перевязываніемъ ранъ, на баталіи получаемыхъ; ибо какъ сіи раны, ежели не скоро ихъ захватить и не унять кровь перевязкою, легко могутъ разгорѣться, загноиться, произвесть опухоль, гниль, превеликую и несносную боль, и наконецъ могутъ до того дойти, что прикинется къ нимъ антоновъ огонь и онѣ сдѣлаются неизцѣлимыми: такъ равно такія же обстоятельства и вредныя перемѣны могутъ произойти и съ душевными ранами, то есть нашими печалями, горестями и неудовольствіями, естьли дастся имъ совершенная воля по своему хотѣнію усиливаться, или къ тому еще поспѣшествуемо нами будетъ.

Что это не пустые разсказы, а основано на самой истиннѣ, которую подтверждаютъ собственные наши опыты, то, надѣюсь, многіе усмотрѣть могутъ; ибо кому не извѣстно, коль сильно увеличиваются печали и прискорбія наши, когда мы въ нихъ вы-

ше мѣры вдаемся и даемъ полную власть стремительствамъ нашего сердца, и не часто ли случается, что отъ сего единаго и небольшое бездѣльное неудовольствіе обращается наконецъ въ превеликую намъ горесть и печаль, которая доводитъ насъ до слезъ и отчаянія? Но хорошо, когдабъ то только при томъ одномъ оставалось; но вмѣсто того не случалось ли кому видать людей, отъ печали повредившихъ свое здоровье, сошедшихъ съ ума, впадшихъ въ жестокую ипохондрію, и наконецъ въ самой смертельной параличь? Съ чемъ инымъ можно сіе сравнить, какъ не съ антоновымъ огнемъ въ случаѣ ранъ тѣлесныхъ и другими такими прикидывающимися къ ранамъ жестокими болѣзнями? Но отъ чего инаго сіе происходило, какъ на большую часть отъ того, что сіи люди слишкомъ вдавалися въ свою печаль и не только руками и ногами отпихивали друзей своихъ и пріятелей, старающихся ихъ утѣшать и уговаривать, и не хотѣли слышать никакихъ увѣщаній,

ній, но паче умышленно и нарочно старались съ своей стороны все то выдумывать и мыслить, что печаль ихъ и тоску умножить въ состояніи? Не можно ли ихъ въ семъ случаѣ сравнить съ такимъ жестоко раненымъ человѣкомъ, которой не хочетъ и слышать о перевязываніи своей раны, но руками и ногами фелдшеровъ и лѣкарей, желающихъ ему подать вспоможеніе, отпихиваетъ, и вмѣсто того, чтобъ ее скорѣе захватывать и употреблять къ леченію всѣ способы, самъ умышленно сталъ бы рану свою болѣе раздирать и разковыривать, и вмѣсто лѣкарства лить въ нее ядъ и отраву? Но какая польза сему отъ того происходить можетъ, такая и тѣмъ бываетъ: рана, или печаль, дѣлается неизцѣлимою и доводитъ ихъ тѣмъ скорѣе до гроба.

Сіе кажется довольно доказываетъ, что намъ всѣми образами надобно остерегаться не только помянутымъ образомъ раздираніемъ, или вливаніемъ въ рану отравы и ядовитаго зелья, ее бо-

болѣе не растравлять, но всѣми образами стараться не вдаваться въ печаль нашу слишкомъ далеко, а какъ можно скорѣе ее захватывать, и буде не случится никакого посторонняго и толь надобнаго въ семъ случаѣ врача, или фелдшера, то есть утѣшителя, которой бы могъ въ семъ случаѣ подать первѣйшую разогнаніемъ печальныхъ нашихъ мыслей помощь: то самимъ сколько можно о томъ стараться и такъ хорошо, какъ умѣется, или сколько тогдашнія силы и состояніе дозволить можетъ, душевную свою перевязывать рану.

Ежели спросятъ меня, чѣмъ же такимъ можно сіе въ дѣйство производить, ничѣмъ инымъ, отвѣтствую, какъ, вопервыхъ, разгоняніемъ и выбиваніемъ изъ головы грубыхъ и печальныхъ мыслей о самомъ злѣ, намъ приключившемся; ибо печаль нашу наиболѣе то самое и питаетъ, что мы непріятной предметъ, произведшій оную, стараемся живо воображать въ умѣ своемъ и отчасу болѣе и живѣе

вѣе

вѣе объ немъ помышляемъ, вмѣсто того, чтобъ намъ всячески стараться надлежало отъ того убѣгать. Вовторыхъ, употребленіемъ возможнѣйшей предосторожности, чтобъ не помышлять о всѣхъ тѣхъ худыхъ для насъ слѣдствіяхъ, которыя отъ того впредь произойти могутъ, равно какъ и о томъ, какими выгодами и пріятностьми мы прежде, не претерпѣвъ сего нещастія, отъ той вещи наслаждались; ибо опыты доказываютъ, что оба рода сихъ помышленій не вѣдомо какъ печаль нашу растравляютъ и умножаютъ, и послѣдній по самой справедливости сравненъ быть можетъ съ раздираніемъ и ежечаснымъ поврежденіемъ раны, а первой со вліяніемъ въ нее сущаго яду мышьяку и отравы.

Хорошо, государь мой, скажутъ мнѣ теперь нѣкоторые; симъ образомъ разсуждать на досугѣ и съ спокойнымъ духомъ очень хорошо; но есть ли время тогда такъ разсуждать, когда насъ жестокая печаль по-

постигнетъ? Въ силахъ ли мы тогда сіе въ дѣйство произвесть? Не тѣснятся ли помышленія такія и безъ званья нашего толпами къ намъ въ голову, и не набивается ли ими вся комната души нашей такъ тѣсно, что и самому хозяину, то есть разуму и разсудку нашему, нѣтъ мѣста поворотиться, и можно ли намъ въ сихъ обстоятельствахъ такъ тонко философствовать и растобарывать?

Такъ, государи мои, отвѣтствую; не хочу въ томъ спорить, что правда, то правда, и можно ли что противъ правды говорить? Однако надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ въ томъ мнѣ не поспорите, что не всѣ противныя приключенія производятъ намъ толь жестокія печали, но что къ тому немногія только способны, также что и въ случаѣ самыхъ сихъ высочайшая и такая степень печали нашей, которая лишаетъ насъ употребленія нашего разума и разсудка, не гораздо долго продолжается, но скоро проходитъ. Это приноситъ съ

собою

собою свойство сего аффекта, или вспламеняющагося пристрастія; но когдажъ первой жаръ минуетъ и вспыхнувшее пламя прогоритъ, и когда разумъ нашъ свободность къ своему дѣйствію нѣсколько получитъ, то въ то время, скажите, кто намъ мѣшаетъ помянутому совѣту слѣдовать?

Ежели скажете, самыя тѣ же мысли, лѣзущія къ намъ по неволѣ въ голову.... Нѣтъ, государи мои, теперь уже я вамъ и вопреки сказать могу, что сихъ незванныхъ гостей можно уже тогда хозяину и взашей выгнать. Не всегда онъ такъ сжатъ и притѣсненъ бываетъ, что съ ними сладить не можетъ, но тогда уже онъ опять освободится и иную мысль тотчасъ и протолкать можетъ, какъ скоро она и въ двери покажется.

Ежели скажете, что вамъ аллегорія сія непонятна, и вы не знаете, чѣмъ бы такимъ ихъ взашей выбивать можно, то это другое дѣло, и на это вамъ скажу, что тутъ разуму

уму и нашему произволу, какъ обоимъ главнымъ хозяевамъ души нашей, работать надобно; слугѣ же ихъ, примѣчанію, должно стоять у дверей и тотчасъ сказывать, какъ скоро такой ненадобной гость покажется. И тогда хозяину надобно тотчасъ разбудить другихъ своихъ дѣтей и наполнить ими такъ всю свою комнату, чтобъ тому не можно было никакъ водраться, и тогда онъ, какъ несолоно хлѣбавъ, принужденъ будетъ прочь итти. Однимъ словомъ, оставя аллегорію, надобно возбуждать въ себѣ тотчасъ тогда другія какія нибудь и пріятнѣйшія мысли, и помышлять какъ можно живѣе; ибо какъ душа не можетъ быть никогда безъ мыслей, и тѣ имѣютъ всегда верьхъ, которыя живѣе дѣйствуютъ, то никакое другое средство къ тому не можетъ быть сего способнѣе. Пріятныя же и способныя къ тому мысли не трудно всякому найти, ежели только онъ похочетъ: ему нужно только вспомнить какія нибудь пріятныя бывшія съ нимъ въ прежнія времена

мена произшествія, и старатся вообразить ихъ живѣйшимъ образомъ и такъ, какъ бы настоящими; или напомнить что нибудь такое, чего онъ себѣ въ предбудущее время усердно желаетъ и чѣмъ впредь веселиться думаетъ, и вообразить себѣ то также живѣе и равно какъ уже полученное; или воображать себѣ настоящія и тѣ выгоды и преимущества, которыхъ то нещастіе его еще не лишило, и коими онъ еще наслаждаться можетъ. Изъ сихъ трехъ источниковъ почерпая, можетъ онъ во всякое время снабжать себя сими толь надобными для прогнанія недруговъ своихъ орудіями и въ одинъ мигъ прогонять отъ себя оныхъ.

Вотъ въ чемъ состоитъ наблюденіе сего правила, или перевязка душевныхъ нашихъ ранъ. Я окончу, сказавъ, что сіе не только не допуститъ раны до разгоренія и тотчасъ ихъ прохладитъ, но помянутыя пріятныя мысли произведутъ вкупѣ и другую пользу, и послужатъ уже нѣкакимъ цѣлительнымъ балзамомъ, влитымъ

тымъ на первой случай въ рану и много уже къ изцѣленію оныхъ вспомоществующимъ. По учиненіижъ сего можно уже далѣе приступать къ врачеванію оныхъ.

3.

Третіе правило, наблюденіемъ котораго намъ прискорбности свои уменьшать можно, есть слѣдующее:

Какъ скоро примѣтишь зло, тебя постигать готовящееся, то, не ужасаясь онаго, того часа помышляй о средствахъ, чрезъ которыя бы можно тебѣ было оное предварить, или себя отъ онаго освободить, или колико можно оное уменьшить.

Предслѣдующія разныя примѣчанія и объясненія другихъ правилъ освобождаютъ также меня отъ труда объяснять и сіе въ подробности. Однако нѣкоторыя обстоятельства онаго требуютъ уже того, чтобъ я сказалъ нѣсколько словъ объ ономъ.

Опы-

Опыты доказывают намъ, что мы многихъ нещастныхъ приключенiй дѣйствительно моглибъ избѣжать, или по крайней мѣрѣ сдѣлать зло происходящее себѣ гораздо снοснѣйшимъ, естьлибъ въ самой точности наблюдали предписанiе сего самою натурою намъ даваемаго правила. И то за подлинно сказать можно, что когда не всѣ, такъ по крайней мѣрѣ не малая часть противныхъ приключенiй бываетъ съ нами отъ того, что мы не стараемся оныя никогда предусматривать; а когда случится предвидѣть зло, готовящееся насъ уже поразить, то приходимъ только въ страхъ и ужасъ, главу же свою отъ него не уклоняемъ и не ищемъ никакихъ средствъ къ предваренiю онаго, или къ наискорѣйшему себя отъ того зла освобожденiю, или по крайней мѣрѣ къ уменьшенiю онаго. Коль часто случается, что мы, находясь иногда въ опаснѣйшихъ и такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы со всѣхъ сторонъ окружены опасностьми, и когдабъ надлежало намъ ежечасно опасаться, чтобъ насъ

 не

не постигло какое нещастiе, живемЪ такЪ безпечно, какЪ бы находились за каменною стѢною и не имѢли причины ничего опасаться. Возьмите вЪ примѢрЪ порочнаго и вЪ беззаконiяхЪ запутавшагося человѢка: не долженствовалоль бы ему ежеминутно опасаться, чтобЪ вЪ него не попала какая нибудь пуля, или ядро, повредить его могущее? Ибо чего лучшаго можно ожидать отЪ злой и непотребной жизни, какЪ не того, что долго ли, или коротко, а постигнутЪ его опредѢленныя самою натурою за то наказанiя, то есть бѢдствiя, напасти, разныя болѢзни и печали? Тысяча примѢровЪ видитЪ онЪ ежедневно, доказывающихЪ ему сiю истинну, и знаетЪ самЪ, за чемЪ что необходимо и безсомнѢнно, или по крайней мѢрѢ вѢроятно и очень легко послѢдовать можетЪ. ОнЪ видитЪ многихЪ людей, впадающихЪ отЪ того вЪ превеликiя нещастiя, и не льзя ему не знать, что онЪ самЪ находится не вЪ лучшихЪ обстоятельствахЪ и не имѢетЪ предЪ ними никакихЪ особливыхЪ

вы-

выгодъ, защитить его отъ равныхъ бѣдствій могущихъ. Однако, не смотря на то, онъ все сіе позабываетъ, живетъ беззаботно и ни мало о безопасности своей не думаетъ. Возьмите въ примѣръ богохульника и законопрезрителя; возьмите въ примѣръ картежника, мота, расточителя имѣнія своего, присовокупляющаго всякой день свои долги; пьяницу, непотребнаго сластолюбца, неправеднаго и мздоимнаго судью, худаго казначея, обидчика, грабителя, утѣснителя бѣдныхъ, строгаго, безпутнаго и немилосердаго господина, клеветника, злоязычника, поносителя, обманщика, вора, разбойника, или другаго какого, къ шайкѣ такихъ негодныхъ людей принадлежащаго человѣка, какъ найдете вы живое тому изображеніе, и увидите картину, помянутую истинну изображающую. Не всѣ ли они знаютъ, что отъ такихъ дѣлъ зла ожидать должно? Не всѣ ли видятъ и слышатъ сохудожниковъ своихъ отъ того бѣдствіями пораженныхъ, стенающихъ, и съ душею,

 ино-

иногда и съ тѣломъ, погибающихъ? Но со всѣмъ тѣмъ сіе ихъ не трогаетъ; они всего меньше о томъ помышляютъ, но еще и нарочно углубляются въ пороки и изъ доброй воли на встрѣчу бѣгутъ и спѣшатъ къ своему нещастію и ему поспѣшествуютъ сами. Что иное причиною тому, какъ не это одно, что они рѣдко и никогда живо всѣ оныя могущія произойти худыя слѣдствія не воображаютъ, но паче, снявъ обротъ съ своихъ страстей, пускаютъ ихъ рыскать и мыкаться по своей волѣ; сами же только на тѣхъ взираютъ, до которыхъ не дошла еще очередь упасть, и кои еще въ мнимомъ, или удачномъ и завистномъ состояніи находятся. Не можно ли по справедливости сравнить ихъ съ такими людьми на баталіи, которые слѣпо и безъ разсудка спѣшатъ сами въ жесточайшій огонь, и не смотрятъ на тѣхъ, которые лежатъ уже безъ дыханія, или безъ рукъ и безъ ногъ, но взираютъ только на тѣхъ, которые еще не повалились? Правда, не всѣ бываютъ

ваютъ побиты, а многіе остаются живы, однако и то не ложно, что немногіе же изъ тѣхъ остаются, которымъ при продолженіи войны на всѣхъ баталіяхъ и въ самомъ онѣ нѣсколько разъ побывать случится. Каковы бы храбры удальцы ни были, но когда нибудь не на той, такъ на другой баталіи, или стычкѣ, а находятъ себѣ гробъ, или теряютъ руки и ноги: такъ равно и съ помянутыми господами бываетъ.

Со всѣмъ тѣмъ не одни изчисленные выше сего пороки приносятъ съ собою таковыя худыя слѣдствія: есть много и другихъ дѣлъ и такихъ поступокъ, отъ которыхъ не освобождены и разумные и самые постоянные и добродѣтельные люди, которые равномѣрныяжъ худыя слѣдствія за собою приносятъ, и къ коимъ они неосторожнымъ подражаніемъ помянутымъ самихъ себя забывшимъ людямъ, и мнимыми отъ того выгодами себя побуждаютъ, и къ нещастіямъ своимъ подаютъ сами по-

 водъ.

водѣ. Но было бы слишкомъ пространно и многимъ оскорбительно, естьлибъ оныя теперь подробно изчислять: сами они могутъ оныя найти, естьли безпристрастно обо всемъ разсудятъ. Собственная ихъ совѣсть, естьли ей дать волю, можетъ имъ на ухо шепнуть, что худо, что хорошо, и отъ чего худо, и отъ чего добро произойти можетъ. Чего ради, умолчавъ о томъ, то только скажу, что они благоразумнѣе и безопаснѣе бы поступили, естьлибъ не всѣмъ кичливостямъ своего сердца слѣпо слѣдовали, но приводили бы всякое предпріятіе свое напередъ предъ судъ разума и совѣсти. Тысячи бы хлопотъ и тысячибъ досадъ и неудовольствій они чрезъ то избавились и былибъ вѣрно благополучнѣе; но я удалился отъ своего предмета: время уже опять къ нему приближиться.

Такимъ образомъ неоспоримо то, что ко многимъ своимъ нещастіямъ, печалямъ и неудовольствіямъ мы сами подаемъ поводъ, а другія отъ еди-

единой нашей неосторожности и непредусматриванія оныхъ благовременно насъ постигаютъ. Но посмотримъ теперь, что мы дѣлаемъ и какъ поступаемъ тогда, какъ нещастіе, или зло какое уже такъ близко къ намъ приближится, что мы его, такъ сказать, ощупью узнать и никоимъ образомъ не видѣть не можемъ. Посмотримъ, на что употребляемъ мы малое оставшееся намъ еще время между тѣмъ, покуда оно насъ не поразило? Къ тому ли, чтобъ употребить оное себѣ въ пользу, и когда заблаговременно не опаслись и по нечаянности не могли себя привесть въ безопасность, то чтобъ уже тогда искать возможнаго себѣ спасенія, на примѣръ осматриваться, нѣтъ ли такого мѣста, куда бы можно было спрятаться и уйти, и тамъ себя защитить отъ онаго; или нѣтъ ли чего нибудь такого подлѣ насъ, чтобъ можно было ухватить и тѣмъ ему воспротивиться и отогнать, или по крайней мѣрѣ нѣтъ ли какой брони и оружія, которое бы можно было, по примѣру вое-

енныхъ людей, въ то время на себя надѣть, дабы намъ пораженiя зла не такъ сильно могли быть чувствительны? Однимъ словомъ, подражаемъ ли мы въ семъ случаѣ военнымъ людямъ? О сихъ не извѣстно ли всякому, что они, находясь въ расплохѣ и безопасности и увидѣвъ приближающуюся къ себѣ непрiятельскую партiю, грозящую имъ пораженiемъ, не употребляютъ ли послѣднихъ оставшихся минутъ на скорѣйшее и возможнѣйшее ополченiе? Не вспрыгиваютъ ли изъ сладкаго своего сна, не бросаются ли къ ружью, не строятся ли и не помышляютъ ли либо о какой нибудь защитѣ, либо о храброй встрѣчѣ непрiятеля? Не заряжаютъ ли своихъ ружей и пушекъ, не приводятъ ли все въ порядокъ, и не избираютъ ли лучшихъ и возможнѣйшихъ средствъ къ своему спасенiю? Не долженствовалоль бы и намъ такимъ же образомъ поступать въ такое время, когда духовной какой непрiятель къ намъ приближается и на насъ напасть и поразить насъ хочетъ? Но поступа-

паемъ ли мы такъ и не дѣлаемъ ли въ чемъ нибудь упущенія?

Не думаю, чтобъ вы похотѣли утверждать, что мы вѣрно и всегда ничего не упускаемъ надобнаго, но паче надѣюсь, что вы сами со мною согласитесь, что мы въ такихъ случаяхъ поступаемъ иногда противъ всякаго разсудка и разума. Скажите, не случается ли часто того съ нами, что мы не успѣемъ непріятеля своего, то есть какой нибудь бѣды, напасти, или нещастія, зазрить, какъ приходимъ въ превеличайшую робость, сердца наши напаяются страхомъ и отчаяніемъ, всѣ члены наши трепещутъ и смертельной ужасъ проницаетъ всѣ кости наши: мы воемъ, плачемъ, тоскуемъ, мечемся, вздыхаемъ, рыдаемъ, не знаемъ что дѣлать и какъ быть, приносимъ тщетныя жалобы, ропщемъ на судьбу, на свѣтъ и на все въ свѣтѣ; а между тѣмъ, покуда мы драгоцѣнныя минуты на такія безполезныя упражненія теряемъ, не постигаютъ ли уже насъ часто

удары нещастія столь скоропостижно, что намъ не остается уже времени помышлять и искать своего спасенія, или вооружить себя какимъ нибудь оружіемъ и бронею? Не то же ли самое въ семъ случаѣ съ нами бываетъ, какъ съ такою малодушною военною командою, которая, будучи атакована въ расплохъ, вмѣсто требуемаго пріуготовленія и вооруженія, впавъ въ превеликую робость, сталабъ только плакать, вздыхать, горевать, отчаяваться и приносить тщетныя на злой рокъ жалобы, дабы дать время между тѣмъ непріятелю приближиться и разбить себя на голову?

Но какъ справедливо сіе сравненіе, такъ не менѣе и слѣдствія, проистекающія отъ того, подобны тѣмъ слѣдствіямъ, какія отъ осторожности и оплошности нашей въ вещественной оборонѣ бываютъ. Кому не извѣстны обѣ тѣ истинны, что, вопервыхъ, въ случаѣ проворнаго и неустрашимаго пріуготовленія можетъ и малое число войскъ противъ большаго

не

не только долго устоять, но и прочь его отогнать, или по крайней мѣрѣ не допустить учинить себѣ дальняго вреда и пораженія; напротивъ того, вовторыхъ, что и большее число малымъ количествомъ непріятеля разбивается, буде по нещастію застанетъ оно его въ расплохѣ, трусости и малодушіи, и не дастъ времени учинить ни малѣйшей обороны? Кому, говорю, не извѣстны сіи истинны? . . Но точно тожъ бываетъ и съ нами въ случаѣ духовной войны; и потому одного человѣка и большее нещастіе не такъ сильно поражаетъ, какъ другаго наималѣйшее.

Но какъ же быть? Какія же средства намъ употреблять? Куда дѣваться? Что хватать? Чѣмъ себя защищать и чѣмъ обороняться? . . Многимъ и разнымъ. Натура, или лучше сказать, безконечной Создатель нашъ не оставилъ насъ въ семъ случаѣ безъ всѣхъ средствъ, потребныхъ къ нашей оборонѣ: всякимъ оружіемъ мы довольно снабдѣны: есть у насъ пушки,

есть

есть ружья, есть порохъ, есть свинецъ, есть сабли, копья и стрѣлы, есть рогатки, есть лопатки, кирки и мотыки, чѣмъ въ случаѣ нужды себя окапывать; наконецъ есть подлѣ насъ укрѣпленіе, есть каменная стѣна, есть замокъ, куда въ случаѣ нужды, или тотчасъ для лучшей безопасности ретироваться можемъ, и все зависитъ только отъ того, чтобъ мы не ослабѣвали и употребляли руки свои и хотѣніе съ надлежащимъ проворствомъ.

Знаю, что многіе изъ васъ пожелаютъ яснѣйшаго сему истолкованія. Аллегорія сія сколь ни удобопонятна, однако требуетъ изъясненія. И такъ скажу вамъ въ короткихъ словахъ, любезные читатели, что прежде всего требуется не ослабѣваніе нашего духа, но мужество и великодушіе, то есть, чтобъ мы не давали себя устрашить великости нещастія и мнимой невозможности защитить себя отъ онаго, но бодрственнобъ и твердо предпріяли испытать всѣ свои силы. Къ ружью,

кЪ ружью надобно намЪ тогда, по примѣру воиновЪ, самимЪ себѣ закричать. Бей тревогу и возбуждай всѣхЪ спящихЪ нашихЪ воиновЪ, то есть мыслей. КомандирЪ нашихЪ войскЪ, то есть разумЪ, долженЪ больше всѣхЪ не робѣть, но возбуждать сердца своихЪ воиновЪ кЪ храброй оборонѣ, и дѣлать какЪ можно скорѣе всѣ нужные распорядки и пріуготовленія. ПомощникЪ его, произволЪ, долженЪ помогать ему вЪ семЪ случаѣ: ему надобно воиновЪ возбуждать, становить вЪ шеренги и ряды, и раздавать мѣлкое оружіе, то есть правильные разсудки. Между тѣмЪ командирЪ долженЪ разсматривать вЪ скорости и сколько можно всю величину и состояніе непріятельской партіи, то есть нещастія, намЪ угрожаемаго, и по тому принимать уже свои и такія мѣры, которыя ему пристойнѣе и состоянію непріятеля приличнѣе быть кажутся. УзнавЪ и разсмотрѣвЪ непріятеля вЪ самую подробность, долженЪ онЪ уже разсуждать, тутЪ ли ему стоять и презирать непріятеля, или перемѣ-

нить

нить мѣсто и приготовить все нужное къ оборонѣ, или заранѣе убираться въ надежное мѣсто и укрѣпленіе. Увидитъ естьли онъ, что непріятельская партія мала и не составляетъ дальней важности, то не для чего ему много о томъ и заботиться: онъ долженъ плюнуть на него и возвращаться къ своему покою, приказавъ напередъ для безопасности постоять солдатамъ нѣсколько въ ружьѣ, или мыслямъ быть осторожнымъ, или пустить по непріятелѣ нѣсколько ядръ изъ пушекъ, то есть послать на встрѣчу ему нѣсколько утѣшеній, и тѣмъ собьетъ тотчасъ съ пахвей непріятеля и его прогонитъ. Когда же непріятель великоватъ и достоинъ уваженія, тогда долженъ онъ того момента заряжать ружья и пушки, приготовлять снаряды, раздавать патроны и прочее тому подобное, и то дѣлать и предпринимать, чѣмъ онъ способнѣе непріятеля встрѣтить, отогнать, ему противиться и себя защитить можетъ. Сіе значитъ, чтобъ мы въ то время запасались и собирали въ

мыс-

мысли, или для лучшей удобности записывали на клочкѣ бумажки всякаго рода и такія утѣшенія, какія мы можемъ въ скорости найти, и какія состоянію нещастія приличнѣе. Когда же, учинивъ сіе, увидитъ онъ, что непріятель еще не такъ близко, и онъ имѣетъ еще время и удобность перемѣнить то мѣсто, на которомъ стоитъ его корпусъ, и ему можно перейти на какое нибудь лучшее и выгоднѣйшее: то не медля долженъ переходить онъ на оное, и тамъ обноситься рогатками, окапываться, или другія какія защищенія, буде ему есть время, способы и удобности дѣлать. Сіе можно уподобить употребленію всѣхъ наружныхъ средствъ къ лучшему вспоможенію себѣ въ случаѣ нещастій, какъ на примѣръ, исканію и требованію помощи отъ другихъ людей, употребленію силъ своихъ, и своего имѣнія, и достатка, и прочее тому подобное, чѣмъ мы иногда отъ нещастій себя нѣкоторымъ образомъ защитить можемъ. Но какъ премѣненіе мѣста не всегда можетъ

намъ

намЪ пользовать, но вЪ случаѣ только, естьли снабдѣны мы потребными оружіями, и притомЪ оно неприступно, очень выгодно и такое, до котораго непріятель сЪ трудомЪ добраться можетЪ: такЪ равно и человѣческая и вещественная помощь не всегда равно можетЪ помогать намЪ вЪ нещастіяхЪ и напастяхЪ. Когда же наконецЪ увидитЪ онЪ, что непріятель слишкомЪ великЪ и такЪ великЪ, что никакая перемѣна мѣста и ни малое укрѣпленіе, то есть вся человѣческая и наружная помощь, защитить отЪ него не вЪ состояніи, то нечего медлить: онЪ долженЪ заранѣе убираться вЪ укрѣпленной и непреоборимой замокЪ, вЪ близости его находящійся, и тамЪ запершись и всѣ орудія свои разставивЪ по стѣнамЪ, спокойно уже дожидаться непріятеля. УчинивЪ сіе, можетЪ онЪ уже сказать: слава Богу! теперь и мы уже не спимЪ, а и сами возстали и исправились; теперь готовы мы сЪ тобою сражаться; атакуй какЪ хочешь, у насЪ у самихЪ руки, пушки и ядры,

ядры, ружья и пули, то есть разные роды утѣшений есть. Выгода сего послѣдняго убѣжища и средства натурально ему всѣхъ прочихъ надежнѣе; почему какъ всякой командиръ, не хотя подвергнуть себя нечаянной опасности, охотнѣе согласится ретироваться въ замокъ, сколь скоро хотя нѣсколько великоватъ непрiятель: такъ и разуму нашему всегда надежнѣе уходить въ тотъ душевной замокъ, которой всегда у него вблизи находится.

Теперь многiе нетерпѣливо пожелаютъ вѣдать, чтобъ это былъ за замокъ, въ которой бы намъ въ случаѣ угрожаемыхъ нещастiй ретироваться было можно. . . Великая и уваженiя наидостойнѣйшая вещь, но притомъ такая, которую не всякой человѣкъ имѣетъ, хотя то отъ самаго его зависитъ. Замокъ этотъ такого свойства, что не всякому въ оной входъ дозволенъ и извѣстенъ, но только достойнымъ того и такимъ, которые оказали себя на вой-

нѣ довольно храбрыми, спознались съ обладателемъ онаго, и усердіемъ своимъ сдѣлались любви и благоволенія его достойными, и чрезъ самое то узнали тѣ тайныя ворота, которыми въ него входить можно. Блаженны тѣ, которые нашли сіе сокровище! Отъ сего самаго и происходитъ то, что хотя многіе о семъ замкѣ слыхали и къ нему въ случаѣ нещастій бѣгутъ, но не находя въ него входа, остаются за стѣнами, и будучи безъ всякаго оружія, малую отъ него получаютъ пользу и терпятъ отъ непріятеля ужасныя пораженія.

Предпославъ сіе нужное о семъ замкѣ предуготовленіе, скажу теперь, что онъ такое. Подъ симъ замкомъ не иное что я разумѣю, какъ упованіе на Бога и безсомнѣнную надежду на Его помощь и покровительство; а подъ ухожденіемъ въ сей замокъ разумѣю возверженіе печали своея на Господа, или совершенное предаваніе себя во власть Творца и Бога нашего.

Вѣдаю довольно, что какъ предслѣдующая аллегорія услаждала можетъ быть уши моихъ читателей, такъ напротивъ того сей конецъ оной будетъ нѣкоторымъ не по вкусу. Нѣжной ихъ вкусъ и слухъ какъто отвыкъ уже отъ разговоровъ о Богѣ и обо всемъ, что до Него касается, и не можетъ сносить того съ терпѣніемъ; онъ заставливаетъ ихъ тотчасъ зѣвать, и вселяетъ въ сердца ихъ того момента отвращеніе, понуждающее ихъ либо согнуть книгу и болѣе не читать, либо, того еще хуже, сказать: ну! теперь пошло несносное вранье, и потомъ поднять все на смѣхъ... Такъ, государи мои, можно ли спорить противъ васъ, когда вы имѣете разумъ и вкусъ столько превосходной? По крайней мѣрѣ я не отважусь того сдѣлать и скажу, что съ Божіею помощію зѣвайте и говорите, что хотите, переставайте читать и сгибайте книгу, лучшія и важнѣйшія и вашему слуху пріятнѣйшія матеріи васъ ожидаютъ: о мо-

дахъ, платьяхъ, собакахъ, лошадяхъ, о свѣтскихъ дѣлахъ, и кто худо, кто хорошо живетъ, не все еще переговорено; вамъ и того на весь вашъ вѣкъ будетъ; по крайней мѣрѣ не будете вы чувствовать непріятности. И такъ принимайтесь скорѣе за любую и такую матерію, которая вамъ всѣхъ пріятнѣе; а я, пожелавъ вамъ веселиться, поговорю между тѣмъ съ тѣми людьми, которые имѣютъ еще ту глупость, что матерія, касающаяся до Бога и до нашихъ къ Нему должностей, не столь имъ отвратительна и противна, какъ вамъ, но какъ-то подлому ихъ духу мила и они имѣютъ предразсудокъ почитать ее себѣ существительно полезною.

И такъ, любезные мои въ семъ случаѣ товарищи, буду я съ вами говорить. Вамъ изъясню я далѣе, что я подъ помянутымъ выше сего описаніемъ замка разумѣю. Вы, можетъ быть остановясь, подумаете, почемужъ бы намъ всѣмъ не можно было входить въ сей замокъ и пользоваться его

его защищеніемъ, то есть уповать и возвергать печаль свою на Бога? Но я прошу васъ, вникните хорошенько въ точное разумѣніе оныхъ словъ, также и во все описаніе свойства замка, и вы увидите скоро всю тому причину. Кто въ томъ споритъ, чтобъ намъ не можно было всѣмъ въ нещастіяхъ нашихъ прибѣгать къ Богу и возвергать на Него печаль свою? Я и самъ говорилъ, что многіе въ нещастіяхъ къ сему замку бѣгутъ, но ту только разницу положилъ, что одни могутъ во внутренность его входить и прямо пользоваться, защитою непреоборимыхъ стѣнъ его, а другіе сего не могутъ и остаются за стѣнами и получаютъ малую отъ него пользу. Ежели спросите, для чего и почемужъ бы это такъ было? Потому, отвѣтствую, что къ тому требуется великое условіе, а имянно то, чтобъ упованіе наше на Бога было совершенное и надежда на Его помощь и неоставленіе безсомнѣнная. Не заключайте такъ легко и скоро о сихъ словахъ, но удостоивай-

те ихъ дальнѣйшаго вниманія; они заключаютъ въ себѣ великую важность, и скорѣе сіе сказать, нежели сдѣлать можно. Великая разница между упованіемъ такимъ, которое только словами выражается, а сердце наше о томъ ничего не знаетъ, и между такимъ, которымъ вкупѣ и наше сердце преисполнено. Сіе последнее, а не первое, можетъ приносить намъ пользу, и оно-то по справедливости достойно называемо быть прямымъ упованіемъ на Бога; а упованіе, состоящее въ однихъ только словахъ, ничего не значитъ. Симъ образомъ всѣ уповаютъ на Бога, и не найдется ни одного Христіянина, или паче сказать, ни одного человѣка, которой бы не сказалъ въ нещастіи, что онъ уповаетъ на Бога; но прямо чтобъ уповать, такой едва ли изъ тысячи одинъ найдется. Отъ того и происходитъ, что не всѣ равную пользу отъ сего упованія получаютъ, но многимъ оно вовсе ничего не пользуетъ; и сихъ-то людей сравнилъ я съ находящимися за замкомъ и только подлѣ стѣнъ онаго. Раз-

Разсуждая о семъ пунктѣ, поистиннѣ признаюсь, что силъ моихъ не достаетъ изобразить важность онаго по достоинству. Твердое и совершенное упованіе на Бога и безсомнѣнная надежда на Его помощь и неоставленіе есть такое для насъ сокровище, котораго выгоды и пользы никакое человѣческое перо изобразить не въ состояніи; чего ради сошлюсь только на собственныя чувствія и признаніе тѣхъ, которые выгоды онаго изъ практики знаютъ. Васъ, наслаждающіеся симъ небеснымъ даромъ и владѣющіе симъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, я спрошу: признайтесь вы и скажите безпристрастно, не сущимъ ли и не сладчайшимъ ли некшаромъ напаяетъ оно всю нашу душу? Не надлежащею ли подпорою и защитою служитъ оно намъ при всѣхъ опасностяхъ, бѣдахъ и напастяхъ? Не лучшимъ ли на свѣтѣ утѣшеніемъ, не лучшимъ ли лѣкарствомъ и балзамомъ всѣхъ золъ и ранъ, нашу душу поражающихъ? Не тихое ли во всякихъ случаяхъ и не

необуреваемое ли пристанище, куда мы тотчасъ уходя, покой находить можемъ? Наконецъ не сущій ли источникъ, изъ котораго безсмѣтныя радости и чистѣйшія душевныя увеселенія и удовольствія проистекать для насъ во всякое время могутъ? Вѣрно, должны вы все сіе не инако, какъ подтвердить, буде вы прямо когда нибудь упованіе на Бога имѣли и выгоды Его чувствовали.

Очень изрядно, скажутъ мнѣ теперь нѣкоторые, всему тому повѣримъ и охотно скажемъ, что блаженъ тотъ человѣкъ, кто такую благодать и дарованіе имѣетъ. Но какъ быть и что дѣлать, когда мы того лишены? Желалибъ конечно и мы, чтобъ могли имѣть такое твердое и совершенное на Бога упованіе, и душею бы и сердцемъ того хотѣли, но что дѣлать, когда слабости наши до того насъ не допускаютъ, и мы, какъ ни стараемся, того учинить не можемъ? Пустое, государи мои, пустое, и это только одни пу-

пустыя слова наши: скажемъ лучше, что мы никогда не начинали и не пробовали имѣть на Бога прямое упованіе. Не гнѣвайтесь на меня за сіе возраженіе; я говорю правду, и всегда скажу, что это только обыкновенная наша отговорка, которою мы, равно какъ подъ покрываломъ, суетность нашего сердца и нехотѣніе скрыть стараемся, въ самомъ же дѣлѣ не можетъ никоимъ образомъ быть сіе справедливымъ, но не иное что, какъ пустота; ибо когда то такаяжъ неоспоримая истинна, что Богу, яко всесовершеннѣйшему Существу, ничего нестройнаго и развратнаго сдѣлать не можно, какова неоспорима та, что въ треугольникѣ три, а не четыре угла: такъ какимъ образомъ Богу самою натурою, а потомъ откровеннымъ своимъ словомъ чрезъ Пророковъ и Апостоловъ своихъ толь имянно требовать отъ насъ, чтобъ мы на Него совершенно уповали? . . Не сущая ли нестройность выдетъ изъ того, когдабъ Онъ сталъ отъ всѣхъ насъ тре-

бовать невозможнаго и такого, къ чемубъ мы были неспособны? Подумайте, государи мои, о семъ, и признайтесь, что мы тѣмъ только ужаснымъ образомъ грѣшимъ противъ нашего Создателя, обвиняя Его невозможною Ему погрѣшностію, а пользы отъ того никакой себѣ не получаемъ.

Что это? все ничего (скажетъ мнѣ можетъ быть теперь иной и такой читатель, которому все сіе не по вкусу и страсти наши милы); ты что ни говори, а что слабости наши слишкомъ велики, и что намъ за ними до сего достигать съ трудомъ, или вовсе нѣтъ возможности, то останется всегда правда .... Богъ знаетъ, государь мой, скажу ему въ отвѣтъ: не погрѣшаете ли вы? Ежели вы не хотите вѣрить Христіянскому закону; ежели отвергаете все откровенное намъ Божеское слово; ежели поучились по нещастію не гораздо здравой философіи, которая втайнѣ побуждаетъ васъ дѣлаться деистомъ, или натуралистомъ; ежели послѣдуете

дуете вы сборищу тѣхъ людей, которыхъ вы мнимыми вашими великими духами именуете; ежели послѣдуете мнѣніемъ своимъ взгромощенной страннымъ образомъ ихъ системѣ и вмѣстѣ съ ними мятежниками противъ Творца и Бога своего безъ всякаго опасенія дѣлаться хотите, не вспрянувшись напередъ, нѣтъ ли и противъ ихъ чего нибудь говореннаго, и всѣ мнѣнія ихъ не опровергнутыль яснѣйшими доказательствами: то нечему дивиться, что вамъ сіе невозможнымъ кажется. Въ удивительной системѣ своихъ мнѣній вы вѣрно того не найдете, и не только сего, но и многаго другаго, и признаться принуждены будете, что разумъ вашъ со всею остротою въ иныхъ случаяхъ тупъ и не можетъ проникнуть во многія вещи. Что касается до насъ, то мы, не будучи столь остроумны, но помня, что нашъ разумъ имѣетъ предѣлы, не суемся туда, куда не велѣно; но чего не знаемъ, о томъ спрашиваемся у презираемой вами книги, и имѣя предразсудокъ думать, что когда

гда эта книга да и разумъ нашъ одною рукою работаны, такъ надобно конечно быть имъ между собою согласными, и соглашаемъ всегда разумъ свой съ написанными въ ней Божескими словами, а ко всему тому имѣемъ подозрѣніе, что разумъ бы одинъ сталъ намъ сказывать, вѣдая довольно, что онъ, будучи небезконечнымъ, легко можетъ иногда и погрѣшить въ своихъ заключеніяхъ. Помянутая же книга и въ семъ случаѣ дѣлаетъ намъ желаемое объясненіе, шепнувъ намъ, такъ сказать, на ухо: отъ человѣка де не все, а отъ Бога все возможно; да и сказываетъ намъ имянно, какимъ образомъ и возможность сія произойдетъ, то есть, что гдѣ нашей силы не достанетъ, тамъ Богъ самъ нечувствительно намъ поможетъ. А можно ли намъ сему обѣщанію вѣрить, или нѣтъ, то я васъ самихъ спрошу, прикажете ли вы повѣрить намъ, что морская вода дѣйствительно горька и солона, когдабъ, на примѣръ, намъ при многихъ случаяхъ ее самимъ отвѣдывать случалось?

Но

Но я удалился опять отъ моего предмета; извините меня вы, прочіе дорогіе читатели. Ревность къ закону, извѣстная мнѣ и нынѣ всюду свирѣпствующая нѣкая духовная зараза и сожалѣніе о впадающихъ въ нее незнающихъ людяхъ, меня до того довела; но я теперь говорить буду уже все съ вами. И такъ напомните, любезные товарищи, увѣренія священнаго писанія и не отчаявайтесь о достиженіи до желаемаго совершеннаго упованія на Бога. Богъ самъ намъ въ томъ невидимо помогать обѣщалъ, и обѣщанія Его всегда вѣрны, попросите только Его о томъ хорошенько, и сдѣлайте сами къ тому такое начало, какое надобно, то есть предпославъ напередъ, все то по чему необходимо предслѣдовать надобно, да и послѣ соединяйте съ нимъ, что потребно, а безъ того вы никогда до того не достигнете.

Ежели спросите меня теперь, чемужъ бы собственно предслѣдовать тому надлежало, также что имянно

вамъ

вамъ съ онымъ сопрягать слѣдуетъ; такъ скажу, что о семъ не моя должность вамъ сказывать, да и теперешнее мѣсто не дозволяетъ: читайте о семъ ученія Христіянскаго нашего закона, вникните во всю связь онаго: все вы тамъ сіе найдете. А для теперешняго случая довольно будетъ, когда вамъ скажу, что вамъ прежде всего надобно стараться познать Бога, Творца и Господа своего, то есть узнать все то о Его безконечныхъ свойствахъ и совершенствахъ, что намъ по ограниченности разума нашего узнать можно. Безъ сего не можете вы никогда на Него твердо уповать; ибо какъ вамъ на того уповать, кого вы знать не будете? Особливо же надобно вамъ о Его безконечной любви къ намъ стараться получить сколько можно ясное и полное понятіе; ибо самое сіе упованіе имѣетъ на ней свое основаніе. Потомъ надобно вамъ колико можно себя исправить и предпріять къ тому твердое и исполнительное намѣреніе, и тѣмъ удостоиться въ особливости

Бо-

Божеской любви и о себѣ попеченія; ибо безъ добродѣтели будетъ упованіе наше тщетно. Учинивъ сіе, должно вамъ однажды про всѣ разы, но совершеннѣйшимъ образомъ все устроеніе своей судьбы и всѣхъ своихъ на свѣтѣ приключеній ввѣрить Его десницѣ и безсомнѣнными остаться, что Онъ ихъ такъ располагать станетъ, какъ по премудрому Его усмотренію будетъ для васъ лучше и полезнѣе, и ни малой уже въ томъ Ему не дѣлать недовѣрки. Сей пунктъ составляетъ наивеличайшую важность въ разсужденіи упованія; ибо безъ сего преданія себя во всемъ во власть Божескую упованіе наше будетъ весьма на слабомъ фундаментѣ; а что Ему въ семъ случаѣ повѣрить можно, въ томъ, надѣюсь, вы сами не поспорите. Кому лучше, какъ не Ему знать, что для насъ худо и хорошо, и на кого лучше можно намъ въ семъ случаѣ положиться, какъ не на Него? Учинивъ сіе, можете вы уже во всемъ твердо на Него, какъ на всемогущаго и всепремудраго Господа, Творца, Бога

Отца

Отца, Учредителя и Распорядителя всѣхъ щастливыхъ и нещастливыхъ приключеній, и какъ на вѣрнаго Защитника и Отвратителя всѣхъ могущихъ вамъ въ существительной вредъ обратиться бѣдствій и напастей уповать и надѣяться, и Его о томъ просить съ безсомнѣнною надеждою, что молитва ваша услышана будетъ. Однако все сіе упованіе должно сопрягаемо быть съ тѣмъ великимъ и важнымъ условіемъ, чтобъ оно нами во зло употребляемо и чрезъ то суетно и неосновательно не было. Сіе условіе состоитъ вопервыхъ въ томъ, чтобъ съ нашей стороны соотвѣтствовано было Богу возможнѣйшимъ стараніемъ о своемъ исправленіи и о добродѣтели. Вовторыхъ, чтобъ мы ничего такого отъ Бога не ожидали, что не истиннымъ благомъ и добромъ почесться можетъ. Втретьихъ, чтобъ мы ничего имянно такого отъ Бога не требовали и не ожидали, о чемъ не знаемъ, подлинно ли оно истинною нашею пользою будетъ, и согласно ли оно съ тѣмъ концемъ и званіемъ, на кото-

которой мы въ семъ свѣтѣ жить назначены?

Отъ такого упованія натурально проистекутъ всѣ тѣ безчисленныя великія выгоды и пользы, о которыхъ было упоминаемо, а имянно: вопервыхъ, совершенное и наипріятнѣйшее удостовѣреніе, что мы, на примѣръ, живемъ подъ покровительствомъ великаго, всемогущаго и насъ любящаго Господа; слѣдовательно всѣхъ могущихъ произойти съ нами нещастій не будемъ имѣть причины такъ опасаться, какъ прочія; потому что будемъ уже въ безсомнѣнной надеждѣ, что сей Охранитель нашъ по любви своей къ намъ оныя непремѣнно отвратить не упуститъ, а по всемогущію своему отвратить можетъ, когда только по всевѣдѣнію своему предусмотритъ, что онѣ намъ существительной вредъ причинить могутъ. Вовторыхъ, въ разсужденіи будущаго своего пропитанія и щастія и нещастія освободимся вдругъ всѣхъ тѣхъ мучительныхъ и заблаговременныхъ

заботЪ, которыми мы такЪ сильно завсегда тревожимся и покой свой нарушаемЪ; но вѣрно будемЪ надѣяться и знать, что БогЪ постарается уже о томЪ, чтобЪ не были мы ни голодны, ни холодны, и имѣли все нужное, толькобЪ по приказанію Его трудились и работали, и мыслями своими слишкомЪ вдаль не залетали и не прихотничали, а оставляли дальнее на произволЪ Божеской. ВтретьихЪ, когда сдѣлается сЪ нами какое противное приключеніе, или очевидно насЪ угрожаетЪ, то можемЪ уже оное почитать произволеніемЪ БожескимЪ и притомЪ такЪ, на примѣрЪ, заключать: БогЪ обо мнѣ имѣетЪ попеченіе, меня любитЪ и знаетЪ, что для меня надобно, и что вредно и полезно; ничего же безЪ Его воли и попущенія не дѣлается, такЪ по этому и это нещастіе по Его волѣ со мною приключается, или приключилось. КогдажЪ по Его волѣ, такЪ что мнѣ много о томЪ говорить? ОнЪ знаетЪ уже, для чего на меня его насылаетЪ. Конечно для меня это надобно, только я того не

усма-

усматриваю, а имѣю только причину заключить, что вѣрно скрывается подъ тѣмъ какое нибудь Божеское полезное со мною намѣреніе, которое можетъ быть и самъ послѣ увижу и за то Его благодарить буду. Можетъ быть надобно то для моего исправленія, можетъ быть для иныхъ какихъ непредвидимыхъ мною причинъ. По крайней мѣрѣ знаю я, что происходитъ оно отъ той руки, которая меня любитъ и пользу мою совершенно знаетъ, и объ ней старается: такъ не должно ли мнѣ то сносить съ терпѣніемъ и лобызать десницу, меня наказующую? Впрочемъ имѣю ли я причину слишкомъ опасаться, чтобъ мнѣ нещастіе сіе великой вредъ причинило? Богъ не нашлетъ на меня болѣе, нежели я снесть могу, и самъ меня въ томъ подкрѣпитъ. Однимъ словомъ, буди Его со мною святая воля, и дѣлай Онъ со мною, что Ему угодно! . . . Симъ и подобнымъ сему образомъ заключая, можемъ мы на многія печали смотрѣть непоколебимымъ почти

 окомъ;

окомъ; а когда и наступятъ, то чувствовать зло отъ оныхъ гораздо меньше; до отчаяніяжъ никогда не дойдемъ, естьли только твердое и непоколебимое имѣть будемъ на сего всесильнаго Защитника упованіе.

Сего, надѣюсь, довольно будетъ для изъясненія сего правила; я болѣе наговорилъ, нежели самъ ожидалъ: теперь пойдемъ далѣе.

4.

Четвертое правило, наблюденіе котораго намъ много при печаляхъ и нещастіяхъ нашихъ вспомоществовать можетъ, есть слѣдующее:

Чего не можно намъ никакъ перемѣнить, то предпринимай съ терпѣніемъ сносить.

Правило сіе такъ ясно, что не для чего мнѣ на объясненіе онаго терять ни трудовъ, ни времени; чего ради упомяну только нѣсколько словъ о великой онаго важности.

Что

Что оно важно, что для насъ необходимо, и что во всѣхъ печаляхъ, каковыбъ онѣ ни были, намъ отъ наблюденія онаго великая польза происходить можетъ: то знали уже и всѣ древніе философы и учители. Никакое правило во всѣхъ ихъ нравоучительныхъ книгахъ не находимъ мы толь часто повторяемое и толь много выхваляемое, какъ сіе. И какъ основано оно на самой истиннѣ, то нравоучители и до скончанія свѣта тоже говорить и выхвалять будутъ.

Ежели прямо разсудить, то какъ первые имѣли, такъ и послѣдніе имѣть будутъ всегда величайшую причину внушать и напоминать сіе полезное правило человѣческому роду; ибо кому не извѣстно, коль много пользуетъ намъ великодушное терпѣніе въ нещастныхъ нашихъ случаяхъ, какъ подкрѣпляетъ наши силы и сколь непоколебимыми дѣлаемся мы чрезъ оное? Напротивъ того не всякому ли также извѣстно, коль безполезно все наше малодушіе въ такихъ случаяхъ,

 ког-

когда уже нещастіе совершилось, или совершенно неотвратимо? Что помогаютъ намъ всѣ наши жалобы, вздохи, гореваніе, грусть, печаль, тоска и досада, и иное ли что отъ того проистекаетъ, кромѣ того, что мы умножаемъ только тѣмъ зло, насъ и безъ того иногда довольно сильно угнѣтающее, пользы же ни малѣйшей отъ того не получаемъ? Не точной ли примѣръ представляемъ мы тѣмъ колодника, которой, будучи посаженъ въ тюрьму и скованъ въ цѣпи, отъ досады на свое заключеніе и желая освободиться, не сидитъ съ покоемъ, но цѣпи свои рветъ, тянетъ, бьетъ себя ими и уязвляетъ все свое тѣло? Скажите, освободится ли онъ чрезъ то, хотя бы всѣ себѣ кости цѣпями переломалъ? Не тщетная ли его въ семъ случаѣ будетъ ярость и бѣшенство, и не пріумножитъ ли онъ тѣмъ только жестокость своего прискорбія?

Не сталибъ ли мы въ семъ случаѣ глупости такого человѣка смѣять-

яться? Не сталибъ ли говорить: не съ ума ли сей человѣкъ сошелъ, что нещастіе свое пріумножаетъ? Можетъ ли ему уже это хоть мало пособить?... Но что сами мы дѣлаемъ? . . . Оглянемся только на себя, поистиннѣ увидимъ, что мы ничѣмъ не лучше сего заключеннаго, и столь же глупо, какъ и онъ, во время нашихъ нещастій съ собою поступаемъ. Мы сердимся, досадуемъ, надрываемъ свое сердце, плачемъ, вздыхаемъ, стенаемъ, жалуемся, ропщемъ, произносимъ клятвы, а иногда бьемся, колотимся, терзаемъ на себѣ волосы, кусаемъ губы, бьемъ себя въ груди, и другія подобныя тому нестройности дѣлаемъ, хотя тѣмъ не только ни на волосъ нещастія своего не уменьшаемъ, но паче пріумножаемъ только эло, насъ угнѣтающее, и будучи недовольны тѣмъ, которое и такъ уже есть, и такъ иногда довольно велико и тяжело, но хотимъ еще его вдвое, или втрое болѣе и мучительнѣе для себя сдѣлать. Скажите, на что походитъ сія поступка? Согласна ли она хоть

мало съ разумомъ, и не такая ли, которой бы мы сами со смѣху надсѣлись, естьлибъ можно было тогда намъ съ стороны и съ спокойнымъ духомъ на себя посмотрѣть?

Такъ, скажете вы, это мы довольно знаемъ и не можемъ въ томъ запереться, что мы дурно въ сихъ случаяхъ поступаемъ; но что дѣлать, когда жестокая горесть насъ до того доводитъ, и когда угнѣтающее иногда насъ зло такъ велико, что мы всего разсудка лишаемся и сами не знаемъ, что дѣлаемъ? Вѣрно такъ, и извиненіе наисправедливѣйшее. Однако скажите, государи кои, всѣ ли наши нещастія и бѣдствія такого рода, чтобъ могли, или долженствовали необходимо горесть нашу, сіе мучительное пристрастіе, до такого высокаго градуса воспалить, чтобъ мы всего употребленія своего разума лишились, но не большая ли часть такихъ, которыя по существу своему далеко бы того учинить были не въ состояніи, естьлибъ мы сами къ тому

му

му повода не подали и сами ему съ своей стороны въ томъ не способствовали? Не приводитъ ли иногда и гораздо сносная бѣда и самая бездѣлица насъ въ такоежъ дурачество, и не столько лижъ мы иногда о самой пустотѣ грустимъ и печалимся, какъ въ самой великой бѣдѣ и напасти? Скажите, не бываетъ ли сего часто со всѣми нами, и какое оправданіе принесемъ мы въ такомъ случаѣ?

Но сего еще не довольно: разсмотримъ поступки наши въ сихъ случаяхъ далѣе. Скажите, долго ли продолжается первое и великое стремленіе печали нашей, не ослабѣваетъ ли пламя оной съ каждою послѣдующею минутою и не начинаетъ ли уже само собою погасать? . . Я спрошу самихъ васъ, васъ, которые въ жизнь свою удары великихъ печалей принуждены бывали нѣсколько разъ надъ собою чувствовать: такъ ли жестока печаль ваша была въ послѣдующій часъ, какъ въ тотъ, въ которой вы впервыя то узнали, увидѣли, или

услышали, и когда васЪ она такЪ поразила, что вы безЪ памяти упали и лишились употребленія всѣхЪ душевныхЪ и тѣлесныхЪ чувствЪ своихЪ? Признайтесь чистосердечно, досужно ли тогда вамЪ было вымышлять жалобы и дѣлать многоразличныя изъявленія своей печали? Вѣрно нѣтЪ, и вѣрно вамЪ тогда не до того было; но вы не прежде кЪ тому приступали, какЪ уже вЪ то время, когда пламя печали вашей немного уже прогорѣло и потише сдѣлалось, и когда разумЪ и чувства ваши кЪ вамЪ возвратились, и вы могли ими опять дѣйствовать, и буде бы только хотѣли, то безЪ дальняго труда либо совсѣмЪ его погасить, или по крайней мѣрѣ часЪ отЪ часу болѣе уменьшить? Но то ли мы тогда дѣлаемЪ? АхЪ! нѣтЪ, совсѣмЪ тому противное. Мы досадуемЪ еще, для чего оно мало горѣло, для чего скоро погасло; мы разгребаемЪ жарЪ, льемЪ на него масло, поджигаемЪ соломою, бросаемЪ порохЪ и стараемся его, и ахЪ! что смѣшнѣе и нестройнѣе всего, иногда

сЪ

съ натугою и съ собственнымъ себя принужденiемъ воспалить оное сами опять. Признайтесь, не правду ли я говорю, и не точно ли то дѣлаемъ мы, возобновляя иногда печаль свою нѣсколько разъ на день, а особливо тогда, какъ случится кому вновь притти къ намъ для посѣщенiя? Куда мы тогда забродимъ и что дѣлаемъ?.. Къ чему такiя повторенiя, къ чему такiя новыя каждому о жестокости своей печали увѣренiя, и не постыдно ли въ такомъ случаѣ хотя малѣйшее притворство, или, лучше сказать, себя къ тому насильное принужденiе? Чѣмъ мы тогда щеголяемъ? Тѣмъ ли, чтобъ всѣ видѣли, какъ хорошо умѣемъ мы печалиться, какъ изрядно рваться и дѣлать удивительные жесты и тѣлодвиженiя, вымышлять толь уразительныя жалобы и оплакиванiя, и такъ далѣе? Странной поистиннѣ родъ щегольства! Чѣмъ бы намъ стыдиться надлежало, тѣмъ мы величаемся.

Въ-

Вѣдаю, что многіе въ семъ случаѣ подумаютъ, что де пустое говоритъ; какъ де намъ того не дѣлать? Свѣтъ на томъ уже основанъ, и иногда самая почти неволя велитъ сіе дѣлать. Не оказать когда хорошенько своей печали, то не скажутъ ли, что намъ того человѣка, на примѣръ, не жаль, что мы не любили его, или что нещастіе намъ нечувствительно было, и такъ далѣе? Но сіе еще того хуже... Разсмотримъ мимоходомъ сіе дѣло... Чтожъ думаете вы, развѣ тѣмъ совершенно отъ критики и переговоровъ избавитесь, что хорошенько попечалитесь? Обманываетесь, государи, вы еще болѣе ей себя подвергнете; вы обманете только тѣхъ, которые дѣйствія печалей изъ опытовъ не знаютъ; кто же ихъ знаетъ, тотъ тотчасъ скажетъ, что это уже притворство, какъ скоро вы завоете и причитать станете. Таковые скоро могутъ различить истинную печаль отъ ложной. По нещастію мастерство сіе намъ всѣмъ довольно знаемо, всѣ мы его работывали,

ли,

ли, и трудно уже всякаго провесть и обмануть въ семъ случаѣ. Когда же сіе такъ, то не сущихъ ли комедіянтовъ вы тогда представляете, и не то же ли дѣлаете, что они на театрѣ? О когдабъ уже вы по крайней мѣрѣ получали такуюжъ пользу, какъ они! но вы и того не получите. Тѣхъ по крайней мѣрѣ хвалятъ за то, что они умѣютъ хорошо печаль представлять; а васъ напротивъ того всякой осуждать только станетъ. И такъ для сего ли только одного намъ печаль свою возобновлять и тѣмъ самопроизвольно увеличивать жестокость зла, насъ поразившаго?

Но хорошо, когда бы при томъ одномъ только и оставалось, пускай бы мы такое малодушіе при однихъ только великихъ нещастіяхъ оказывали; пускай бы въ сихъ только случаяхъ отчасти по необходимости и безъ умысла, отчасти по другимъ какимъ нибудь побужденіямъ нѣсколько себя подурачили; пускай бы насъ до того наши пристрастія довели и

пу-

пускай бы это только въ первые дни нашей печали было: такъ бы уже и быть; но что скажемъ мы, когда, тѣмъ не удовольствуясь, мы цѣлыя недѣли, мѣсяцы и годы въ безполезныхъ такихъ вздохахъ, горестяхъ, печаляхъ, жалобахъ и клятвахъ иногда препровождаемъ? Что скажемъ мы, когда до того доходимъ, что и малѣйшее иногда и не только малѣйшее, но совсѣмъ ничтожное, состоящее въ одномъ воображенiи нашемъ и никакой важности не составляющее, но паче смѣха, нежели печали достойное, противное приключенiе перенесть безъ слезъ и превеликаго неудовольствiя не можемъ? .. Что скажемъ, когда насъ всякая бездѣлица въ печаль ввергаетъ, когда всякое лыко мы въ строку становимъ, и когда укушенiе комара мы столькожъ уважаемъ, какъ уязвленiе змѣи? Что скажемъ мы на сiе и сему подобное? Не должны ли мы истинно самихъ себя стыдиться и малодушiе свое осмѣхать? .. Скажите, государи мои, хрустальные ли мы, чтобъ ничему до насъ уже и не до-

прогu-

трогиваться? Творцы ли мы сему свѣту, чтобъ всему въ немъ по нашему дѣлаться? Властелины ли мы такіе, чтобъ не смѣло къ намъ ничто приближиться и касаться? Въ оковахъ ли у насъ сидитъ и рабомъ ли у насъ такъ называемое щастіе, чтобъ намъ однимъ служило? Салвогвардія ли, или охранительное письмо какое намъ дано, чтобъ никакое зло не смѣло до насъ касаться и духъ нашъ встревоживать? Отмѣнныя ли мы какія и изъ золота, а не изъ земли сдѣланныя созданія, чтобъ намъ только однимъ освобожденнымъ быть отъ всего того, что намъ неугодно? Право ли какое особливое имѣемъ мы того требовать, и мы ли наконецъ одни только ледяные, а другіе люди каменные, что намъ только однимъ не можно никакой теплоты перенесть, а другимъ можно? . . . Войдите, государи мои, сами въ себя и разсмотрите, тысячу причинъ найдете вы, могущихъ побудить васъ къ терпѣливому сношенію того, чего перемѣнить не можно. Ледъ, скольлкобъ ни досадовалъ на

на то, что лѣто приближается и онъ отъ солнца начинаетъ таять, но тѣмъ ни мало себѣ не поможетъ. Не смѣшноль бы было, естьлибъ онъ вздумалъ тогда съ досады въ теплую избу, или на печь итти, и не лучшель бы ему было убираться заблаговременно въ ледникъ и тамъ опять дожидаться свойственнаго себѣ градуса стужи? Сей примѣръ много походитъ на нашъ случай.

Но сколь ни удивительно то, что мы такъ слѣпо и грубо себя обманываемъ, предпринимая невозможное дѣлать возможнымъ и сдѣлавшіяся противныя приключенія возвратить своими жалобами, печалями, прискорбіями и неудовольствіями, но все бы было еще ничто, естьлибъ только при томъ одномъ и оставалось и не происходило намъ отъ того никаковаго инаго вреда, кромѣ только того, что мы тѣмъ себя немного подурачимъ и поприбавимъ тоски своей и печали. Не на кого бы въ семъ случаѣ инаго и пѣнять было, какъ только на самихъ себя.

себя, но жаль того, что есть еще гораздо важнѣйшій, гораздо существительнѣйшій вредъ, отъ того для насъ произходящій. Жаль того, говорю, что сіе наше дурачество, сіе произвольное нежеланіе своего здравія и покоя сопряжено еще съ другимъ наиужаснѣйшимъ и такимъ обстоятельствомъ, о которомъ и одно напоминаніе долженствовало бы насъ въ страхъ и трепетъ приводить. Скажите пожалуйте, государи мои, что иное суть наши жалобы, вздохи, гнѣвъ, досада и неудовольствіе въ нещастныхъ нашихъ случаяхъ, какъ не нѣкоторой родъ негодованія и роптанія? Но скажите, на кого негодуемъ и ропщемъ мы тогда, на кого сердимся, на кого досадуемъ и на кого и кому жалуемся? Осмѣлимся ли мы безъ трепета имя его назвать? Не на верьховнѣйшее ли, не на создавшее ли насъ и не на то ли всемогущее Существо, которое всемъ управляетъ, безъ котораго власти ни одинъ волосъ съ головы нашей пропасть не можетъ, и у котораго не только

наше имѣніе и достатокъ, но самая жизнь, душа и тѣло наше въ полной и совершеннѣйшей власти состояла, состоитъ и впредь состоять будетъ, и которое во всякое время съ нами то сдѣлать можетъ, что похочетъ? Однимъ словомъ, не на Бога ли, не на сего ли нашего великаго Господа и Владыку? Войдите сами въ себя, и опомнившись подумайте, что это вы дѣлаете. Ахъ! такая ли это бездѣлица, какою мы уже привыкли ее почитать? Но не составляетъ ли она величайшую на свѣтѣ важность? Собственной вашъ примѣръ изъяснитъ вамъ всю гнусность сего поступка.

Представьте себѣ, что вы милостивымъ, справедливымъ и разумнымъ господиномъ многихъ рабовъ и подданныхъ были, и объ нихъ во всякое время, какъ отецъ о дѣтяхъ, старались. Добродѣтель бы и долгъ вашъ побуждалъ васъ за ними всегда имѣть смотреніе и стараться не только того не допускать, чтобъ они вашимъ намѣреніямъ какого препятствія не

дѣлали, но чтобъ и другъ другу не вредили и не обижали, а не менѣе того и сами себѣ, впадая въ пороки и шалости, какого вреда не причиняли. Вообразите далѣе, чтобъ многіе изъ нихъ были непослушные, неблагодарные и негодные рабы, несоотвѣтствующіе ни въ чемъ вашимъ милостямъ, награжденіямъ, стараніямъ, любви, и однимъ словомъ, всѣмъ намѣреніямъ вашимъ, но старающіеся, впадая ежеминутно въ новыя шалости и пороки, не только самихъ себя вредить, но дѣлая пакости и другимъ своимъ товарищамъ, но всемъ домашнемъ порядкѣ подавать поводъ къ великимъ замѣшательствамъ и безпокойствамъ. Вообразивъ сіе, скажите теперь, не сталобъ ли ваше сердце снѣдаться о томъ отъ любви человѣколюбія и истиннаго сожалѣнія къ нимъ? Не часто ли принужденыбъ вы были для отвращенія всего того и для сохраненія порядка въ домѣ вашемъ многихъ, смотря по винѣ и по надобности обстоятельствъ, разными большими и малыми наказаніями

наказывать и тѣмъ какъ самихъ ихъ отучивать впередъ того не дѣлать, такъ и другимъ подавать поводъ того остерегаться? Теперь вообразите далѣе, чтобъ провинился которой нибудь рабъ изъ оныхъ и вамъ для вышеупомянутыхъ причинъ слѣдовалобъ его наказать какимъ нибудь родомъ наказанія, и чтобъ это такой былъ, котораго бъ вы много уже разъ уговаривали и милостиво увѣщавали, чтобъ онъ того не дѣлалъ. Положите далѣе, чтобъ вы безъ всякаго гнѣва, призвавъ его къ себѣ, стали ему выговаривать, для чего онъ презираетъ ваши повелѣнія, къ собственной пользѣ его и всего общества домашняго служащія, и скажите, чтобъ произошло, естьлибъ сталъ онъ запираться и упорно въ томъ стоять, что онъ либо того не дѣлалъ, либо что то не худо, а хорошо, не смотря на то, что вы и худобу дѣйствительно знаете? Не осердились либъ вы на него и не сказалибъ ли: „Ахъ, мошенникъ! смѣешь „ли ты еще запираться и насильно

„дѣ-

„дѣлать худое добрымъ и мнѣ то „еще сказывать? „. . . Положите далѣе, чтобъ рабъ тотъ не только сей выговоръ вашъ, или легчайшій родъ наказанія отъ васъ не принялъ охотно, и такъ, какъ надобно, въ винѣ бы своей не признался, не раскаялсябъ, не сталъ бы просить у васъ прощенія и не обѣщалъ бы впредь отъ того остерегаться, дабы тѣмъ побудить васъ къ дальнѣйшему терпѣнію и отпущенію вамъ вины своей, но вмѣсто того сдѣлалъ бы вамъ косую рожу: чтобъ вы тогда сдѣлали? Не умножилсябъ ли вашъ на него гнѣвъ и не ударилибъ ли вы за то его въ щеку? Положите далѣе, чтобъ и сіе не привело его въ чувство, но онъ осердившись замычалъ и заворчалъ бы себѣ что нибудь подъ носъ: не принудилоль бы васъ сіе поташкать его за то за волосы и прибавить еще оплеухъ нѣсколько? Но положите, чтобъ рабъ вашъ имѣлъ такое негодное и своенравное сердце, что и сіе бы его не тронуло и не принудило молчать, но онъ бы еще сталъ въ слухъ изъ-

являть негодованіе свое, для чего вы съ нимъ такъ несправедливо поступаете: скажите, не привелоль бы васъ сіе въ совершенное сердце, не кликнулибъ ли вы: плетей, и не сказалибъ ли: „Постой, мой другъ, я тебя заставлю „инымъ образомъ говорить и дамъ „тебѣ несправедливость, тебѣ меня „уже не выучить справедливѣйшимъ „быть, я и безъ того справедливъ.„ И дѣйствительнобъ его за то, хотя съ милостію, стали наказывать. Вообразите теперь, чтобъ и сіе негоднаго вашего раба не проняло, но онъ хотя бы и кричалъ въ то время, когда его сѣкли: батюшка помилуй, государь смилуйся, но на сердцѣбъ у него не то было, но не успѣлибъ перестать, какъ онъ сталъ бы изъявлять досаду свою киданіемъ и рваніемъ своего платья, кривляніемъ лица, мычаніемъ подъ носъ и ворчаніемъ самыхъ противнѣйшихъ словъ, отвращеніемъ отъ васъ лица, и такъ далѣе: не побудилоль бы васъ сіе еще болѣе на гнѣвъ? Не велѣлиль бы вы еще его положить, и когда онъ тѣмъ не-

недоволенъ, еще прибавить? Положите, чтобъ вы его еще стали сѣчь, но хотя и сіе его отъ злонравія не уняло и въ чувство не привело, однако вы для опасности, чтобъ его не умертвить, наконецъ сѣчь перестать принуждены были, и скажите, чтобъ произошло, естьлибъ сей бездѣльникъ еще и тѣмъ не унялся, но вышедъ вонъ, и нарочно въ слухъ, чтобъ вы могли слышать, сталъ всѣмъ товарищамъ и прохожимъ, знакомымъ и незнакомымъ людямъ, или не только людямъ, но самымъ безсловеснымъ вещамъ, стѣнамъ, вѣтру и всему жаловаться на свое нещастіе, обвинять васъ несправедливостію, напраснымъ и незаслуженнымъ наказаніемъ, оправлять себя невинностію, почитать себя нещастнымъ, укорять свой рокъ, проклинать день рожденія и такъ далѣе: помоглиль бы ему такія пустыя жалобы что нибудь, или нѣтъ? А вамъ пріятно ли, или непріятно былобъ это слышать? Не должны ли вы признаться, что жалобы его не только никакого облегченія, кромѣ

глупаго удовольствія своенравнаго сердца ему не принесутъ, но паче, приводя васъ на дальнѣйшій гнѣвъ, въ вящшее зло обратятся? Ибо какъ самое сіе составляетъ уже великую проступку, то коль скоро можетъ сіе преодолѣть вашу терпѣливость, возбудить на новой гнѣвъ и побудить къ дальнѣйшему его наказанію? Не случается ли часто, что мы такихъ непокорливыхъ рабовъ сажаемъ въ стулья, облагаемъ кандалами, моримъ голодомъ, отбрасываемъ отъ себя, лишаемъ ихъ тѣхъ преимуществъ, которыя имѣли они по милости нашей предъ другими, и употребляемъ всѣ средства къ тому, чтобъ привесть ихъ въ чувство и сдѣлать покорными, послушными и лучшими?

Вотъ примѣръ, могущій наияснѣйшимъ образомъ какъ вышеупомянутую, такъ и многія другія полезныя вамъ истинны истолковать, и доказать, и быть собственнымъ вашимъ учителемъ, и наставникомъ, и лучшимъ со-

вѣщ-

вѣтникомъ, и утѣшителемъ во всѣхъ вашихъ щасливыхъ и нещасливыхъ приключенiяхъ въ свѣтѣ! Рабами никто иные, какъ всѣ мы, а помянутой справедливой, милостивой, насъ любящiй и о исправленiи нашемъ и благополучiи пекущiйся Господинъ нашъ есть Богъ. Въ какомъ содержанiи находятся рабы противъ господина, въ такомъ мы противъ Бога. Какъ господинъ дѣлаетъ между рабами по заслугамъ и не по заслугамъ различiе и употребляетъ въ разныя должности и чины, и того туда на приказъ и въ такую должность посылаетъ и опредѣляетъ, въ какую кто способенъ и какого обстоятельства его деревни и состоянiе жителей требуютъ: такъ равно и Богъ раздаетъ намъ по своему премудрому усмотренiю и согласно съ концемъ благосостоянiя всего общества разныя наши состоянiя. Какъ рабъ не можетъ знать всѣ предпрiятiя и намѣренiя господина своего, и потому по одному наружному виду не может заключить, что худо, что хо-

рошо, что надобно и что не надобно, и всего скорѣе можетъ въ томъ, не провидя въ тонкость намѣренiй господина, ошибиться: такъ равно не можемъ и мы судить и рядить дѣла Господни, но будучи далеко не въ состоянiи проникнуть во всю связь Его экономiи, или домостроительства, то есть правленiя всемъ человѣческимъ обществомъ, имѣемъ причину увѣренными быть, что оно наипремудрѣйшее и совершеннѣйшее, и заключать можемъ сiе потому, что не смотря на всю нашу непокоривость, на всю нашу злость и на все своенравiе, находится оно толико тысячь лѣтъ, то есть съ самаго начала свѣта въ порядкѣ, и не разрушается, но во всякой Божiей деревнѣ, то есть государствѣ, примѣчаемъ мы хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ особливые, однако благоучрежденные порядки, споспѣшествующiе цѣлости оныхъ и непретерпѣвающiе отъ всего своенравiя нашего и дѣланiя помѣшательствъ дальняго нарушенiя. Разсуждая далѣе, найдемъ мы, что какъ мы

мы наказуемъ рабовъ своихъ сколько за проступки, стольножъ и для собственнаго ихъ исправленія, а не менѣе и для поданія тѣмъ другимъ поводу къ исправленію: такъ равно и Богъ наказуетъ иногда насъ и за наши вины и для исправленія насъ и другихъ человѣковъ. Наконецъ, какъ рабы не имѣютъ права негодовать во всемъ на хорошаго, разумнаго и милостиваго господина, и негодованіемъ своимъ не только ничего не произведутъ, но оное не инако, какъ противно быть можетъ ихъ господину и пріумножитъ вины ихъ: такъ равно не имѣемъ и мы права негодовать на Бога, и такимъ же образомъ и наше роптаніе и негодованіе не произведетъ намъ никакой пользы, и не инако быть можетъ, какъ противно Богу, и новую вину предъ Нимъ произведетъ. Однимъ словомъ, всѣ почти обстоятельства можно намъ приравнить, и разница только въ томъ состоитъ, что Богъ не такой господинъ, каковыми мы бываемъ, но безконечной, премудрой и такой, Котораго

раго никакая тварь не может обвинить самомалѣйшею несправедливостiю; также в том, что гнѣв Его не такого свойства, как наш, и не может Его доводить до неразумных и таких дѣл, какiя мы иногда в сердцах дѣлаем, но Божественной, справедливой, сопряженной с долготерпѣнiем и благостiю.

Однако не думайте, чтоб сiе обстоятельство мѣшало в тонкость приравнить вышеписанной примѣр к наказанiям Господним в случаѣ, когда мы, будучи от Него наказываемы, нетерпѣливостiю своею пред Ним грѣшить и к дальнѣйшему наказанiю себя Его побуждать можем. Правда, из вышеупомянутаго примѣра явствует, что раба мы для того болѣе наказывали, что гнѣв наш от упорства и негодованiя его от часу болѣе воспламенялся, чего Богу в самой точности приписать не можно; однако не позабудьтеж и того, что собственное того раба своенравiе и упорство само собою уже вину пред гос-

господиномъ дѣлаетъ и онъ за то достоинъ уже наказанія, и мы можемъ наказывать его и съ холодною кровію. Такимъ-то образомъ и о Богѣ заключать должно, съ тѣмъ особливымъ примѣчаніемъ, что Онъ безконечно справедливъ и никакую вину безъ наказанія оставить не можетъ. Чтожъ мы не тотчасъ за то умножительныя наказанія получаемъ, тому причиною безконечное Его благоутробіе, любовь и долготерпѣніе.

Изъ всего сего можете уже вы, любезные читатели, сами заключить, коль опасно гнѣвить намъ Бога малодушіемъ своимъ, роптаніемъ и жалобами при нашихъ нещастіяхъ, или наказаніяхъ, получаемыхъ отъ Бога. Мы щастливы еще и безконечно щастливы, что имѣемъ такого Господина, у котораго сердце не таково, какъ наше, и не можетъ воспаляться такимъ скоропостижнымъ и великимъ гнѣвомъ и яростію, какъ наше. Кудабъ годились мы, естьлибъ не имѣли долготерпѣливаго и такого Бога, кото-

которой насъ безконечно любитъ, сопрягаетъ наказанія свои съ милостію, не выходитъ никогда изъ предѣловъ, и къ исправленію нашему не столько наказаніями, сколько милостивыми только увѣщаваніями, легкими выговорами и благодѣяніями насъ побуждаетъ? Надобно ли намъ презирать такое Его благоутробіе, и руками и ногами оное отъ себя отпихивать?

Теперь судите сами, дорогіе читатели, пользу ли, или вредъ приноситъ намъ малодушное нещастій нашихъ сношеніе, и лучше ли намъ приносить тщетныя и пустыя, на когожъ? на Бога, кому? слабымъ и немощнымъ человѣкамъ, самымъ стѣнамъ и вѣтру, жалобы, и тѣмъ зло къ злу пріумножать, хотя бы того ничто не мѣшало намъ освободиться, или, послѣдуя сему правилу, съ терпѣніемъ сносить то, чего перемѣнить не можно? Подумайте, государи мои, сами, не лучшель бы и не полезнѣель для насъ былобъ, естьлибъ мы, въ нещастныхъ нашихъ случаяхъ великодушіемъ опол-

ополчаясь, оные безъ роптанія и негодованія сносить стали? Что изъ того последовалобъ, можете вы изъ того же примѣра заключить, которой я выше сообщилъ. Ибо представьте себѣ, что естьлибъ давишній провинившійся рабъ еще въ самомъ началѣ, когда господинъ его началъ ему за проступки его выговаривать, вмѣсто запирательства, мурчанья и дѣланія косой рожи, тотчасъ бы признался, палъ господину въ ноги и сказалъ: виноватъ, милостивый государь, и такъ виноватъ, что не смѣю на васъ взирать; много разъ вы не приказывали мнѣ этого дѣлать, но слабости мои къ тому меня побудили: отпустите мнѣ, или наказывайте, какъ угодно, впредь буду я усердно стараться того не дѣлать. Помогите мнѣ сами, милостивый государь, и дайте наставленіе, какъ мнѣ отъ того удалиться! . . . А когдабъ господинъ его за необходимое почелъ слегка его за то наказать, то во время наказанія сносилъ бы то терпѣливо, твердилъ бы только, что

онъ

онъ виноватъ и того достоинъ, и тотчасъ бы вскочивъ, поцѣловалъ у господина руку и съ радостнымъ лицемъ, а не съ негодованіемъ все то вытерпѣлъ: то не избавилсябъ ли онъ чрезъ то всѣхъ дальнѣйшихъ наказаній, и не претерпѣлъ либъ только такое, какое вина его заслужила; также не пріятналь бы господину была его поступка, не побужденъ либъ онъ могъ быть къ дальнѣйшему долготерпѣнію и къ любленію такого усердно и прямо раскаявающагося раба? Спросите теперь вашу совѣсть, послушайте, не шепчетъ ли она, что этому такъ воспослѣдовать надобно? Когдажъ такъ, то сравните себя теперь съ рабами, а Бога съ господиномъ, какъ увѣритесь уже вы, что тоже послѣдуетъ, когда вы въ нещастіяхъ и наказаніяхъ, получаемыхъ отъ Бога, такимъ же образомъ противъ Его поступите; ибо совѣсть наша ничто иное есть, какъ всегдашній напоминатель и толкователь воли Божеской намъ, и на нее можно какъ въ семъ, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ положиться. По-

Подобнымъ образомъ можете вы, дорогіе читатели, и въ другихъ случаяхъ заключать и всегда напоминать сіе сравненіе. Смотрите всегда на Бога и на себя съ сей стороны, почитайте, любите, усердствуйте и обходитесь съ Нимъ не инако, какъ съ Господиномъ, но притомъ такимъ, которой вкупѣ и Отецъ вашъ; почитайте себя дѣйствительно за Его рабовъ и подданныхъ, и не стыдитесь тѣмъ, что вы Его рабы и подданные. Не слѣдуйте въ семъ случаѣ высокопарнымъ умамъ, которыхъ нѣжному вкусу противно такое названіе. Не забудьте, что пылинкѣ непристойно высокомѣриться, а червяку предъ человѣкомъ превозноситься. Когда рабъ и знатнаго господина невѣдомо что о себѣ думаетъ: такъ намъ вѣрно уже не стыдно быть и называться рабами такого великаго и всемогущаго Господина, каковъ Богъ нашъ.

Ежели спросите наконецъ, какимъ же образомъ вамъ наиспособнѣе до-

доводить себя до сей добродѣтели; то есть терпѣливаго сношенія противныхъ нашихъ приключеній, то на сіе я вамъ въ короткихъ словахъ скажу, что нужно вамъ, все вышеупомянутое напомнивъ и попросивъ самаго Бога себѣ о помощи, принять твердое намѣреніе испытать въ томъ свои силы и самимъ себѣ сказать: отвѣдаемъ вправду сіе въ дѣйство произвесть, испытаемъ свои силы, не ужъ ли мы вправду восковые и ледяные и тотчасъ растаемъ? Не уже ли малодушнѣе всѣхъ прочихъ? Не стыдно ли намъ вправду дѣлать такой вздоръ и пустоту, и уже ли мы ни мало не въ состояніи себя преодолѣвать? Не испытавъ, что говорить? Семъ-ка отвѣдаемъ! и такъ далѣе.

Симъ образомъ когда въ предпріятіи себя утвердите, то повѣрьте, что самое сіе уже много васъ подкрѣпитъ и силу печалей вашихъ много попрать можетъ, а частое напоминаніе всѣхъ убѣдительныхъ причинъ и утѣшеній наконецъ и совсѣмъ,

всѣмъ, да и прежде, нежели вы думаете, васъ успокоитъ. Но сего уже довольно о семъ правилѣ: надобно поспѣшить мнѣ къ послѣднему.

5.

Пятое и послѣднее правило, наблюденіе котораго къ уменьшенію нашихъ прискорбностей много поспѣшествовать можетъ, есть слѣдующее:

Дѣлай неотвратимое зло средствомъ къ добру.

Сіе правило не столь толковито, какъ предслѣдующее; и потому уже требуетъ нѣкотораго объясненія.

Безконечная премудрость нашего великаго Создателя, предвидя наше паденіе и то слѣдствіе, что мы за то необходимо должны будемъ терпѣть и въ будущей и нынѣшней жизни различныя наказанія, не преминула съ своей стороны учинить все, что къ совершенному насъ отъ

того освобожденію служить можетъ, такъ что мы въ семъ пунктѣ никакой не можемъ приносить на нее жалобы. Пространно о семъ говорить не моя должность, да и не принадлежитъ сіе къ теперешнему намѣренію. Ученіе Христіянскаго закона можетъ всякому довольно изъяснить великую сію и важную истинну; а я только коснусь одного употребленнаго ею къ тому, весьма примѣчанія достойнаго и къ нашему предмету принадлежащаго средства, а имянно учрежденія самой натуры нашей такъ, чтобъ самыя претерпѣваемыя нами въ нынѣшнюю жизнь наказанія могли намъ служить въ пользу и предохранять насъ отъ множайшихъ, могущихъ впредь надъ нами воспослѣдовать наказаній, и тѣмъ поспѣшествовать намъ къ достиженію того неизреченнаго благополучія, которое намъ въ будущую жизнь получить можно. Однимъ словомъ, она сдѣлала уже напередъ такое въ душѣ нашей распоряженіе, чтобъ нещастія и противныя наши случаи и проистекающія

отъ

отъ того для насъ печали и прискорбія служили средствами къ нашему толь надобному исправленію, оставивъ впрочемъ намъ совершенной произволъ, похотимъ ли мы сему мановенію ея десницы слѣдовать и сими средствами пользоваться, или не пожелаемъ.

Сіе въ состояніи уже уничтожить всякое сомнѣніе, которое мы находить можемъ въ томъ общемъ и у всѣхъ затвержденномъ положеніи, что Богъ нещастія на насъ для исправленія нашего насылаетъ и любящимъ Его обращаетъ въ пользу; ибо изъ самаго сего источника проистекаютъ всѣ тѣ нещастныя намъ приключенія, въ разсужденіи которыхъ мы не въ состояніи бываемъ провидѣть и догадываться, какія бы могли намъ проистечь отъ нихъ наружныя, или вещественныя пользы, и отъ того грѣшимъ иногда, сомнѣваясь въ сей, Богомъ въ священномъ писаніи толь часто намъ подтверждаемой истиннѣ.

Чтобъ сiе далѣе изъяснить, то скажу, что помянутое учрежденiе состоитъ въ томъ, что всякая печаль и прискорбiе, чувствуемое нами при помянутыхъ наказанiяхъ, сама собою низлагаетъ пышность, или жестокость дѣйствiя нашихъ страстей, и уменьшаетъ ихъ до того, что разумъ нашъ и произволъ, находившiеся прежде въ великомъ отъ нихъ утѣсненiи, получаютъ тогда на нѣсколько времени свободу дѣйствовать всею своею силою. Первой тогда, такъ сказать, прочистится отъ того тумана, которымъ страсти наши его помрачаютъ, и сдѣлается внимательнымъ, отъ чего человѣкъ получаетъ тогда случай входить въ самаго себя и разсуждать о истинномъ себѣ добрѣ безпристрастно и усматривать всю суетность своихъ страстей и прихотей, научится собственнымъ вредомъ умнѣе впредь быть и ту необходимость познавать, что ему прямое благополучiе и блаженство души своей не въ свѣтѣ и не въ тѣхъ вещахъ искать надобно, въ которыхъ

онъ

онъ прежде, слѣдуя стремленію своихъ страстей, полагалъ, но въ себѣ и во внутренности души своей и въ приведеніи ее въ такое расположеніе противъ Бога, какое необходимо къ тому надобно, буде хотимъ мы нѣкогда быть и наслаждаться тѣмъ благополучіемъ, для котораго между прочимъ созданы; однимъ словомъ, познавать, что ему жизнь свою необходимо исправить и такъ расположить надобно, какъ тотъ главной конецъ требуетъ, на которой нынѣшняя наша жизнь назначена. Что касается до второй и той преимущественной силы души нашей, о которой я впереди много разъ подъ именемъ произвола упоминалъ, то она по причинѣ, что страсти и желанія тогда уменьшатся, находиться будетъ въ состояніи оныя преодолѣвать, естьлибъ только къ тому человѣкомъ была употребляема. И такъ зависитъ тогда отъ человѣка, пожелаетъ ли онъ симъ случаемъ и драгоцѣнными сими минутами пользоваться и совѣтамъ разума своего повиноваться и по-

помощію произвола не допускать уже впредь низложенным желаніям опять усилиться, или, пренебрегши сіе, дать волю оным опять притти в свое прежнее стремительство и связать разуму, так сказать, опять руки.

Что все вышеупомянутое основано на самой истинне, то доказывают нам опыты. Кому не извѣстно, в какой упадок духа приходим мы от всякой печали, а особливо когда она великовата и нас гораздо тронула? Не чувствуем ли мы сами, что тогда во внутренности души нашей происходит превеликая как в желаніях, так и мыслях перемѣна? Не оставляем ли мы тогда на нѣсколько времени всѣ свои прихоти и страсти? Не схороняться ли онѣ так далеко в глубину нашего сердца, что и слѣдов их почти не видно будет? Гдѣ дѣвается тогда наше честолюбіе, гдѣ гордость, гдѣ любострастіе, гдѣ роскошь со всем прибором своим, как нас какое нибудь нещастіе и печаль хороshенько

па-

поразитъ? Пойдутъ ли намъ тогда чины и знатныя достоинства на умъ? Помышляемъ ли мы уже о богатствахъ и сокровищахъ? Думаемъ ли о роскошахъ тѣлесныхъ? Напротивъ того не просвѣщается ли тогда весь разумъ нашъ, не приходитъ ли въ свое натуральное состояніе и не начинаемъ ли мы порядочно мыслить, о вещахъ здраво разсуждать и познавать, что доброе и что худое, а произволъ нашъ не въ совершенной ли силѣ своей тогда находится? Не становится ли сердце наше такъ гибко тогда, что мы, куда хотимъ гнуть, и что хотимъ, то изъ него дѣлать можемъ, на примѣръ: не напоминаетъ ли тогда самой невѣрной Бога, не покидаетъ ли на время все свое невѣріе и сомнительство, не принимаетъ ли къ Нему свое прибѣжище и не говоритъ ли: о Боже мой! Тебя я прогнѣвалъ? Не дѣлается ли лѣнивой прилѣжнымъ, не позыбываетъ ли нѣжной свою нѣгу, не бросаетъ ли роскошной свои роскоши, не презираетъ ли себя самолюбивой, не вы-

ходитъ ли интересъ у корыстолюбиваго изъ головы, не дѣлается ли вертопрашной степеннымъ, сердитой смирнымъ и вспыльчивой тихимъ? Не забываетъ ли мотъ щегольство свое, игрокъ карты, шпынь шутки, лакомой лакомство, сластолюбивой любодѣйство, пригожій пригожство? Не дѣлается ли любочестной кроткимъ, гордой низкимъ и смиреннымъ, скупой чивымъ, и такъ далѣе? Что иное все сіе доказываетъ, какъ не то, что разумъ нашъ истинную суетность всѣхъ сихъ худыхъ склонностей и желаній нашихъ усмотрѣть, а произволъ одолѣвать могъ быть въ состояніи? И поистиннѣ, не можно ли тогдашнее состояніе души сравнить съ раскаленнымъ желѣзомъ, въ которомъ всѣ бывшія крѣпкія до сего частички сдѣлались мягки и гибки и моглибъ молотомъ въ такую форму приведены быть, въ какуюбъ только захотѣлось?

Доказавъ теперь опытами сію истинну, скажу, что самая сія дѣлающая-

ющаяся въ душѣ нашей и продолжающаяся нѣсколько времени премѣна, какую впрочемъ и изъ доброй воли мы не скоро произвесть можемъ, есть та существительная польза, которую намъ наши нещастія и печали приносятъ. Намѣреніе Создателя нашего клонится къ тому, чтобъ мы такихъ удобныхъ случаевъ никогда изъ рукъ не упускали, но ковалибъ сіе желѣзо, покуда оно горячо и мягко, и не давалибъ ему мало помалу опять застывать и въ прежней своей формѣ оставаться. Надлежалоль бы намъ сему мановенію десницы Всевышняго слѣдовать и сими выгодами пользоваться, или нѣтъ, о томъ легко можно всякому разсудить. Я то только скажу, что у насъ всего меньше сіе дѣлать на умѣ; но напротивъ того мы до тѣхъ поръ только хороши, до тѣхъ поръ благоразсудительны, и до тѣхъ поръ и Бога помнимъ, и любимъ, и почитаемъ, покуда печаль наша мало помалу не ослабѣетъ; но какъ скоро она минется, то вдаемся опять во всѣ пороки и погрѣшности, и иногда

да еще пуще прежняго свирѣпствуемъ. Но тому уже не Богъ, а мы сами причиною; съ Его стороны учинено было все: Онъ разогналъ туманъ, которой прямую дорогу отъ очей нашихъ закрывалъ; просвѣтилъ на время ночь, въ которую мы путешествуя заблуждались, дабы мы могли увидѣть всѣ лежащія предъ собою мѣста и дороги, также и то, въ которой сторонѣ лежитъ храмъ нашего благополучія; указалъ намъ путь, туда прямо ведущій, и взведя насъ на оной, равно какъ еще разъ подтвердилъ, чтобъ мы имъ шли, и чтобъ лучше не сбиться, взялибъ съ собою факелъ, которой отъ Него данъ намъ уже прежде, то есть священное писаніе. Но Онъ ли виноватъ, когда мы, все сіе пренебрегши, опять въ сторону съ показанной и намъ скучною показавшейся дороги сходимъ и на прежнюю широкую возвращаемся и опять начинаемъ въ темнотѣ и ощупью бродить, то есть когда мы совѣтамъ просвѣщеннаго нашего тогда разума не будемъ слѣдовать, а освобожденнымъ произволомъ

ломъ дѣйствовать, но снявъ наложенную на страсти наши узду, опять скинемъ и дадимъ имъ совершенную волю, которыя не преминутъ тотчасъ притти опять въ прежнюю свою величину и своевольность и начать насъ по прежнему мыкать и носить, куда влечетъ собственно ихъ стремительство.

Но какъ все сіе справедливо, такъ напротивъ того и то нeложно, что не всѣ таковыя Божескія напоминанія и съ наказаніемъ за наши прежніе проступки сопрягаемыя намъ особливаго рода милости и выгоды остаются безъ всякаго дѣйствія. Кому не извѣстно, что есть многіе люди, которые ими не такъ пренебрегаютъ, какъ прочіе? Невидимъ ли мы изъ опытовъ разные тому примѣры? Нѣтъ ли людей, которые нещастіями и печалями на истинной путь обратились? Нѣтъ ли такихъ, которые чрезъ болѣзни и нещастія отъ многихъ пагубныхъ пороковъ освободились? Нѣтъ ли многихъ, которые, претерпѣвъ какое

кое нибудь нещастіе, во многомЪ жизнь свою исправили? Сколько пьяницЪ сдѣлалось чрезЪ сіе трезвыми, сколько мотовЪ постоянными, сколько роскошныхЪ воздержными, сколько нечестивыхЪ Христіянами, и такЪ далѣе? НаконецЪ не видимЪ ли многіе примѣры, что люди, не хотя добровольно добродѣтелямЪ слѣдовать, нещастіями почти по неволѣ отЪ зла кЪ добру приводятся? Сколько людей, болѣзнями лишившись своего здоровья, по неволѣ почти принуждены стали жить воздержно? Сколько иныхЪ, кои, нещастіями лишившись всего имѣнія, чести, богатства и всѣхЪ благЪ свѣтскихЪ, вкупѣ сЪ тѣмЪ почти по неволѣ освободились безмѣрнаго своего честолюбія и корыстолюбія, которое до того одними ихЪ идолами было, и неотмѣнно бы ихЪ погубило, и прочее тому подобное?

Все сіе не доказываетЪ ли премудрость БожескихЪ сЪ нами намѣреній, и не заставливаетЪ ли насЪ удивляться Его промысламЪ, толь ино-

иногда намъ непостижимымъ? Но при одномъ ли томъ надобно намъ оставаться? Не слѣдуетъ ли паче изъ всего того извлекать то важное для насъ правило, что намъ колико можно стараться надобно не упускать такихъ удобныхъ и самимъ Богомъ подаваемыхъ намъ случаевъ къ нашему исправленію, и колико въ силахъ нашихъ состоять будетъ, Ему въ томъ надлежащимъ и желаемымъ Имъ образомъ соотвѣтствовать?

Теперь пожелаютъ, можетъ быть, иные знать, какимъ образомъ намъ удобнѣе сіе въ дѣйство произвести можно. Я удовольствую ихъ желаніе, сказавъ, что все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ мы твердое намѣреніе приняли не упускать ни одного противнаго случая и приключенія, какое бы оно ни было, мало, или велико, безъ того, чтобъ напамятовавъ все вышеупомянутое, въ самихъ себя заглянувъ не посмотрѣть, не можемъ ли мы изъ того зла извлечь что нибудь доброе и намъ полезное, и говорить,

на примѣръ, такимъ образомъ: сей случай конечно остерегаетъ меня отъ какого нибудь порока, которому я до сего времени былъ подверженъ, или отъ какой нибудь пропасти, подлѣ которой я безъ осторожности хожу. Безъ пользы своей быть ему никакъ не можно; надобно мнѣ быть осторожну и осмотрѣться . . . . Когда послѣдуешь сему собственному своему совѣту, и разбирая въ тонкость нещастіе свое, по предписанію предслѣдующихъ правилъ пойдешь къ самому источнику твоей печали и прискорбія, то есть станешь изыскивать самое то желаніе, которому тогда противодѣйствуется: то не трудно тебѣ будетъ сыскать стезю, по которой тебѣ далѣе итти и по немногу добираться до того, отъ чего собственно тебя то нещастіе остерегаетъ. Ты найдешь либо многія, либо одно какое нибудь худое желаніе въ себѣ, которое исправленія и уменьшенія требуетъ. Послѣдуй сему и старайся впредь какъ можно его уменьшить. Тогдашнія чистыя мысли помогутъ тебѣ най-

ти множество побудительныхъ причинъ, которыя въ тебя къ тому охоту вложатъ. Ты воображай себѣ всѣ тѣ пользы, которыя тебѣ отъ того произойти могутъ, естьли ты сіе исполнишь, на примѣръ отъ какихъ нибудь худыхъ дѣлъ и пороковъ избавишься, или всю жизнь свою исправишь. Въ тебѣ произойдетъ чрезъ то надежда къ полученію оныхъ пользъ, а чрезъ нее можешь ты по силѣ предслѣдующихъ правилъ удовольствовать въ себѣ многія хорошія желанія, и тѣмъ сугубую отъ всего такого разсмотренія получить пользу: вопервыхъ, чрезъ удовольствованіе сихъ желаній надеждою, можно произвесть въ себѣ пріятное удовольствіе и увеселеніе; вовторыхъ, самая твоя печаль и настоящее зло принуждено будетъ само собою необходимо уменьшиться и тебѣ сдѣлаться споснѣе; потому что самое сіе усматриваніе и извлеченіе пользъ изъ нещастій принадлежитъ къ числу наизнатнѣйшихъ утѣшеній въ нашихъ нещастіяхъ.

Вотъ краткое и общее къ тому руководство и вкупѣ доказательство, почему правило сіе принадлежитъ къ числу уменьшающихъ великость нашихъ печалей и прискорбій. Послѣдуя сей тропѣ, можно всякому итти далѣе и самому заключать, какъ ему во всѣхъ особенныхъ случаяхъ изыскивать и усматривать сію пользу. Признаться надобно, что къ тому требуется немалое искусство и проворство мыслей; но къ чему не можно себя пріучить, буде только желаніе и охота будетъ?

Симъ окончу я изъясненіе сего правила и скажу, что могъ бы окончить тѣмъ и все сіе разсужденіе, естьлибъ не долженъ былъ еще читателю однимъ обѣщаніемъ, которое мнѣ надобно исполнить, а имянно: во всѣхъ объясненіяхъ предслѣдующихъ правилъ твердилъ я очень часто о утѣшеніяхъ отчасти подъ именемъ лѣкарствъ на душевныя наши раны, отчасти подъ именемъ орудій

и

и оружія противъ сихъ духовныхъ нашихъ непріятелей, то есть печалей и прискорбностей, и обѣщалъ сообщить о томъ ниже мое мнѣніе. Безсомнѣнно многіе читатели, сіе тогда замѣтивъ, можетъ быть нетерпѣливо того ожидали; ибо какъ при уменьшеніи зла, происходящаго намъ отъ противныхъ приключеній, наиболѣе все отъ употребленія хорошихъ утѣшеній зависитъ, а не всякой оныя удобно находить можетъ: то не льзя, чтобъ не сыскались многіе охотники, желающіе по крайней мѣрѣ вѣдать, какія генеральныя правила и средства можно употреблять для скорѣйшаго и удобнѣйшаго ими себя въ нужную пору снабдѣнія. И какъ сіе мѣсто почелъ я наиспособнѣйшимъ для удовольствія ихъ желанія, то и приступлю теперь къ оному.

О УТѢШЕНІЯХЪ.

Ежели спросятЪ меня, что такое собственно мы подЪ именемЪ утѢшеній разумѢемЪ, то скажу, что утѢшенія не иное что суть, какЪ умозрительныя помышленія, поставляемыя противЪ прискорбія для успокоенія нашего духа, или яснѢе сказать, мысленныя, или духовныя лѢкарства на душевныя наши раны и болѢзни; по которой причинѢ выше сего и сравнивалЪ я оныя сЪ обыкновенными лѢкарствами, которыми врачуются получаемыя на сраженіи раны. Сіе сравненіе очень удобно, и обстоятельства оныхЪ могутЪ во многихЪ случаяхЪ приравнены быть кЪ духовнымЪ лѢкарствамЪ. ИзЪ нижеслѢдующаго болѢе сіе усмотрено быть можетЪ, а имянно:

КакЪ вещественныя лѢкарства могутЪ быть не только сами собою весьма различныя, но и употребляемы при врачеваніи не одинакимЪ образомЪ, а такЪ, какЪ свойство, величи-

на и обстоятельства каждой раны требуютъ: такъ равно и утѣшенія могутъ также быть не только сами собою различныя, но и употребляемы нами разными манерами. Однимъ словомъ, они должны согласоваться съ разностію, состояніемъ, величиною и обстоятельствами нашихъ нещастій, противныхъ приключеній и происходящихъ отъ того намъ печалей, прискорбій и неудовольствій. Изъ сего легко можно всякому заключить, что естьлибъ подробно о всѣхъ родахъ утѣшеній и о разныхъ манерахъ ихъ употребленія говорить, то изъ одного того моглабъ составиться цѣлая книга; ибо натурально долженствовалобъ мнѣ пройти всѣ извѣстныя и обыкновенно съ нами случающіяся нещастныя и противныя приключенія, разбирать ихъ въ подробность, и говоря о каждомъ въ особливости, сказывать, чѣмъ, и какъ удобнѣе намъ себя въ ономъ утѣшать можно. Сіе доказываетъ вкупѣ, что мнѣ въ такое пространство теперь впуститься никакого

нѣтъ способа, да и читателю не можно того отъ меня требовать.

Однако какъ въ разсужденiи тѣлесныхъ ранъ и лѣкарствъ, не смотря на всю оныхъ разницу, могутъ всѣ лѣкарства на нѣсколько общихъ родовъ раздѣлены быть и состоять, на примѣръ: либо въ цѣлительныхъ спиртахъ, маслахъ, мазяхъ, порошкахъ, припаркахъ и пластыряхъ, которые въ раны вливаемы, всыпаемы, или къ нимъ прикладываемы быть, либо въ надобномъ осмотрѣ ранъ, разчищенiи, выниманiи пуль и косточекъ, отрѣзыванiи гнилыхъ, негодныхъ, или помертвѣлыхъ частицъ, и прочее тому подобное, на тотъ конецъ, чтобъ мази и пластыри могли лучшее имѣть дѣйствiе и рана не увеличилась, но изъ основанiя могла быть вылечена: такъ равно и духовныя лѣкарства могутъ на подобные тому два главныхъ сорта раздѣлены быть, и о сихъ можно уже мнѣ дать читателямъ моимъ краткое и общее понятiе.

Пер-

Первой сортъ духовныхъ лѣкарствъ можетъ сравненъ быть съ помянутымъ осматриваніемъ, разчищеніемъ, разгноиваніемъ нашихъ ранъ, съ выниманіемъ и отдѣленіемъ изъ нихъ ненадобныхъ и болѣе вредъ умножающихъ частей. Сего рода утѣшенія называются возразительныя, и состоятъ въ такихъ помышленіяхъ, которыя намъ доказать и насъ увѣрить могутъ, что зло, угнѣтающее насъ, совсѣмъ не истинное, а ложное, или такъ сказать, мнимое, или по крайней мѣрѣ что оно не такъ велико, какъ мы думаемъ.

Второй сортъ можетъ сравненъ быть собственно съ живительными лѣкарствами, какъ-то пластырями, мазями и порошками, которыми очищенныя части раны побуждаются скорѣе заживать. Сего рода утѣшенія называются возбудительными, и состоятъ вообще въ такихъ помышленіяхъ, которыя могутъ въ насъ возбудить одно, или многія хорошія и такія желанія, которыя наше прискорбіе побѣдить могутъ.

Легко можно заключить, что оба сїи рода утѣшенїй необходимо должны соединяемы быть вмѣстѣ, также что при употребленїи оныхъ, равно какъ при леченїи тѣлесныхъ ранъ, требуется отъ врача искусство, осторожность, неустрашимость, проворство и знанїе, а безъ того, особливо же въ случаѣ, когда рана ни порядочно не осмотрена, ни разчищена, а къ томужъ развратными лѣкарствами пользована будетъ, либо еще болѣе разтравится, либо лѣкарства малое и худое будутъ имѣть дѣйствїе; а отъ того самаго и бываетъ, что многимъ печальнымъ никакїя утѣщенїя не помогаютъ.

Идучи далѣе, находимъ мы, что какъ врачи при всемъ леченїи ранъ поступаютъ вообще по нѣкоторымъ общимъ правиламъ, такъ можно и намъ при леченїи душевныхъ нашихъ ранъ поступки свои учреждать по нѣкоторымъ общимъ правиламъ. Какїя сїи правила, о томъ много уже говорено выше сего въ семъ разсужденїи,

ніи, гдѣ вкупѣ и многія лѣкарства въ подробности описаны. Но какъ пунктъ, касающійся до леченія душевныхъ нашихъ ранъ, всего важнѣе, и наблюденіе надлежащаго при томъ порядка всего надобнѣе: то усердно бы желалъ я сообщить читателямъ моимъ подробнѣйшее ко всему тому наставленіе, равно какъ и описать имъ всѣ лѣкарства и утѣшенія. Но какъ сіе по упомянутымъ выше сего уже причинамъ завелобъ меня въ великое и сюда далеко неудобовмѣстимое пространство, то другаго не нахожу, какъ удовольствовать въ семъ случаѣ читателей отчасти и сколько предѣлы сего сочиненія дозволить могутъ, и для ближайшаго и лучшаго руководства, какимъ образомъ всякому въ случаяхъ печалей поступать, и что за чемъ при леченіи сихъ ранѣ предпринимать надобно, сообщить вкратцѣ наиглавнѣйшія изъ общихъ до обоихъ родовъ утѣшеній касающіяся правила, расположа ихъ такъ, чтобъ они показывали вкупѣ и тѣ слѣды, которыми идучи, всякомубъ

можно было самому при каждомъ случаѣ находить и составлять себѣ утѣшенія, и тѣмъ равно какъ самимъ для себя составлять и пріуготовлять духовныя лѣкарства, чѣмъ, надѣюсь, наградится уже по нуждѣ недостатокъ подробнѣйшихъ и всякой печали въ особливости свойственныхъ утѣшеній.

Общія правила въ разсужденіи возразительныхъ утѣшеній.

Итакъ, приступая теперь къ моему намѣренію, начну съ показанія, какимъ образомъ и порядкомъ намъ перваго рода лѣкарствами пользоваться, и читателямъ моимъ скажу, что естьли кто изъ нихъ хочетъ въ случаѣ какого нибудь нещастія, или противнаго случая, чувствуемую отъ того печаль и неудовольствіе свое скорѣе и колико можно уменьшить и возстановить въ душѣ своей опять миръ, тишину и спокойствіе, тотъ наблюдай слѣдующія правила, а особливо тѣ, которыя состоянію его неща-

щастія и печали будутъ свойственнѣе.

I.

Прежде всего и какъ можно скорѣе старайся разсмотрѣть нещастіе и печаль свою наитончайшимъ образомъ. — При семъ разсматриваніи не давай собою обладать предразсудкамъ, и не слушай отнюдь стремленій своего сердца; прогони мракъ и туманъ, помрачающій твои мысли, или душевныя очи; смотри и примѣчай, съ которой стороны сія пуля прилетѣла, подлинно ли она въ тебя попала и тебя глубоко и существительно поранила, въ какое собственно мѣсто, и не одно ли только вображеніе тебя обманываетъ, не пролетѣла ли она мимо тебя и не зацѣпилаль только платья, не сдѣлалаль только контузіи, или по крайней мѣрѣ не ранила ли, да не такъ сильно, какъ ты думалъ. Какимъ точно образомъ тебѣ сіе разсматривать и узнавать, о томъ не для чего мнѣ те-

шеперь пространно сказывать: изъ объясненія какъ перваго, такъ и прочихъ правилъ, находящихся въ семъ разсужденіи, равно какъ и изъ последующаго засимъ, можешь ты самъ многое, касающееся до сего общаго и предварительнаго пункта, усмотрѣть; а я то только скажу, что такое разсматриваніе тебѣ великую пользу принесетъ, и иногда одно въ состояніи будетъ прогнать всю печаль твою. Для лучшагожъ въ томъ успѣха привыкай въ сихъ случаяхъ мысленно выходить изъ самаго себя и смотрѣть на себя съ стороны и разсуждать, какъ о постороннемъ человѣкѣ. Сія особливая хитрость не только въ семъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ тебѣ великую пользу принесть можетъ; чего ради старайся заблаговременно сему искусству научиться. Какія вещи въ особливости тебѣ разсматривать, и что далѣе дѣлать, нижеслѣдующія подробнѣйшія правила покажутъ.

2.

Паче всего разсматривай безпристрастно, не лежитъ ли все зло, которымъ ты себя мучишь, въ единомъ только твоемъ воображеніи: то есть, нещастіе твое не сущая ли пустота и не такая ли вещь, которая ничтожностію назваться можетъ и тебѣ никакого существительнаго вреда не причиняетъ и причинить не можетъ. . . . Таковыхъ противныхъ случаевъ и досадъ, намъ неудовольствіе причиняющихъ, бываетъ съ нами очень много. Иногда мучимся мы самою небылицею, и о чемъ не удостовѣрены мы еще, сдѣлается ли то такъ, или не сдѣлается, а вѣримъ одному только слуху, обманщикамъ, клеветникамъ, поносителямъ, или только догадываемся, что такъ тому быть надобно, не разбирая ни мало, что мы въ томъ всего скорѣе обмануться можемъ. Ежели найдешь, что оно такое, или сему подобное, такъ сочти сіе мечтою, или что это одинъ только звукъ, а пуля, или ядро, мимо тебя пролетѣла: разсмѣй-

смѣйся самъ себѣ, что ты пустотѣ и самой мечтѣ далъ себя встревожить и такъ отъ того устрашился и мучишься. Встрепенись, такъ сказать, тогда, и въ слѣдъ пули посмотрѣвъ, скажи: „Тьфу какъ она меня испугала! я думалъ, что она въ меня попала, а „она только мимо ушей моихъ прожужжала; но слава Богу, что она „мимо пролетѣла, а я еще цѣлъ и „все тотъ же! Лети она себѣ, куда „хочетъ, что мнѣ о томъ прежде „времени безпокоиться?„ И такъ далѣе. Таковыя и сему подобныя мысли въ состояніи въ одинъ мигъ уничтожить печаль, отъ единаго воображенія происходящую.

3.

Разсматривай прилѣжно, не происходитъ ли вся твоя печаль, тоска, досада и неудовольствіе, единственно отъ того, что въ тебѣ одно, или многія какія негодныя желанія и прихоти не удовольствованы, или раздражены, и имъ противъ

тивное сдѣлалось. Ежели найдешь, что отъ того, то сравни себя съ такимъ человѣкомъ, которой бы, находясь на баталіи, бѣсился и досадовалъ, для чего непріятели отваживаются его бранить, его атаковать, по немъ стрѣлять, и для чего нейдутъ къ нему, не упадаютъ къ его ногамъ и не отдаются сами въ руки, и отъ досады бы ярился, сердился, терзалъ бы на себѣ платье, рвалъ волосы, кусалъ свои руки и члены, и далѣе симъ образомъ безумствовалъ, но что смѣшнѣе еще того, самъ бы на причиненныя собою себѣ раны и язвы и боль, проистекающую отъ того, жаловался; и какъ мы находимся тогда точно въ такомъ состояніи, то разсмѣйся самъ себѣ и скажи: „Не съ ума ли я сшелъ, „и что это я дѣлаю, кто тому виноватъ, что я за пустое сержусь и самъ „себя грызу? Вольно мнѣ яриться и бѣ„ситься и самаго себя мучить. Пре„сталъ бы я, когда этого хотѣть и тре„бовать, ничегобъ и не было. Вольно „мнѣ невѣдомо чего захотѣть и „того еще болѣе прихотничать: такъ

„не

„не всему же такъ и дѣлаться. Свѣтъ
„и обстоятельства онаго и распоряже-
„ніе оныхъ не въ моей еще власти; я
„не великъ еще бояринъ, чтобъ въ
„удовольствіе моихъ пустыхъ прихо-
„тей нарушиться всему порядку и то-
„му одному дѣлаться, чего бы мнѣ
„хотѣлось. Наполнилъ бы я сердце
„свое еще поболѣе такими пустыми
„желаніями и прихотьми, такъ и бо-
„лѣе бы еще печалей и досадъ на-
„жилъ, и онѣ готовыбъ меня во гробъ
„согнать, или съ ума свести.„ И
такъ далѣе. Таковыя и подобныя то-
му себѣ возраженія и самаго себя
осмѣянія не только въ состояніи очень
скоро прогнать досады и печали, къ
сему классу принадлежащія, но и на-
ставить насъ на лучшую тропу и
сдѣлать впредь осторожнѣйшими.

4.

Поразитъ тебя когда какое ни-
будь зло дѣйствительно, то смотри
и разбирай, не такое ли еще оно, ко-
торое не только ты самъ заслужилъ,
но

но оно къ великой и множайшей пользѣ служитъ, то есть, не самъ ли ты тому виноватъ, и не достоинъ ли того, чтобъ такое зло и нещастіе надъ тобою учинилось? Не подалъ ли самъ къ тому прежними своими поступками повода? . . . . Разсматривай себя въ семъ случаѣ безпристрастно, оставь на часокъ самолюбіе и не давай обманывать себя гнѣздящимся въ сердцѣ твоемъ и тебя о противномъ увѣрить старающимся страстямъ. И буде найдешь, что оно такое и ты самъ къ тому причину подалъ и виновенъ, и нещастіе къ твоей же впредь пользѣ служитъ: то сравни себя либо съ такимъ человѣкомъ, которой, на баталію вышедъ, изъ назначеннаго себѣ мѣста зашелъ бы туда, куда не надобно и гдѣ его тотчасъ убить, или въ полонъ взять могутъ, и что командиръ, увидѣвъ то, сталъ бы прогонять его на свое мѣсто палкою, какъ наказывая его за преступленіе, такъ остерегая отъ погибели и сохраняя, чтобъ онъ цѣлѣе былъ; либо съ рабомъ, котораго господинъ

за первое воровство и на тотъ конецъ наказываетъ, чтобъ онъ впредь отъ того исправился, и привыкнувъ къ сему ремеслу, не сдѣлалсябъ совсѣмъ негоднымъ и неспособнымъ къ той должности и чину, въ которой опредѣлить его было на умѣ у господина. Тогда, разсмѣявшись своему дурачеству, такъ, на примѣръ, самъ себѣ говори: „Не съ ума ли я сшелъ, что я „досадую, сержусь и грущу за то, что „мнѣ по неволѣ добро дѣлаютъ? Самъ „я забрелъ невѣдомо куда, и оскользнувшись полетѣлъ было уже въ ту „пропасть, подлѣ которой по неосторожности своей бродилъ и шатался. „И на то ли мнѣ досадовать, что „меня за руку схватили, и не допустя стремглавъ низринуться, вытащили? Великая бѣда! вытаскивая, повихнули немного руку, разбередили на ней чирей, разодрали и „замарали платье, и за неосторожность меня немного пожурили и „наказали. Но лучшель бы, когдабъ я „туда упалъ и погибъ на вѣки? Не „смѣшна ли поистиннѣ моя досада и „не-

„негодованіе? Кто тому виноватъ,
„что я въ такія опасныя мѣста за-
„брелъ, гдѣбъ мнѣ погибнуть было
„можно? Не долженъ ли я еще благо-
„дарить, что мнѣ благовременно вспо-
„моженіе учинили, и съ охотою еще
„снесть достойное и самому же мнѣ
„впредь въ осторожность дѣлаемое
„наказаніе? Уже ли захочу я дать
„надъ собою преимущество самопод-
„лѣйшимъ людямъ? И сіи сносятъ
„наказанія свои терпѣливо, когда увѣ-
„рены, что они ихъ заслужили; а я
„такъ малодушенъ, что сего снесть
„не могу. Уже ли похочу, чтобъ они
„меня въ семъ случаѣ были разумнѣе,
„великодушнѣе и разсудительнѣе?
„Нѣтъ, нѣтъ, опомнюсь, ободрюсь, не
„допущу сего, и учиню то, что мнѣ
„должно, то есть снесу нещастіе сіе
„съ терпѣніемъ и благодареніемъ.„
Симъ и подобнымъ сему образомъ раз-
суждая, скоро можно въ такомъ слу-
чаѣ самаго себя утѣшить и сдѣлать
печаль менѣе чувствительною.

5.

Въ случаѣ, когда нещастіе твое отъ злости и пороковъ другихъ людей произошло, то смотри, не злоба ли и досада на нихъ тебя терзаетъ и составляетъ наиболѣе печаль и неудовольствіе твое. Ежели такъ, ежели ты наиболѣе только тѣмъ мучишься и самъ себя крушишь, для чего люди такъ злы, такъ несправедливы, лукавы, хитры, обманчивы, злоковарны, безсовѣстны, вѣроломны, нечестивы и прочее тому подобное, и ежели тебѣ не столько причиненной ими тебѣ вредъ, сколько досада на нихъ чувствительна: то представь себѣ въ мысляхъ такого человѣка, которой бы не столько тужилъ и горевалъ о томъ, что волки, или другіе какіе хищные звѣри у него нѣсколько скота порѣзали и ему убытокъ причинили, сколько о томъ, для чего они такъ хищны, для чего стараются вкрадываться въ овчарни и въ стада, и похищать скотину, и которой бы отъ досады на нихъ все

рвалъ

рвалъ и металъ, проклиналъ свою жизнь и ругалъ ихъ всѣми клятвами. И какъ ты натурально разсмѣешься глупости такого человѣка, то, напомнивъ, что ты тогда тоже самое самъ дѣлаешь, разсмѣйся же и себѣ, и устыдясь своей поступки, скажи: „Изрядное дѣло! смѣюсь я тому, а „самъ что дѣлаю? Хочу, чтобъ люди „не были таковыми, каковыми они „уже родятся. Не того же ли я по„чти хочу, чтобъ волки свою при„роду позабыли, и овецъ и свиней „похищать перестали? Не на тоже „ли досадую, для чего они благонрав„нѣе не дѣлаются? Не сущая ли это „глупость, и можно ли мнѣ сіе уже „перемѣнить? Напротивъ того не „принадлежу ли и самъ я къ со„товариществу ихъ? Нѣтъ ли и во „мнѣ самомъ участка сей волчьей, или „инаго какого дикаго звѣря природы „и нрава? Не подаю ли повода и „самъ я многимъ на себя жаловаться „и досадовать и тѣмъ же себя об„винять, чѣмъ теперь я сихъ обви„няю? А когда такъ, то что мнѣ

„досадовать на то? Можетъ быть
„это платежъ мнѣ отъ другихъ та-
„коюжъ монетою, какою платилъ я
„нѣкогда ихъ товарищамъ. Не вы-
„ходитъ ли изъ сего то, что каково
„кликнулось, таково и отзывается, и
„что красны долги отдачею? Не луч-
„шель бы было, когда бы я по пу-
„стому не досадовалъ, а помышлялъ
„бы лучше о томъ, какъ бы мнѣ са-
„мому впредь подобнымъ сему голо-
„сомъ не кричать, чтобъ впредь не
„откликалось, и въ такіе долги не
„вплетаться.„ Симъ и подобнымъ се-
му образомъ надобно помышлять въ
нещастіяхъ сего рода, и тѣмъ ста-
раться себя утѣшать и уменьшать
великость зла, тогда претерпѣваемаго.

6.

Разсматривай прилѣжно, подлин-
но ли зло и нещастіе твое такъ ве-
лико, какъ ты думаешь. Обнажи,
такъ сказать, ту часть тѣла и по-
смотри, подлинная ли это рана, или
только контузія, и что тебя ранило,
ядро

ядро ли, или пуля, и такъ ли много, какъ тебѣ сперва показалось, и достойна ли она того, чтобъ о томъ такъ много говорить и тужить. Ежели найдешь, что она самая безделица и только тебя оцарапала, или небольшую контузію, или ранку сдѣлала, то подумай, пристало ли тебѣ такимъ воиномъ быть, которой не хотѣлъ бы уже и маленькой ранки на баталіи имѣть и съ великодушіемъ вытерпѣть, но отъ бездѣльной попавшей въ него дробинки, или царапинки, въ такое малодушіе и въ такой обморокъ входилъ, какъ отъ того, какъ бы ему ядромъ руку, или ногу оторвало? Или кстати ли тебѣ быть такимъ рабомъ, которой бы отъ господина ни одного браннаго слова, щелка, или заушины снесть терпѣливо не хотѣлъ, хотя бы заслужилъ гораздо величайшее наказаніе? Представивъ же все сіе, разсмѣйся, и самъ себя, равно какъ посторонняго человѣка, за руку схвативъ, скажи: „Стой, „стой, мой другъ! опомнися, что „ты это дѣлаешь и затѣваешь?...

„Ай! ай! постыдись по крайней мѣрѣ „самъ себя.... Вѣдь и стѣны тебѣ „смѣяться будутъ, что ты такъ „малодушенъ и какъ маленькой робе- „нокъ, или хуже еще старой бабы. „Вѣдь ты не хрустальной и отъ „этого вѣрно еще не разшибешься.„ И такъ далѣе.

7.

Смотри, не такое ли твое нещастіе и зло, которое недолго продолжается, но пресѣкается въ скоромъ времени. Буде найдешь, что оно такое и не долговременное, такъ приведи давишній примѣръ себѣ на умъ и представь себѣ, что это только такая контузія, которая хотя очень чувствительна, но по крайней мѣрѣ недолго продлится, и ты отъ нее скоро освобожденъ будешь. Какъ быть, что она уже сдѣлалась! Но не уже ли отъ того и съ ума сходить? Не уже ли ты такъ нѣженъ, что и короткое время не хочешь нужды потерпѣть? Сравни себя съ такимъ рабомъ,

бомъ, котораго господинъ въ ненастье куда нибудь въ дорогу посылаетъ, или въ холодную воду войти и рыбы половить велитъ, и самъ себѣ скажи: „Быть потерпѣть, когда миновать „не можно. Отъ сего еще я, какъ „ледъ отъ огня, не растаю. Не все „быть ведру и краснымъ и пріятнымъ днямъ: надобно когда нибудь „и дождю и тучѣ побывать. Но „слава Богу, что это не ненастье, а „тучка, и послѣ ее скоро опять проведрится и просіяетъ солнце! „Бѣда еще невелика, что я принужденъ теперь обмокнуть и озябнуть. „Говорится въ пословицѣ: которой „Богъ обмочилъ, тотъ и высушитъ: „такъ равно и мое нещастіе скоро „минуетъ и опять возстановится „благополучное время. Не уже ли „мнѣ столь глупу быть и дать надъ „собою рабамъ преимущество? И тѣ „иногда столь благоразумны, что ни „слова не сказавъ, ѣдутъ и идутъ, куда „господа ихъ посылаютъ, не разбирая „ни мало, хороша ли, или худа погода, и „пріятно ли, или непріятно, и госпо-

 „дамъ

„дамъ своимъ ни малѣйшаго знака не-„удовольствія не оказываютъ; а во „мнѣ не уже ли и столько разума „нѣтъ, какъ въ нихъ, чтобъ безъ до-„сады и съ терпѣніемъ перенесть то, „что мнѣ Богъ и мой великой Господь „повелѣваетъ, и не уже ли я глупѣе „ихъ и не могу разсудить, что роп-„таніе и негодованіе мое Ему крайнѣ „противно и неугодно будетъ?„ И такъ далѣе.

8.

Разсматривай, не такое ли это зло и нещастіе, которое легко истреблено, или отвращено быть можетъ, на примѣръ: не такое ли, котораго отвращеніе собственно отъ тебя и отъ твоего произволенія зависитъ, или не такое ли, которое употребленіемъ какихъ нибудь средствъ безъ дальнихъ трудовъ исправить, уменьшить, или совсѣмъ отвратить можно? и такъ далѣе. И естьли увидишь, что оно такое, то скажи ты самъ себѣ:„ Чтожъ я медлю и по пу-„стому

„стому время на жалобы и гореванье „трачу? Не тоже ли я буду, какъ та„кой человѣкъ на войнѣ, которой бы „сильнымъ непріятелемъ былъ атако„ванъ, и многіе способы имѣлъ отъ „него укрыться, или ретироваться „куда нибудь въ лучшее и безопаснѣй„шее мѣсто, но того не дѣлаетъ, а „потерявъ время на безполезныя жа„лобы и гореванія, попадается въ по„лонъ и терпитъ нещастіе? Или не „такой ли караульной, которой бы „могъ отъ трудныхъ и тяжелыхъ „часовъ избавиться, имѣвъ деньги, ко„торыми ему другаго вмѣсто себя „нанять и послать можно, но того „не дѣлаетъ.„ И такъ далѣе.

9.

Смотри, не такое ли твое зло и нещастіе, которое имѣетъ въ себѣ еще много пріятнаго и хорошаго, на примѣръ: не такое ли, которымъ ты хотя съ одной стороны какихъ нибудь выгодъ и увеселеній лишился, но съ другой получишь многія иныя и ими мо-

можешь пользоваться. Такихъ случаевъ бываетъ очень много, и мы видимъ примѣры, что многіе люди тѣмъ были послѣ чрезвычайно довольны и благодарили за то Бога, что прежде почитали себѣ великимъ нещастіемъ и не могли утѣшиться. И для того разсматривай прилѣжно все то, что хорошаго, полезнаго и пріятнаго можетъ сопряжено быть съ твоимъ нещастіемъ, и утѣшайся тѣмъ заблаговременно, представляя оныя себѣ въ мысляхъ и стараясь какъ можно болѣе сіи выгоды увеличивать.

10.

Разсматривай прилѣжно, не такого ли чего нибудь еще то зло и нещастіе тебя лишило, что въ самомъ дѣлѣ не твое собственно было, но кому нибудь другому принадлежало, а ты самъ себѣ только въ голову взялъ, что это твое собственное было. — Правило сіе великаго примѣчанія достойно, и утѣшеніе, происходящее отъ него, принадлежитъ къ наиважнѣйшимъ

шимъ утѣшеніямъ; почему оное въ особливости и уважать надобно. Ибо не смѣшноль бы было, естьлибъ рабъ сталъ досадовать и печалиться о томъ, что у него господинъ ливрею его взялъ и далъ бы ему хуждшую, когда она никогда ему не принадлежала, а была господская? Или не глупоаь бы поступилъ барабанщикъ на войнѣ, когдабъ отъ того съ ума сходить сталъ, что въ барабанъ его ядромъ попало и его испортило? Однако не должно думать, чтобъ подобнаго сему съ нами часто не случалось. Я осмѣлюсь утвердить, что большая часть нещастій нашихъ такого рода, что при оныхъ, исполняя сіе правило въ точности, великое утѣшеніе себѣ находить можно: дѣло только въ томъ состоитъ, чтобъ мы потонѣе мыслили и не на одно только смотрѣли, что у насъ предъ глазами, или какъ мы мыслить привыкли, но мысли свои немного подалѣе и повыше простирали. Тогда увидимъ мы скоро, что много такихъ чужихъ вещей есть, которыхъ о потеряніи мы

съ

съ ума сходимъ, и не лучше того воина поступаемъ, которой бы въ оселъ сталъ отъ того метаться, для чего та квартира сгорѣла, на которую онъ поставленъ былъ. Ибо ежели въ тонкость разсудить, то большая часть имѣній нашихъ не такого ли рода? Не имѣемъ ли многаго такого, чего сами никогда не пріобрѣтали, и что по особливому и отъ насъ ни мало не зависящему случаю намъ досталось, или, такъ сказать, на время только и на управленіе намъ дано? Всѣ наши наслѣдственныя имѣнія, которыя мы отъ отцовъ и сродниковъ получили, не такого ли рода? Принадлежалиль они намъ прежде рожденія нашего, и почемужъ бы они тотчасъ уже наши сдѣлались, какъ скоро мы родилися, когда и къ рожденію своему мы ни мало не способствовали и ни мало то отъ насъ не зависѣло, чтобъ родиться намъ точно отъ сихъ, а не отъ другихъ родителей? Слѣдовательно не имѣемъ мы и дальняго права называть его точно собственнымъ, и право наше не далѣе на нихъ про-

простирается, какъ солдата; поелику онъ квартиру можетъ называть своею собственною и въ томъ съ другими спорить. Не Богъ ли настоящій Хозяинъ всему нашему имѣнію, а мы не прикащикиль и не управителиль только Его, которымъ Онъ заблаго разсудилъ оное въ управленіе и до тѣхъ поръ только ввѣрить, покуда Ему угодно? Скажитежъ теперь, имѣетъ ли право прикащикъ досадовать и печалиться о томъ, когда господину его вздумается ту деревню продать, или кому нибудь иному отдать, надъ которою онъ имѣлъ только управительство? Ежели далѣе сею стезею пойдемъ и на всѣ вещи съ сей стороны и въ тонкость посмотримъ, то найдемъ, что не только наслѣдственныя имѣнія, но и все, что имѣемъ, да и самая нынѣшняя жизнь, какъ не отъ насъ зависящая и не въ нашей совершенной власти состоящая, не наша, а есть всему побольше насъ Хозяинъ, которой къ распоряженію, премѣнѣ, отнятію и окончанію оной тогда, когда Ему заблаго раз-

разсудится, побольше насъ имѣетъ права. Намъ же собственно принадлежатъ однѣ только добродѣтели и пороки, какъ такія вещи, которыя отъ произвола нашего зависятъ и нашими собственностями почесться могутъ. И о порокахъ ли тужить и горевать, когда мы ихъ какимъ нибудь случаемъ лишимся; но не лишеніе ли добродѣтелей есть одно то, что прямо нашимъ зломъ и того достойнымъ почесться можетъ, чтобъ намъ о томъ тужить и горевать? Вотъ источникъ, изъ котораго всякому и всегда наилучшія и скорѣйшія утѣшенія почерпать и ими печали свои уменьшать можно.

Сіи суть наиглавнѣйшія правила въ разсужденіи возразительныхъ утѣшеній, могущія всякому довольно уже показать, какимъ образомъ ему далѣе нещастія и печали свои разсматривать и симъ разсмотреніемъ пользоваться можно: теперь пойдемъ далѣе.

Общія

Общія правила въ разсужденіи возбудительныхъ утѣшеній.

Въ разсужденіи сего рода утѣшеній, какъ выше упомянуто, вся важность состоитъ въ возбужденіи и увеличиваніи одного, или многихъ какихъ нибудь добрыхъ желаній, которыябъ могли печали нашей быть противополагаемы, и чрезъ то сила и жестокость ея одолѣваема, а духъ въ прежнее спокойство приводимъ быть. Какимъ образомъ можно намъ желанія наши возбуждать, о томъ твержено выше сего уже довольно много, и читателю не можно уже быть безъизвѣстну, что сіе производится чрезъ посредство мыслей. И для того, не входя въ самую подробность, нужно мнѣ дать къ тому нѣкоторое хотя краткое руководство, или показать, какого рода при нещастныхъ случаяхъ должны быть способныя къ уменьшенію жестокости печалей и къ возбужденію нѣкоторыхъ надобныхъ желаній мысли. И я надѣюсь, что послѣдующія правила

въ состоянiи будутъ къ тому показать слѣдъ моимъ читателямъ.

II.

Въ случаѣ совершившихся нещастiй помышляй живо о неизбѣжности и неотвратимости того зла, или нещастiя, и сколь непристойно намъ малодушествуя хотѣть, чтобъ невозможное сдѣлалось возможнымъ. Когда нещастiе уже неотвратимо, когда оно уже сдѣлалось, когда ломоть отъ хлѣба отрѣзанъ, вода пролита, порохъ вспыхнулъ и слово изъ устъ нашихъ вылетѣло: то скажите пожалуйте, что уже намъ дѣлать? Не глупость ли будетъ, когда хотѣть обухъ плетью перебить, камень плавать заставить, отъ рѣки требовать, чтобъ она вверьхъ потекла, водабъ не мокра была, огонь не свѣтелъ и не горячъ, а свинецъ чтобъ не тяжелъ былъ? Не робячиться ли поистиннѣ мы будемъ, когда сего требовать, или усильно того добиваться предпринимать станемъ? Симъ образомъ

разомъ должно тогда думать, когда нещастіе невозвратимо, и какъ можно болѣе выдумывать и находить такихъ невозможныхъ примѣровъ, дабы тѣмъ какъ можно живѣе изобразить нестройность и глупость нашего требованія и хотѣнія; ибо чѣмъ живѣе станемъ мы стараться въ мысляхъ сами себя осмѣивать и одурачивать, тѣмъ болѣе увеличится въ душѣ нашей природное наше отвращеніе отъ всякой дурноты и нашего несовершенства, равно какъ возрастетъ главное стремленіе къ нашему совершенству и побудитъ насъ дѣлаться умнѣе, а чрезъ самое то уменьшитъ жестокость нашей печали. И для того не только выдумывай всѣ такія нескладицы, но самъ себѣ смѣйся, поднимай на смѣхъ, передражнивай, брани, называй язвительными именами; а ежели еще къ тому одну полезную хитрость присовокупить хочешь, то выди мыслями на минуту самъ изъ себя и посмотри съ стороны на тогдашнія свои дѣла и старанія; или вообрази себѣ, что ты видишь предъ

собою другаго какого человѣка, дѣлающаго которую нибудь изъ помянутыхъ нескладицъ, на примѣръ: приставливающаго отрѣзанной ломоть къ хлѣбу, старающагося подбирать пролитую воду на землѣ, сѣкущаго плетью обухъ, и такъ далѣе, и не только сіе дѣлающаго, но грустящаго, печалящагося и досадующаго на то, для чего не по его дѣлается: ломоть не пристаетъ, обухъ все еще цѣлъ, и такъ далѣе. Не разсмѣшилъ ли бы онъ тебя, естьлибъ ты засталъ его въ такомъ упражненіи? Не разсмѣялсябъ ли ты его глупости? Ежели всего того не довольно, то употреби, когда хочешь, еще одну хитрость: заставь при себѣ кого нибудь дѣлать подобную тому какую нескладицу, дабы ты видѣлъ, и этотъ бы примѣръ ежечасно приводилъ тебѣ на память собственное твое дурачество, и тебя на разумнѣйшія мысли наставляя, побуждалъ къ терпѣливому сношенію такого нещастія, которое уже совершилось и которое уничтожить и возвратить ты всѣми своими жалобами,

роп-

ропшаніями, слезами и вздохами не можешь.

12.

Помышляй, что не съ тобою однимъ въ свѣтѣ это сдѣлалось, а бываетъ то и со многими другими. — Не льзя довольно изобразить, какъ много помогаютъ намъ такія мысли въ нашихъ нещастіяхъ, и коль способны къ утѣшенію насъ въ горестяхъ и печаляхъ. Чего ради надобно какъ возможно мысль сію дѣлать въ себѣ живѣе, и помышлять, сколь много на свѣтѣ прежде было, нынѣ есть, и впредь будетъ такихъ людей, которые точно такоежъ нещастіе претерпѣвали, терпятъ и впредь претерпѣвать будутъ, и сколь много такихъ, которые все то съ терпѣніемъ сношивали и далеко такъ не малодушествовали, какъ ты. Напоминай всѣ извѣстные и знакомые тебѣ примѣры; думай, что и всѣ прочіе люди отъ такихъ же опасностей и нещастій не освобождены, но легко томужъ

 под-

подвержены быть могутъ. Всѣ такія мысли возбудятъ въ тебѣ нечувствительно многія нужныя желанія. Какія они, о томъ знать тебѣ нѣтъ нужды, а довольно, что они въ состояніи будутъ непримѣтно уменьшить печаль твою и довесть до того, что ты самъ себѣ скажешь: „Куда это я забрелъ? Не такой же „ли я человѣкъ, какъ они, и не тому „же ли всему подверженъ? Но что я „за выдачка, что за звѣрь, и что за „птица особливая, что хочу, чтобъ „того только со мною однимъ ни„когда не было? Развѣ прочіе люди „не такіежъ, какъ я? Развѣ всѣ они „меня хуже и изъ глины, а не изъ „земли сдѣланы? Нѣтъ ли напротивъ „того такихъ, которые въ тысячу „разъ и получше, и познатнѣе, и по„честнѣе меня, но со всѣмъ тѣмъ не „освобожденыжъ точно отъ такихъ „же нещастій, но часто самое тожъ и „надъ ними бываетъ? И мнѣ ли одному „такъ горду, такъ высокомысленну, „такъ глупу и неразсудительну быть, „чтобъ не хотѣть претерпѣть ни-

„ка-

„какого зла въ такую жизнь, кото-
„рая тѣмъ наполнена? Смѣшной по-
„истиннѣ я солдатъ, когда хочу
„быть на баталіи, и на оной по не-
„обходимости случиться, но хочу,
„чтобъ никакая пуля въ меня не по-
„падала и не ранила, а чтобъ толь-
„ко другіе тому подвержены были.
„Но чѣмъ я ихъ лучше, и кто мнѣ
„такое право далъ, чтобъ требовать
„предъ ними преимущества?„ И такъ
далѣе.

13.

Утѣщайся тѣмъ, что съ тобою
еще хуже того не сдѣлалось.„ Какъ быть!
„говори: вотъ пуля въ меня попала и
„руку у меня ранила, но слава Богу, что
„она попала еще въ руку, а къ томужъ
„на излетъ. Но, ну когдабъ она мимо
„руки да въ ногу меня трафила, не при-
„нужденъ либъ я былъ упасть, и тогда не
„могъ либъ растоптанъ быть лошадьми,
„или взятъ въ полонъ, или убитъ отъ
„непріятеля? Теперь слава Богу! я еще
„живъ и отдѣлался отъ теперешней

,,баталіи съ сносною раною, и нахо-
,,жусь еще спокоенъ въ лагерѣ. Что мнѣ
,,мѣшаетъ веселиться вмѣстѣ съ прочи-
,,ми о полученной побѣдѣ?... Истин-
,,но долженъ я благодарить Бога, что
,,такъ, а не инакъ еще сдѣлалось. Ну,
,,когдабъ пуля эта не въ руку и не
,,въ ногу, а куда нибудь подалѣе за-
,,летѣла! Ну, когдабъ въ грудь, когдабъ
,,въ животъ, или въ самое сердце, или
,,въ голову трафила! чтобъ со мною
,,тогда было?... Сію рану можно
,,еще, слава Богу! залечить; но, ну, ког-
,,дабъ ухо, когдабъ носъ у меня от-
,,стрѣлила сія пуля. Ну, когдабъ зубы
,,выбила, или въ глаза съ боку при-
,,шлась: куда бы я годился? не на вѣкъ
,,ли бы калекою пошелъ?.. Но ахъ!
,,сколь легко могло сіе со мною учи-
,,ниться! Требовалось и не доставало
,,очень немногаго: пулѣ стоило бы
,,только немного либо вверьхъ, либо
,,внизъ, либо на право, либо на лѣво
,,податься, какъ бы то уже соверши-
,,лось со мною. Благодарю Бога,
,,что тотъ, кто выстрѣлилъ, не такъ
,,ружье держалъ: ну, естьлибъ немного

,,въ

„въ иную сторону и ненарочно на-
„клонилъ, чтобъ со мною тогда бы-
„ло? ... Но что я говорю? Ну, ког-
„дабъ въ меня не пуля, но пушечная
„картечь попала; ну, когдабъ пушеч-
„ное ядро вмѣсто этой пульки тутъ
„летѣло и меня бы зацѣпило: гдѣбъ я уже
„былъ? Въ состояніиль бы я былъ такимъ
„образомъ растобарывать, какъ теперь
„говорю? ... Да, велика милость Го-
„сподня, что еще того со мною не
„сдѣлалось; а сколь легко могло сіе
„учиниться! Не видѣлъ ли я самъ, въ
„коль многихъ они попадали? Не вижу
„ли теперь цѣлое поле укрыто мерт-
„выми тѣлами? Не вижу ли безъ рукъ
„и безъ ногъ ползающихъ и стеня-
„щихъ? Не вижу ли изуродованныхъ со-
„всѣмъ? Не вижу ли самыхъ командировъ
„моихъ, самыхъ Генераловъ, самыхъ
„знатнѣйшихъ особъ, такоежъ бѣдствіе
„претерпѣвщихъ? Не вижу ли инаго безъ
„руки, инаго безъ ноги, а инаго въ
„числѣ побитыхъ? Но когда пули и яд-
„ры командировъ не разбираютъ, такъ
„что уже мнѣ маленькому человѣку го-
„ворить, и не стыдъ ли съ такимъ

„малодушїемъ сносить такую малую и „сносную рану, какую я имѣю?„... Симъ образомъ разсуждая и нещастїя и печали сравнивая съ пулями и ядрами, легко можно себя побудить къ терпѣливѣйшему сношенїю своей печали. Все искусство только въ томъ состоитъ, чтобъ не обращать мысленныя свои очи на тѣхъ, которые остались цѣлы и отъ того освободились, но на тѣхъ, которые претерпѣли еще чувствительнѣйшїя нещастїя. Воображай себѣ всѣ разныя и великїя нещастїя, бывающїя въ жизни надъ человѣкомъ. Помышляй, коль много нещастливѣйшихъ и такихъ людей было и теперь есть на свѣтѣ, которые съ неописанною радостїю готовыбъ были перемѣнить свое состоянїе на твое тогдашнее и охотно бы хотѣли быть на твоемъ мѣстѣ. Берегись помышлять, что они того достойнѣе и нещастїя свои сами заслужили: ты поистиннѣ ничѣмъ ихъ не лучше; а ежели въ тонкость наши поступки противъ Бога разобрать, то можетъ быть ты еще въ тысячу разъ мно-

гихъ

тихъ хуже и виновнѣе, и долженъ будешь признаться, что великая милость Господня, что ты не такъ жестоко еще наказанъ, какъ много винами своими заслужилъ. Сравни себя наконецъ съ такимъ провинившимся и множество проступокъ надѣлавшимъ и великую причину большаго наказанія ожидать имѣвшимъ рабомъ, которой полученіемъ легкаго и сноснаго наказанія за то отъ господина отдѣлалсябъ: съ какою радостію выходитъ онъ тогда отъ господина! Послѣдуй же его примѣру, и не употребляй во зло сію Господина твоего милость.

14.

Помышляй о тщетности всей твоей горести и печали, и что ты тѣмъ себѣ ничего не поможешь. Солдатъ сколькобъ ни печалился, ни досадовалъ, ни плакалъ, ни вздыхалъ о томъ, что его ранили, однако всею своею досадою истинно ни на волосъ себѣ не поможетъ; а надобно ему что нибудь иное

иное дѣлать, буде хочетъ чтобъ зло сіе меньше ему чувствовать: равно такъ и мы всѣми слезами, вздохами, печалію и тоскою своею ни на синь порохъ помочь себѣ не въ состояніи. Когдажъ такъ, то на чтожъ намъ въ такую пустоту углубляться и тщетно о томъ тужить, чего перемѣнить не можемъ, но паче не смѣемся ли мы и прочимъ, когда увидимъ, что они какую нибудь пустоту и совсѣмъ безполезное дѣло дѣлаютъ? На чтожъ хотимъ мы подражать имъ въ такомъ непохвальномъ дѣлѣ и произвольно впадать въ такой самими нами осуждаемой проступокъ? Когда мы въ прочихъ случаяхъ всѣ поступки и дѣла свои благоразумно учреждать обыкновеніе имѣемъ, то не уже ли этотъ одинъ пунктъ, въ которомъ мы глаза свои зажать и явную безполезность дѣла видѣть не хотимъ? Не уже ли въ насъ столько разума нѣтъ, чтобъ ее усмотрѣть, и столько силы, чтобъ себя преодолѣть и отъ такого неблагоразумія освободиться не могли? Малыя ли мы дѣти, и имъ ли

ли подражая, хотимъ о всякой бездѣлицѣ плакать и рыдать?

15.

Помышляй, сколь вредно для тебя тщетное твое малодушіе, и сколь полезно напротивъ того моглобъ быть мужественное нещастія твоего сношеніе.—Смотря съ сей стороны на себя, напоминай не только все то, что я выше о семъ пунктѣ при многихъ случаяхъ говорилъ, но и все то, что тебѣ въ жизнь твою о томъ слыхать, самому видѣть, или читать случалось. Воображай себѣ, на примѣръ, какое множество людей отъ неумѣренной печали, и не хотя себѣ въ семъ случаѣ сдѣлать для преодолѣнія оной никакого насилія, въ множайшія бѣды, напасти и нещастія впали. Сколько отъ печали здоровья потеряли, сколько въ ипохондрію, параличи, водяныя и другія тяжкія болѣзни впали, и самую смерть, можетъ быть еще далеко отъ нихъ отстоящую, насильно ближе къ себѣ при-

притянули!... Сколько головную боль на весь свой вѣкъ нажили, сколько глазъ потеряли, сколько грудью немощны сдѣлались, и сколько иныхъ такихъ долговременныхъ припадковъ получили! Далѣе, сколько такихъ людей на свѣтѣ было, которые, не хотя перенесть маленькаго и бездѣльнаго иногда досаждающаго имъ противнаго приключенія, но давъ волю своимъ пристрастіямъ, отъ того въ безчисленныя многія нещастія, бѣды и напасти пришли и гораздо къ чувствительнѣйшимъ печалямъ поводъ подали! Ежели всѣ наши нещастія въ тонкость разобрать и до самаго перваго ихъ источника изслѣдовать, то найдется, что большая часть оныхъ въ самомъ началѣ своемъ отъ самой бездѣлицы и отъ нехотѣнія нами малой какой обиды, или противнаго приключенія перенесть произошла, и весь послѣдующій потомъ великой и ужасной пожаръ ни отъ чего инаго, какъ отъ малой и такой искры сдѣлался, которую мы не примѣтивъ не погасили въ самомъ ея началѣ

чалѣ и тогда, когда намъ погасить ее ничегобъ еще не стоило. И такъ коль нужно намъ ловить сначала сію искру и не допускать ее до разгоренія! Не велитъ ли все сіе намъ употреблять въ семъ случаѣ возможнѣйшую предосторожность. Не думай, чтобъ однѣ только большія печали и нещастія такія вредныя слѣдствія приносили. Никакъ, и самыя малѣйшія прискорбности оставляютъ печальные слѣды въ нашемъ сердцѣ и тѣлѣ, и могутъ почтены быть иногда опасными искрами, производящими потомъ болѣзни. Вообразивъ все сіе какъ можно живѣе и довольно о всемъ вышеупомянутомъ помысливъ, ступай далѣе и воображай себѣ, какъ это похвально, какъ разумно и какъ славно, чтобъ быть въ нещастіяхъ терпѣливу и сносить оныя великодушно! Напомни, коль много прославился тѣмъ Сократъ, коль много Эпиктетъ, и другіе въ древнія и новыя времена разумные люди! Не пріобрѣлиль они тѣмъ безсмертную себѣ и истинную славу? Не

Не служатъ ли и по нынѣ намъ несравненными примѣрами и доказательствами, что человѣку нещастія свои терпѣливо сносить можно? Но когда язычники до сего совершенства достигнуть были въ состояніи, то не уже ли не можно намъ то сдѣлать, когда мы Христіяне и безчисленныя предъ ними имѣемъ въ томъ выгоды и способнѣйшія къ тому средства? Однимъ словомъ, ты самъ себя спроси: похулитъ ли тебя хотя одинъ разумной человѣкъ за то, что ты великодушно свои нещастія сносить будешь? Не одни ли глупцы тебя въ томъ критиковать будутъ? Но есть ли резонъ тебѣ въ угожденіе имъ самаго себя глупцомъ дѣлать, и для смѣшнаго угожденія имъ дѣлать противное своей истинной пользѣ, а что важнѣе всего, досаждать тѣмъ Тому, у Кого въ рукахъ и жизнь, и все щастіе, и нещастіе наше? Разберите теперь и войдите сами въ себя: вы увидите, что я правду говорю, и что намъ тысяча причинъ есть сносить нещастія свои терпѣливо, и стараться всегдаш-

тдашнимъ состояніемъ своимъ быть довольнымъ. Когдажъ такъ, то за чемъ дѣло стало? Не за однимъ ли только пріемомъ и началомъ?

16.

Напоминай, что тебѣ самой долгъ велитъ нещастія свои сносить терпѣливо и во время ихъ не малодушествовать. — О семъ пунктѣ не для чего мнѣ много говорить: слишкомъ довольно упоминалъ я о томъ впереди; и такъ скажу только немногое о семъ, а именно, что намъ и то великимъ утѣшеніемъ служить можетъ, когда вообразимъ себѣ, что намъ печали и прискорбія свои не простирать вдаль сама натура, сложеніе нашего тѣла, самой нашъ разумъ, самая польза и самой истинной интересъ, самое наше благополучіе, и наконецъ, и что всего важнѣе и всего болѣе уважаемо быть должно, самъ Богъ, самъ великой нашъ Производитель именно повелѣваетъ и обязуетъ должностью. О всѣхъ первыхъ довольно можно усмотрѣть изъ всего преслѣдующаго; а что касается до Бога, то кому не

извѣстно, какія точныя, коль частыя и какія подтвердительныя повелѣнія находимъ мы о томъ въ священномъ писаніи? Коль строго запрещается намъ излишнее малодушіе и коликою добродѣтелью изображается терпѣніе! Но скажите, государи мои, въ вѣкъ ли намъ почитать всѣ сіи повелѣнія и запрещенія бездѣлицами, въ вѣкъ ли намъ играть и шутить ими, какъ дѣтскими игрушками, въ вѣкъ ли намъ быть малыми дѣтьми и играть горячими угольками и обжигаться?... Будетъ ли когда нибудь этому конецъ? Или уже нѣтъ способа намъ никогда опамятоваться? Или уже мы вправду такъ всѣ ослабѣли, что ни къ чему не годимся, и столько уже силы не имѣемъ, чтобъ и разумъ свой принудить помыслить о томъ нѣсколько, что для насъ прямо вредно и что полезно, и поразсмотрѣть, не обманываетъ ли насъ въ семъ случаѣ кичливое наше сердце и заблуждшее воображеніе? Ахъ! мы скоро бы то нашли и узнали, что мы сами себя клеплемъ небылицею и далеко еще силь-

сильнѣе, нежели думаемъ, а не хотимъ только быть сильными. . . Подумай, любезной читатель, можешь ли ты судить о томъ, силенъ ли ты, или несиленъ, и сколько пудъ можешь поднять, когда во весь свой вѣкъ не случалось тебѣ отвѣдывать поднимать болѣе двухъ, или трехъ фунтовъ; отвѣдайте, такъ можетъ быть другое окажется, и вы сами своей силѣ удивитесь.

17.

Старайся напоминать все то, что та вещь, лишеніе которой тебя въ печаль приводитъ, имѣла въ себѣ худое и тебѣ непріятное. — Наблюденіе сего правила можетъ почесться особливою хитростію и искусствомъ, которымъ можно намъ по нуждѣ пользоваться въ случаѣ тяжкихъ нашихъ печалей; однако оно сопряжено должно быть съ тѣмъ условіемъ, чтобъ наблюденіе онаго не далѣе простиралось, какъ до ложныхъ благъ, которыхъ лишившись, мы въ жестокую печаль приходимъ. Въ существительныхъ же злахъ можетъ оно развѣ

только при началѣ нашихъ утѣшеній вмѣстѣ съ прочими употребляемо быть, а послѣ того будетъ не надобное и излишнее. Сія хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ намъ на ту вещь смотрѣть съ худой ея, а не съ хорошей стороны, и напоминать непріятности и противности ея, на примѣръ: Терентій домогалсябъ какого нибудь чина, но не получилъ; Антипъ же лишенъ бы былъ чина, въ которомъ до того находился, и оба бы они отъ того въ неудовольствіи находились. И такъ обоимъ имъ не надобно отнюдь воображать себѣ тѣ выгоды и пользы, съ какими тѣ чины сопряжены, но напротивъ того воображать и напоминать и сколько можно увеличивать все то, что бываетъ обыкновенно съ тѣмъ чиномъ труднаго, худаго и непріятнаго сопряжено. Второму же напоминать все то худое, какое онъ отъ того дѣйствительно претерпѣлъ, и говорить, на примѣръ, такимъ образомъ: „Вотъ то и то „было въ немъ худое, вотъ то да „то наводило мнѣ часто безпокой-

„ство

„ство и досаду, сіе да сіе было мнѣ „много разъ слишкомъ несносно!„ И такъ далѣе. Польза отъ того произойдетъ та, что чрезъ сіе нечувствительно въ мысляхъ нашихъ умалится цѣна онымъ лишеннымъ вещамъ и уменьшитъ на тотъ часъ наше объ нихъ сожалѣніе. Что сіе справедливо и что способъ сей къ уменьшенію жестокостей нашихъ печалей чрезвычайно дѣйствителенъ, о томъ читателей увѣрять за излишнее почитаю; потому что они мнѣ можетъ быть не повѣрятъ, хотя бы я сталъ подтверждать то собственными своими опытами; а лучше да соблаговолятъ они сами искуситься въ томъ собственными опытами, и тогда не сомнѣваюсь я, что они справедливость сего сами подтвердятъ и съ удовольствіемъ признаются, что всякая такая мысль въ одинъ мигъ низлагаетъ печаль нашу и облегчаетъ намъ невѣдомо какъ ея бремя.

18.

Въ случаяхъ, когда нещастіе, или противной случай отъ устроенія и

теченія натуры произошелъ, упрекай себя сущимъ неблагоразуміемъ твоей о томъ печали. Ибо какъ многія наши печали проистекаютъ отъ сего рода нещастій, то между прочимъ ничто такъ сильно оныя уменьшить не можетъ, какъ живое воображеніе всей той глупости и неблагоразумія, въ какое мы себя тогда, досадуя на тѣ приключенія, ввергаемъ. Вы сами разсудите, можетъ ли что глупѣе того быть, какъ тужить и досадовать, на примѣръ, на то, что градъ поле выбилъ, громовой ударъ въ домъ попалъ, или какую скотину убилъ, или что погода стоитъ не такая, какая намъ надобна, и прочее многое тому подобное? На кого мы въ семъ случаѣ жалуемся и чего требуемъ? Смѣшнаго поистиннѣ, а имянно того, для чего натура такое теченіе имѣетъ, какое ей велѣно; для чего часы идутъ, когда они заведены и исправны; для чего вода не вверьхъ, а внизъ течетъ; для чего имѣетъ она свойство отъ холода замерзать, а отъ теплоты ледъ таять; для чего часы тогда бьютъ, когда часъ дойдетъ, а не прежде;

для чего капелька воды во время дождя, или градинка во время града туда упадаетъ, куда ей по порядку упасть долженствовало и было способнѣе, а не туда, куда бы на примѣръ намъ хотѣлось, и такъ далѣе... Но, государи мои, когда вы таковы своенравны, такъ укажитежъ имъ, куда падать и какъ лучше имъ дѣйствовать; передѣлайте сіи часы по своему вкусу и разсудку, буде вы можете, и сдѣлайте въ нихъ получше устроеніе, когда у васъ столько искусства есть. Буде же не можете, будежъ не въ состояніи и одной пылинки сдѣлать, то молчитежъ ради Бога, схоронитесь съ своими затѣями, критиками и мудрованіями; вы истинно тѣмъ не только ничего перемѣнить не можете, но приводите себя въ посмѣяніе всей твари. Каждая бы травинка, каждая бы песчинка стала васъ на смѣхъ поднимать, естьлибъ говорить умѣла. Не лучшель бы было, когдабъ вы, не будучи въ состояніи не только сами лучше учредить, но и въ сдѣланное учрежденіе проникнуть,

кнуть, охотно все то принимали, и цѣловалибъ ту руку, которая на васъ чрезъ посредство онаго насылаетъ толь очевидно свои наказанія?

19.

Помышляй, что нещастіе твое произошло по волѣ, или по попущенію Божескому. Не льзя довольно изобразить, коль великую пользу можетъ намъ приносить наблюденіе сего правила, а особливо когда въ самой своей точности будетъ наблюдаемо, а не такъ, какъ мы оное наблюдать обыкновеніе имѣемъ; ибо естьли прямо разобрать, то выдетъ наконецъ то, что все наблюденіе онаго у насъ въ одномъ только прочитываніи, или только въ пустыхъ словахъ состоитъ, съ которыми никакихъ мыслей мы не сопрягаемъ, отъ самаго чего и не получаемъ той пользы, какую оно принесть намъ въ состояніи. Не слова одни пустыя къ тому надобны, но требуются мысли, и мысли сколько можно живѣйшія. Тутъ надобно не другимъ это сказывать и твердить, что Божеская на

то

то была воля, Божеское соизволеніе, но надобно безсомнѣнно во внутренности сердца своего въ томъ и удостовѣреннымъ быть, что это не инако, какъ по волѣ Божеской произошло; и потому слѣдующимъ, на примѣръ, образомъ съ самимъ собою говорить: „Когда я въ томъ удосто„вѣренъ, что все по волѣ, либо по по„пущенію Божескому дѣлается, и ког„да я не сомнѣваюсь въ томъ, что и „одинъ волосъ съ головы моей безъ „Его воли пропасть не можетъ; ког„да мнѣ сіе не только вся натура „кричитъ, но и самъ Богъ сказываетъ „и обмануть меня въ семъ случаѣ не „можетъ: такъ не долженъ ли я за„ключить, что и сіе мое нещастіе по „Его волѣ со мною приключилось? Ко„гда же это такъ и безсомнѣнно, „такъ что же это я дѣлаю? Не по„грѣшаю ли я тѣмъ, что грущу, пла„чу, досадую, рвусь и жалобы тво„рю? ...Что это иное значитъ, какъ „не то, что я изъявляю неудовольствіе „и досаду на то, для чего это такъ „сдѣлалось и для чего не учинилось по

„моему желанію? Но кому приношу
„это я жалобы и на кого досадую?
„Не на тоголь, у котораго вся жизнь
„моя въ рукахъ, которой управляетъ
„всемъ небомъ и землею, и котораго
„по учрежденію все на свѣтѣ происхо-
„дитъ, и предъ которымъ я такъ
„малъ, какъ нуль предъ миліономъ? Но
„сіи жалобы мои, сіи досады, сіи
„неудовольствія, иное ли что суть,
„какъ не нѣкоторой родъ обвиненій и
„упреканій, что Онъ со мною неспра-
„ведливо поступилъ; что Ему не такъ
„бы дѣлать надлежало; что Ему у ме-
„ня совѣта спросить бы долженство-
„вало? Но что иное выдетъ изъ сего,
„какъ не то, что я обвиняю Его не-
„справедливостію и неразуміемъ, и
„могу ли я сіе безъ трепета выгово-
„рить? ... Противъ кого осмѣливаюсь
„я это дѣлать? Противъ своего ли
„брата, противъ начальникалъ какого
„нибудь земнаго, которой такой же
„человѣкъ, какъ я?... Но не противъ
„такого ли великаго Существа, кото-
„рое такую власть имѣетъ надо мною,
„что въ сей часъ, въ сію минуту и
„пра-

„праха бы моего найти было не мож-
„но, естьлибъ Онъ едино только сло-
„во выговорить похотѣлъ? Не дол-
„женъ ли я внутреннѣ содрогаться отъ
„помышленія такого? Кто меня такъ
„предъ Нимъ превозвысилъ и кто мнѣ
„такую власть далъ, чтобъ мнѣ отъ
„Него отчета въ дѣлахъ Его требо-
„вать можно было? Кто поставилъ
„меня надъ Нимъ судьею, и Онъ ли
„моимъ, или я Его судьею быть дол-
„женъ? Онъ ли мнѣ долженъ указы-
„вать, что дѣлать, или я Ему, и мо-
„жноль мнѣ предписывать Ему законы?...
„Поистиннѣ ужасомъ долженъ духъ
„мой поражаться, когда помышлю о
„семъ и воображу, въ какое безуміе
„и безуміе непростительное впадаю я
„ропшаніемъ своимъ и негодованіемъ!...
„Но вотъ мое сердце опять мнѣ не
„то говоритъ: оно влечетъ меня отъ
„сихъ помышленій..... Но стой!...
„куда ты меня преклоняешь, негод-
„ное? ... Знаю, что тебѣ это не лю-
„бо; но какъ быть, любо ли, не любо,
„но это правда, и болѣе, нежели пра-
„вда! ... Теперь это я самъ вижу, и
„ты

„ты меня не обманешь; поговоримъ
„еще болѣе. . . . „

Симъ и подобнымъ сему образомъ должно намъ говорить самимъ съ собою во время нашихъ печалей и нещастій; а къ вящшему приведенію себя въ чувство и для нагнанія на себя полезнаго ужаса должно то и дѣло воображать себѣ Божеское вездѣсущіе. Не льзя довольно изобразить, въ какой трепетъ и коль скоро на другія мысли притти мы можемъ, когда живо вообразимъ себѣ близкое присутствіе того великаго Существа, того Бога, съ которымъ мы вышеупомянутымъ образомъ судимся, и котораго жалобами своими несправедливостію обвиняемъ. Не успѣемъ мы себя твердо и живо увѣрить, что Онъ подлѣ насъ и слова наши слышитъ, и не только насъ, но и помышленія наши видитъ, какъ ужасъ проникнетъ во всѣ кости наши, а сердце придетъ въ содроганіе. И тогда вѣрно уже мы другое заговоримъ и скоро признаемся, что судиться съ Нимъ съ лица на лице намъ такимъ пылинкамъ и ничтожностямъ очень дурновато; но паче скоро дойдетъ

детъ до того, что мы упадемъ къ Его стопамъ и будемъ просить помилованія.

20.

Наконецъ возлагай печалъ твою на Господа, и увѣряй себя живѣйшимъ образомъ, что Онъ тебя не оставитъ. Какія выгоды для насъ имѣетъ упованіе на Бога, о томъ я впереди пространно упоминалъ; а теперь только то скажу, что это лѣкарство должно быть и первое и послѣднее; съ него должны мы начинать и имъ всегда оканчивать, и поистиннѣ можно сказать, что это наидрагоцѣннѣйшій балзамъ для всѣхъ ранъ нашей души и ея прискорбій. Надежда на всемогущую помощь нашего Бога, упованіе на Него, какъ на Отца, и Отца такого, которой насъ любитъ, ищетъ нашей истинной пользы, отводитъ насъ отъ всякихъ заблужденій, старается возвесть на истинной путь, не желаетъ нашей пагубы, не наказываетъ насъ инако, какъ по необходимости и для нашей же пользы, и не болѣе, сколько мы

снесть

снесть можемъ, и далеко не столь много, сколько мы того достойны, и наконецъ такого Отца, которой однимъ своимъ словомъ насъ изъ глубины пропасти и со дна морскаго вынуть и опять на берегъ посадить и безчисленными милостями насъ осыпать можетъ, и не только можетъ, но и вѣрно то сдѣлать похочетъ и сдѣлаетъ, когда то намъ полезно и мы того достойны будемъ; надежда, говорю, на такого Бога въ состояніи уже утѣшить насъ и во время наижесточайшихъ печалей... Однако признаться надобно, что сему много предслѣдовать надобно. Сей балзамъ дѣйствуетъ только тогда въ полной своей силѣ, когда рана наша уже довольно очищена и вся лишняя гниль, сукровица и гной чрезъ наблюденіе предслѣдующихъ правилъ изъ нее вынута будетъ. Тогда-то можемъ мы уже вливать въ нее сіе цѣлительное лѣкарство и ожидать скораго и вѣрнаго изцѣленія! А безъ того хотя и можетъ оно дѣйствовать, однако не таково сильно и хорошо, и рана можетъ

под-

подвержена быть все еще опасности опять разболѣться. Кромѣ сего сопряжено съ симъ балзамомъ еще и другое обстоятельство: ему надобно быть чистому и ничѣмъ инымъ не подмѣшанному; ибо всякая примѣсь можетъ уже много отнимать у него силы и сдѣлать его не столь дѣйствительнымъ. Я разумѣю подъ симъ, что упованію нашему надобно быть чистому и совершенному, и что намъ надобно печаль свою совершенно и безъ всякаго изъятія возвергнуть на Господа, то есть препоручить Его десницѣ, и твердо о томъ увѣреннымъ быть, что Онъ насъ не оставитъ и учинитъ все надобное и возможное. Однимъ словомъ, чтобъ мы твердо и безсомнѣнно въ томъ Ему повѣрили, когда Онъ намъ говоритъ: призови мя въ день скорби твоея, и изму тя, и прославиши мя. О сколь утѣшителенъ для насъ съ сей стороны законъ Бога нашего! И какого сокровища лишаются тѣ, которые Ему либо не вѣрятъ, либо не стараются слѣдовать Его предписаніямъ! Какого сокровища, говорю, лишаетесь вы, ненавистники добродѣтель-

ной

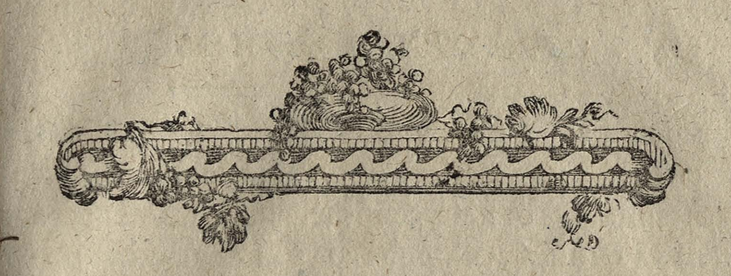
ной жизни и обожающіе только пороки! Хотя не мой долгъ приводить мѣста изъ священнаго писанія, однако не могу, чтобъ не привесть сюда послѣдующихъ за вышеупомянутыми толь утѣшительными для добродѣтельныхъ словами; ибо когда не слова слабаго человѣка, такъ может быть слова, сказанныя нѣкогда самимъ Производителемъ нашимъ, убѣдятъ нѣкоторыхъ притти самихъ въ себя и получше о своей пользѣ подумать и опомниться. Послушайте вы, исповѣдающіе законъ одними только устами своими, что и вамъ самъ Творецъ вашъ тотчасъ послѣ вышеупомянутыхъ утѣшительныхъ словъ говоритъ: грѣшнику же рече Богъ: вскую ты повѣдаеши оправданія моя, и восприемлеши завѣтъ мой усты твоими; ты же возненавидѣлъ еси наказаніе, и отвергъ еси словеса моя вспять? Аще видѣлъ еси татя, текъ еси съ нимъ, и съ прелюбодѣемъ участіе твое полагалъ еси. Уста твоя умножиша злобу, и языкъ твой сплеташе льщеніе. Сѣдя на брата твоего клеве-

клеветалъ еси, и на сына матери твоея полагалъ еси соблазнъ. Сія сотворилъ еси; (азъ) умолчахъ: вознепщевалъ еси беззаконнѣ, яко буду тебѣ подобенъ. Обличу тя и представлю предъ лицемъ твоимъ грѣхи твоя. — Разумѣйте убо сія забывающія Бога, да не когда похититъ и не будетъ избавляяй. — Жертва хвалы прославитъ мя и тамо путь, имъ же явлю спасеніе мое (*).

(*) Я сожалѣю, что сіи толь великаго уваженія достойныя слова, по привычкѣ нашей слышать ихъ почти ежедневно въ читаемыхъ Псалмахъ, такъ сдѣлались намъ обыкновенны, что мы ихъ ни малымъ вниманіемъ не удостоиваемъ, но пуская мимо ушей, всего меньше уважаемъ. Я говорю сіе для того, что можетъ быть и ты, любезной читатель, зная ихъ по наслышкѣ наизусть, пробѣгъ ихъ и здѣсь скороговоромъ и только сказалъ: да! это я знаю: это изъ Псалтыри. . . . Остановитесь, государь мой, прочтите ихъ еще разъ со вниманіемъ и примѣтьте какъ всю связь оныхъ, такъ и значеніе каждаго слова по одиначкѣ. Каждое изъ нихъ великой важности и требуетъ нашего размышленія; а помысливъ, что это Богъ говорилъ и что слова Его не уважать дурно, не отдѣлывайтесь однимъ только тѣмъ, чтобъ сказать: ахъ! . . . а болѣе ничего.

Вотъ все, любезной читатель, что могъ я на сей случай сказать вамъ о правилахъ, которыя должно намъ наблюдать при снискиваніи себѣ утѣшеній. Правда, мнѣ можно бы еще къ числу сихъ присовокупить нѣсколько другихъ, но мнѣ казалось, что и сихъ будетъ довольно. Можно и сими уже пользоваться при всякихъ родахъ случающихся намъ нещастій и бываемыхъ отъ того горестей, печалей и неудовольствій. И довольно, когда и сіи заблаго разсудится кому затвердить въ память, и ими, равно какъ лѣкарствами, запастись для нечаянныхъ случаевъ. Впрочемъ сіе полагаетъ вкупѣ предѣлъ и всему разсужденію моему о средствахъ къ уменьшенію прискорбностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ почти и всей книгѣ; ибо мнѣ осталось теперь присовокупить только ко всему предслѣдующему послѣднее разсужденіе о должностяхъ, которыми обязаны мы въ разсужденіи веселій и неудовольствій нашихъ, и тѣмъ окончить сіе сочиненіе.

РАЗ-

Разсужденіе последнее

О предосторожностяхъ при исканіи благополучія, и о другихъ нужныхъ вещахъ.

Итакъ сказалъ я теперь вамъ, дорогой читатель, все, что былъ намѣренъ. Вы видѣли и узнали, въ чемъ состоитъ истинное благополучіе; могли сами заключить, до какого градуса намъ въ разсужденіи онаго достигнуть можно, и видѣли всѣ средства, которыми его пріобрѣтать удобнѣе. Однимъ словомъ, теперь то кушанье, о которомъ я въ предисловіи моемъ упомянулъ, совсѣмъ уже готово и предъ васъ поставлено, и вы не только его отвѣдали и можете о сладости, или противности, также о совершенствахъ, или несовершенствахъ онаго судить, какъ вамъ угодно но

можете уже усмотрѣть и всѣ тѣ специи, изъ какихъ оно составлено, и потому о искусствѣ того доктора заключить, котораго предписания полагалъ я приуготовлению онаго основаниемъ.

Ежели вы, дорогой читатель, сами ученый врачъ, то есть философъ, и нашли въ семъ кушаньѣ такия специи, которыя вамъ незнакомы, и съ перваго вида вамъ сомнительными и съ правилами вашего искусства несогласными показались; или, лучше сказать, нашли въ сей книгѣ многое съ мнѣниями и философическими вашими правилами не согласующееся: то пожалуйте освободите меня отъ дальнихъ взысканий и требования въ томъ отчета. Вы легко можете заключить, что самыя правила, которыя я предлагалъ, не дозволятъ мнѣ входить съ вами въ философические споры и терпѣть всѣ происходящия отъ того слѣдствия. Спокойствие мое мнѣ дороже, нежели чтобъ согласился я подавать самъ къ нарушению онаго

даль-

дальніе поводы; и потому вЪ семЪ случаѢ не гораздо меня раззадорить можете. А естьли есть у васЪ охота вЪ томЪ любомудрствовать, то обратитесь кЪ самому источнику, то есть кЪ тому доктору, или философу, котораго системѢ я во всемЪ сочиненіи семЪ слѢдовалЪ; онЪ можетЪ быть еще живЪ, и можетЪ вамЪ желаемой отчетЪ дать, для чего онЪ особливою, а не такою методою лечитЪ, какую вы за лучшую почитать издавна уже привыкли. А хотябЪ уже и вЪ числѢ мертвыхЪ находился, такЪ остался онЪ не безЪ наслѢдниковЪ и такихЪ учениковЪ, которые мнѢніе учителя своего довольно защитить и на всѢ ваши возраженія по желанію вашему отвѢтствовать могутЪ. Слава, пріобрѢтенная имЪ вЪ свѢтѢ, и основательность его системы вЪ состояніи была многихЪ лишить прежнихЪ ихЪ предразсудковЪ, и протереть мысленныя ихЪ очи для сдѢланія ихЪ способными усматривать недостатки прежнихЪ системЪ, и охотными кЪ подражанію сей новой и по

мнѣнію ихъ съ истинною болѣе согласующейся, или по крайней мѣрѣ не столь великой вредъ въ свѣтѣ причинить могущей, какъ прежнія. Естьлижъ вамъ то неугодно и вы въ такую даль пуститься не похотите: то прочтите напередъ всю его систему, вникните во всю связь и глубину оной, прочтите всѣ дѣланныя ей возраженія и на нихъ отвѣты, и тогда уже о семъ моемъ сочиненіи разсуждайте. Я увѣренъ, что вы тогда не таковы будете жестоки; и естьли безпристрастно все разсмотрите, то сами другія мысли можетъ быть получите. А по сему сочиненію можно ли вамъ что заключать? Я не писалъ въ немъ всю цѣпь философической системы, а только пользовался однимъ звеномъ оной, да и то безъ всякихъ философическихъ доказательствъ; потому что я писалъ не для философовъ, а для простыхъ и не такъ много ученыхъ людей, и имѣлъ предметомъ себѣ одно нравоученіе. Будежъ хотите, чтобъ я вамъ всю оную систему изъяснилъ, то признаюсь, что

я не такъ въ сей философіи силенъ, чтобъ могъ желаніе ваше совершенно удовольствовать; а довольствовался тѣмъ, что мнѣ основанія оной по случаю сдѣлались нѣсколько извѣстны и меня освободили отъ многихъ предразсудковъ, которыми я, слѣдуя напередъ инымъ системамъ, зараженъ былъ, и отъ того существительную и многія другія практическія получилъ себѣ пользы. Все сіе не допуститъ меня входить съ вами въ дальнія ученыя хлопоты, и вы тщетное предпримете дѣло, когда къ тому меня побуждать станете. Я оставлю васъ съ покоемъ любомудрствовать по желанію, и буду утѣшаться тѣмъ увѣреніемъ моей совѣсти, что у меня ничего худаго на умѣ не было, а я предпріялъ все сіе дѣло для одной только пользы любезныхъ моихъ сочеловѣковъ.

Но сего для васъ будетъ довольно... Извините меня вы, прочіе дорогіе читатели, которымъ говоренное мною теперь не очень понятно, что

я васъ затрудилъ такою непріятною вамъ безтолковицею. Это дѣло не до васъ, а до господъ ученыхъ касается; вы же всего того не вѣдаете, да и вѣдать вамъ никакой дальней нужды нѣтъ, какія происхожденія идутъ и бываютъ въ ученомъ свѣтѣ. Чтожъ касается до васъ, то вы смотрите только на пользу и не скоро вѣрьте тѣмъ, которые вздумалибъ, на примѣръ, васъ увѣрять, что въ сей книгѣ не наблюдаемы были правила философическія во всемъ ихъ пространствѣ, и говорено все вздорное и съ оными несогласное, и тѣмъ отвращать васъ, чтобъ вы кушанья сего не кушали и имъ не пользовались. Но будьте увѣрены, что это отъ того происходитъ, что таковымъ господамъ можетъ быть совсѣмъ неизвѣстна та новая и славная философія, которая предъ недавнымъ временемъ въ свѣтѣ проявилась, и совсѣмъ не согласна съ мнѣніями той, какая вошла въ наше отечество; въ самомъ же дѣлѣ къ истинной пользѣ человѣческаго рода служитъ. А что она дурна, или не

не дурна, то вы можете по тѣмъ слѣдствiямъ заключить, какiя отъ обѣихъ сихъ философiй происходятъ. Отъ прежней происходитъ то, что ежели человѣкъ, не удовольствуясь тѣмъ, что онъ отъ учителя слышитъ, захочетъ самъ далѣе мыслить и любомудрствовать, то очень легко можетъ съ пути сбиться и сдѣлаться Деистомъ, или впасть въ сомнѣнiе о Христiянскомъ законѣ, которое нещастiе въ самомъ дѣлѣ очень со многими случилось, и отъ того самаго и видимъ мы толь многихъ противниковъ Христiянскаго закона; также и ту пословицу слышимъ: что кто прямо философъ, тотъ уже худой Христiянинъ. Напротивъ того послѣдующiй сей новой, хотя также, какъ и та, ни мало до Христiянскаго закона не касающейся философiи, не можетъ быть подверженъ такому бѣдствiю, но чѣмъ болѣе въ оную вникать будетъ, тѣмъ вѣроятнѣе сдѣлается ему откровеннѣе слово Божiе, и тѣмъ болѣе получитъ онъ побужденiя почитать оное въ надлежащей его святости, и чрезъ то, такъ

сказать, необходимо долженъ будетъ сдѣлаться Христіяниномъ. Сіе самое и меня въ томъ оправдитъ, для чего я въ иныхъ мѣстахъ моего сочиненія не только ссылался, но и приводилъ нѣкоторыя слова изъ священнаго писанія; ибо мнѣ разсудилось: для чего мнѣ того не сдѣлать, когда оное не противно ученіямъ моей философіи, но паче собою ученіямъ оной великое подкрѣпленіе сдѣлать можетъ? Но полно о семъ, а надобно мнѣ съ вами еще объ одномъ дѣльцѣ поговорить, и тѣмъ окончить мою книгу.

Кушанье предъ васъ поставлено, дорогіе читатели, теперь зависитъ отъ васъ, угодно ли вамъ будетъ оное кушать и имъ пользоваться, или неугодно. Въ послѣднемъ случаѣ не остается мнѣ съ вами ничего болѣе говорить. Чтожъ касается до перваго, то есть когда оно вамъ полюбилось и вы захотите его кушать: то долгъ мой, какъ повара, велитъ васъ предостеречь отъ одной погрѣшности, въ которую вы очень легко

впасть

впастъ можете, и на ухо вамъ шепнуть, чтобъ вы кушали его порядочно, а не берибердою, и отъѣдывали всѣхъ спецiевъ, изъ которыхъ оно составлено, а не такъ, чтобъ ѣсть только одни, а другiя оставлять. Паче же всего не надобно вамъ слишкомъ его обкушиваться, и самимъ отъ себя иныхъ приправъ не прибавливать. Я говорю сiе для того, что можетъ быть иныя вещи вамъ слишкомъ полюбятся: такъ боюсь, чтобъ вы не вздумали сами отъ себя прибавлять въ него какихъ нибудь приправъ и тѣмъ, по мнѣнiю своему, сдѣлать для себя его вкуснѣйшимъ. Вы легко можете въ томъ ошибиться, и либо слишкомъ пересолить, либо переквасить, и тѣмъ все дѣло испортить; ибо тогда не только не получите себѣ никакой пользы, но паче вредъ себѣ причините.

Знаю, что вамъ сiе непонятно, и для того надобно мнѣ вамъ необходимо сiю загадку истолковать. Вотъ что я чрезъ сiе разумѣю:

Вы

Вы напомните, надѣюсь, что я существо благополучія полагалъ въ веселіи, и разныя степени онаго сдѣлалъ состоящими въ разныхъ количествахъ нашихъ увеселеній и неудовольствій, и выводилъ слѣдствіе, что тотъ человѣкъ будетъ тѣмъ благополучнѣе, чѣмъ болѣе можетъ онъ умножать свои увеселенія, а уменьшать свои прискорбности и неудовольствія. Знаю, что многимъ сей пунктъ, къ благополучію ведущій, покажется пріятнымъ, и найдутся такіе, которые охотно захотятъ оному слѣдовать. Но какъ на семъ пути находятся многіе по сторонамъ рвы, а на дорогѣ камни, о которые всего скорѣе отъ поспѣшности и неосмотрительности можно споткнуться, упасть и зашибить либо руку, либо ногу, и камни сіи не отъ меня, но отъ натуры уже положены, и сверьхъ того легко статься можетъ, что вы сами себѣ оныя впередъ на дорогу накидаете: то жаль мнѣ будетъ, когда вы отъ неосторожности такому нещастію себя подвергнете; и потому долгъ велитъ мнѣ

мнѣ васъ предостеречь и вамъ сказать, чтобъ вы, идучи симъ путемъ, не вверьхъ, а подъ ноги смотрѣли, и разсматривали все хорошенько, оныя камни и рвы обходили, или чрезъ нихъ перепрыгивали и не гораздобъ скоро по сей пріятной дорогѣ бѣжали, а не менѣе того и въ другія побочныя дороги и тропинки не заблуждались. Какіе сіи камни, рвы и побочныя тропинки, сіе не трудно вамъ усмотрѣть изъ всего моего сочиненія, или такъ сказать, маршрута и ландкарты. Я нарочно старался ихъ означивать. Но то моя бѣда, что многіе люди сродны къ легкомысленности и неосторожности: такъ я боюсь, чтобъ кто нибудь изъ васъ, дорогіе читатели, такимъ не былъ; и для того за нужное почелъ еще вамъ о томъ въ краткихъ словахъ напомянуть и вкупѣ сказать, какъ вамъ отъ нихъ лучше остерегаться.

Дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ вы по вышеписанному общему описанію благополучія не заключали, что уже

уже и всякія увеселенія, какогобъ они рода ни были, долженствовалибъ уже быть частями вашего благополучія и служить оному поспѣшествованіемъ, и чтобъ вы изъ того не выводили такого слѣдствія, что вамъ дозволено уже все то употреблять, чѣмъ только можете вы произвесть себѣ увеселеніе. а убѣгать уже безъ разбора всего того, что вамъ неудовольствіе причинить можетъ. Нѣтъ, государи мои, это бы былъ слишкомъ великой скочокъ, и такой скочокъ, отъ котораго, съ дозволеніемъ сказать, головку сломить можно. Такимъ совѣтникомъ не намѣренъ я вамъ былъ никогда дѣлаться, но напротивъ того во всемъ сочиненіи своемъ твердилъ, что между увеселеніями есть великая разница, и что ихъ разбирать и не всякаго искать безъ разбора надобно, а только тѣ, которыя не мѣшаютъ вамъ пріобрѣтать верьховнѣйшее благо, или достигать конца, на которой жизнь наша назначена. Для которой причины я и твердилъ, что я не веселіе, а добродѣтель верьховнѣйшимъ нашимъ

нашимъ благомъ, а веселіе побочнымъ только концемъ нашей жизни, или такою вещію почитаю, которая намъ награжденіемъ за нашъ трудъ служить должна, и которою намъ на пути, къ главному концу ведущемъ, пользоваться позволено. Сіе не надобно вамъ никогда позабывать, но паче помнить, что все нынѣшнее благополучіе не инако, какъ путемъ почесться можетъ, которымъ бы намъ доходить до настоящаго и совершеннаго, или того, какое мы не инако, какъ въ будущей жизни получить можемъ. Самое сіе и отразитъ отъ меня всѣ упреканія, и зажметъ ротъ тѣмъ, которыебъ вздумали обвинять меня Епикуризмомъ, отъ чего я, какъ небо отъ земли, удаленъ, и не только на умѣ не имѣю утверждать, чтобъ роскоши составляли наше благополучіе и были верьховнѣйшимъ нашимъ благомъ, но паче ихъ рушителями нашего благополучія и самыми тѣми камнями, рвами, тресинами, болотами и стремнинами почитаю, которыми путь, ведущій къ благо-

благополучію, отчасти усыпанъ, отчасти со всѣхъ сторонъ въ близости окруженъ.

Для самаго того и совѣтую всякому читателю, чтобъ ему ихъ какъ огня, или моровой язвы бѣгать и отъ нихъ остерегаться, буде ему мило его благополучіе и онъ хочетъ имъ прямо пользоваться. Средствъ и кромѣ ихъ тысяча есть, которыми можно умножить свои увеселенія и отогнать скуку, грусть и неудовольствіе. Чтожъ касается до нихъ, то хотя они намъ и сладки и увеселительны, но въ самомъ дѣлѣ ядъ и мышьякъ, облѣпленной сахаромъ; и вы, предпринимая умножить увеселенія свои оными, то самое сдѣлаете, чего я опасаюсь, то есть, желая болѣе кушанью моему придать сладости, насыплете въ него сихъ ядовитыхъ сахарныхъ катышковъ, и тѣмъ, мня сдѣлать лучше, сдѣлаете хуже и здоровье свое повредите. Но я ли тому уже виноватъ буду? Съ моей стороны я васъ предостерегъ, чтобъ вы того не дѣлали, и въ вашей волѣ состояло тому не слѣдовать.

И такъ буде хотите сохранить-ся отъ сей погрѣшности и прямую пользу получить отъ сего лѣкарственнаго кушанья, то кушайте его умѣренно, то есть въ исканіи своихъ увеселеній и въ удаленіи отъ неудовольствій слѣдуйте воздержности и наблюдайте во всѣхъ вещахъ умѣренность. Помните, что всякая хорошая вещь сдѣлается худою, естьли употреблена будетъ выше мѣры. Соль какова ни полезна роду человѣческому, но можетъ служить ядомъ, естьли ее слишкомъ неумѣренно ѣсть. И такъ кладите всякое увеселеніе напередъ на вѣски, и смотрите, не перевѣшиваетъ ли оно добродѣтель, то есть не противно ли оной. Ежели противно и съ нею несогласно, то бросайте оное, какъ негодное: а равно такъ и всякое прискорбіе напередъ разсматривайте, не такое ли оно, котораго убѣгать противно добродѣтели. И ежели такое, то не для чего вамъ онаго и убѣгать, но къ сношенію онаго себя приневоли-

вать надобно; обоихъ же сихъ случаевъ весьма много быть съ нами можетъ.

Было бы слишкомъ пространно, естьлибъ хотѣть вамъ въ подробности о томъ сказывать и всѣ тѣ мѣлочи изчислять, въ какихъ мы въ семъ случаѣ погрѣшать можемъ. Чего ради, предавъ то на собственное благоразуміе читателей, упомяну только о наиглавнѣйшихъ и обыкновеннѣйшихъ родахъ увеселеній, въ которыхъ мы неумѣренностію погрѣшить, и съ пути сбившись, о какой нибудь камень ногу зашибить, въ ровъ зайти, въ стремнину оскользнуться и стремглавъ упасть можемъ.

Изъ чувственныхъ, или тѣлесныхъ увеселеній, принадлежатъ къ сему роду вопервыхъ увеселенія, происходящія отъ насыщенія венерическаго стремительства; вовторыхъ, увеселенія, происходящія отъ удовольствованія вкуса, и нѣкоторыя другія. Изъ мысленныхъ же, или духовныхъ, ни которыя

рыя такого разсмотренія отъ насъ не требуютъ, какъ увеселенія, происходящія отъ удовольствованія нашего честолюбія и корыстолюбія. Сіи четыре рода увеселеній могутъ почесться опаснѣйшими стремнинами, которыми окруженъ путь, ведущій къ благополучію, и тѣми камнями, которыми онъ усыпанъ, отъ которыхъ къ спасенію себя не можно употребить довольно предосторожностей. Или уподобить ихъ можно четыремъ различнымъ ядамъ, покрытымъ наисладчайшимъ сахаромъ, изъ которыхъ одинъ другаго намъ опаснѣе и вредительнѣе, и разными своими наружными прелестьми соблазнительнѣе. Что касается до неудовольствій, отъ которыхъ убѣганіе противно добродѣтели, то между прочими многими, о которыхъ въ пространствѣ упоминать не дозволяетъ мѣсто, можно наидостойнѣйшимъ примѣчанія почесть то отвращеніе, которое многіе имѣютъ отъ всякаго рода трудолюбія, и та чувствуемая тягость, которую мы въ

себѣ при предпринимаиіи какихъ ни-будь добродѣтелью, или закономъ естества, или откровенія намъ предписываемыхъ должностей и дѣлъ примѣчаемъ.

Не льзя довольно изобразить, сколь много остороженъ долженъ быть человѣкъ въ разсужденіи всѣхъ оныхъ пунктовъ, и коль многимъ разсмотреніемъ долженъ удостоивать онъ всѣ разныя и частныя увеселенія и непріятности, происходящія изъ сихъ главныхъ источниковъ. Но было бы слишкомъ пространно о всѣхъ сихъ въ подробности упоминать и всѣ тѣ многоразличныя должности изслѣдывать, которыми обязаны мы въ разсужденіи оныхъ. Чего ради, чтобъ не наскучить читателю, упомяну я только вкратцѣ, до какихъ собственно предѣловъ должно исканіе оныхъ простираемо быть, естьли не быть имъ противными добродѣтели и нашему истинному благополучію, оставляя впрочемъ о подробнѣйшихъ

долж-

должностяхъ освѣдомляться въ другихъ нравоучительныхъ книгахъ.

Первой изъ помянутыхъ родовъ увеселенiй должно намъ не болѣе умножать стараться, какъ поелику то безъ нарушенiя всѣхъ должностей исполняться можетъ, которыми мы концемъ нашей жизни, также закономъ естества и натуральнымъ правомъ и наконецъ закономъ откровеннаго слова Божiя обязаны, то есть, чтобъ совершалось тѣмъ только то, къ чему въ насъ сiе стремленiе собственно натурою вложено и назначено, то есть размноженiе нашего рода и облегченiе сопряженныхъ съ супружествомъ и съ воспитанiемъ дѣтей трудностей, отнюдь же бы не простиралось оное до того, чтобъ оно могло быть вредно нашему здоровью, уничтожательно нашему благополучiю, предобидно другимъ человѣкамъ, и наконецъ разрушительно тому порядку, устроенiю и связи того великаго домостроительства, которое Богъ въ

правленіи всемъ міромъ и человѣками отправляетъ. Яснѣйшее истолкованіе сего есть такой пунктъ, которой непріятенъ можетъ быть иныхъ слуху; чего ради я болѣе о семъ не хочу говорить, но предавъ то на собственное и мысленное разсмотреніе каждаго, обращусь къ другому.

Предѣлы исканія втораго рода, или происходящихъ отъ удовольствованія нашего вкуса увеселеній, суть слѣдующія: вопервыхъ, чтобъ чрезъ то не сдѣлали мы вреда нашему тѣлу и здоровью; вовторыхъ, чтобъ не затмѣвали они такъ сильно нашъ разумъ, чтобъ онъ уже неспособенъ сдѣлался къ такому употребленію, какого непрерывное исполненіе добродѣтели требуетъ; втретьихъ, чтобъ не упускали чрезъ то случаевъ къ другимъ нужнѣйшимъ дѣламъ; вчетвертыхъ, чтобъ не теряли на то болѣе времени и нашего имѣнія, какъ сколько можемъ то учинить безъ предосужденія другихъ должностей, ко-

которыми мы къ другимъ человѣкамъ обязаны, а особливо, чтобъ чрезъ то не нарушались должности человѣколюбія и благодѣтельства. Отъ неумѣренности въ сихъ увеселеніяхъ проистекаютъ извѣстные пороки: прихотливость, объяденіе и піянство.

Предѣлы исканія третьяго рода увеселеній, то есть проистекающихъ отъ насыщенія нашего честолюбія, состоятъ въ томъ, чтобъ мы, вопервыхъ, не инако, какъ такой чести искали, которая бы была истинная и дѣйствительно нами заслуженная, а не ложная и не справедливая. Вовторыхъ, чтобъ мы оной не инако, какъ законнымъ и позволеннымъ образомъ искали и домогались. Втретьихъ, чтобъ исканіе сіе не могло быть предосудительно нашему истинному благополучію, и неудовольствія и безпокойства, бываемыя при томъ, не превышали бы количество искомыхъ увеселеній. Вчетвертыхъ наконецъ, чтобъ не служило то намъ поводомъ къ на-

рушенію многихъ другихъ и важнѣйшихъ дѣлъ и должностей, а особливо той специальной добродѣтели, которая подъ именемъ кротости и смиренномудрія извѣстна.

Предѣлы исканія четвертаго рода увеселеній, или происходящихъ отъ удовольствованія нашего корыстолюбія, состоятъ въ слѣдующемъ: вопервыхъ, чтобъ исканіе вещественнаго нашего стяжанія не занимало такъ наши мысли, чтобъ не оставалось имъ времени помышлять о существительной нашей пользѣ и о истинныхъ благихъ, то есть духовныхъ сокровищахъ. Вовторыхъ, чтобъ исканіе сіе не инако было, какъ законное и позволенное, отнюдь же бы не было предосудительно другимъ и важнѣйшимъ нашимъ должностямъ. Втретьихъ, чтобъ мы чрезъ то не дѣлали сами себѣ препонъ въ благополучіи, и не пріуготовляли себѣ путь къ безчисленнымъ неудовольствіямъ и прискорбіямъ, превышающимъ далеко количе-

ство искомыхъ увеселенiй. Вчетвертыхъ, чтобъ не могло то сопряжено быть съ великимъ предосужденiемъ другихъ человѣковъ, и такъ далѣе.

Ежели спросите меня теперь, дорогой читатель, какимъ же образомъ можнобъ намъ отъ сихъ толь много сродныхъ человѣкамъ слабостей себя предостерегать и отучать: то самое сiе доказываетъ уже, что сiе не принадлежитъ къ собственному предмету сей книги, но до собственнаго практическаго нравоученiя, которое во всемъ своемъ пространствѣ никоимъ образомъ сюда вмѣщено быть не можетъ. И такъ все, чѣмъ я могу сей достохвальной вопросъ нѣкоторымъ образомъ удовольствовать, состоитъ въ напоминанiи вамъ, чтобъ вы о семъ смотрѣли то разсужденiе, въ которомъ говорилъ я о способахъ къ истребленiю нравственнаго зла, или къ своему исправленiю, которое я нарочно для того въ первой части сей книги предпослалъ, что оно будетъ

вамъ необходимо надобно. Ибо какъ неумѣренное желаніе и исканіе помянутыхъ увеселеній ничто иное есть, какъ нравственное зло, то читатель можетъ уже въ немъ найти генеральныя правила, по которымъ ему въ семъ случаѣ поступать и отъ того пользу имѣть можно. Ежелижъ, не смотря на то, пожелаете хотя краткаго и малаго къ тому руководства, то слѣдующимъ можете по нуждѣ теперь довольствоваться:

Когда желаете вы сохранять себя въ надлежащихъ предѣлахъ въ разсужденіи первой извѣстной и той страсти, которую именовать нѣтъ мнѣ дальней нужды, то наблюдайте слѣдующее: вопервыхъ, удаляйтесь колико можно отъ тѣхъ предметовъ, которые въ васъ оную обыкновенно возбуждаютъ; представляйте себѣ, что вы порохъ, а они зажигательныя стеклы, или что вы ледъ, а они солнце, и бѣгайте всѣхъ случаевъ попасть въ центръ соединенія лучей стекла

за-

зажигательнаго. Вовторыхъ, удаляйте самыя мысли, къ тому васъ возбуждающія, хватайте ихъ въ самомъ началѣ и гоните взашей вонъ, какъ скоро онѣ въ двери храмины разума вашего покажутся. Не льститесь наружною ихъ пріятностію и истощеваемыми къ вамъ ласками; не вѣрьте ихъ словамъ; напомните, что они враги ваши и злѣйшіе злодѣи; однимъ словомъ, разбойники, просящіеся только обогрѣться; но какъ скоро пустите, свяжутъ вамъ и руки и ноги и поведутъ туда, куда вамъ не хотѣлось бы, и заставятъ то дѣлать, къ чему впрочемъ вы никогдабъ не согласились. Держите двери, сколько можете, и запирайте ихъ покрѣпче на крючокъ, приставливайте тотчасъ къ нимъ другихъ сторожей, то есть возбуждайте какія нибудь другія мысли; начинайте что нибудь дѣлать, подите куда нибудь, или вспоминайте какую нибудь нужду. Однимъ словомъ, набивайте скорѣе голову другими и такими мыслями, какія въ скорости найти

ти можете. Или когда хотите вы скорѣе ихъ отогнать, или употребить наиудобнѣйшее средство, то разбудите отъ сна и пустите на нихъ льва, того момента ихъ растерзать могущаго, то есть возбудите скорѣе въ себѣ мысль о вездѣсущiи Божескомъ. Представьте себѣ какъ можно живѣе, что вы находитесь въ присутствiи съ Богомъ, что Онъ подлѣ васъ, васъ видитъ, все слышитъ и знаетъ внутреннiя ваши помышленiя, и что смотритъ Онъ на то съ превеликимъ гнѣвомъ, и вамъ не только не велитъ сего дѣлать, но грозитъ, буде вы не послушаете. Такая мысль можетъ поистиннѣ почесться львомъ противъ всѣхъ нашихъ негодныхъ мыслей, и можно сказать, что и слѣдовъ ихъ не найдется, какъ скоро только онъ противъ ихъ выпущенъ будетъ, или только проснется. Все сiе повторяйте каждой разъ, какъ скоро онѣ къ вамъ показываться будутъ, и не упускайте перваго случая. Втретьихъ, выгоняйте предметъ, возбуждающiй

въ

въ васъ страсть, какъ можно изъ головы. Не думайте о его прелестностяхъ, не изчисляйте оныя и не входите мыслями отнюдь въ такую подробность: всѣ онѣ такіе же обманщики и ваши враги и непріятели; но паче смотрите на него съ худой стороны, которую онъ неотмѣнно имѣть долженъ. Изчисляйте всѣ его пороки, недостатки и худобы, какія онъ имѣетъ; затверживайте ихъ въ память, не извиняйте ни одного, но паче увеличивайте сколько можно каждое, и становите ихъ насупротивъ мыслей о прелестностяхъ. Сколько будетъ ихъ, столько будете вы имѣть охранителей дверямъ и вашихъ помощниковъ, а имъ противниковъ. Вчетвертыхъ, буде все сіе не поможетъ, и вы, дверей не удержавъ, ихъ впустите, то не вдругъ поддавайтесь еще онымъ; карабкайтесь сколько можно, и не давайте имъ себѣ вязать руки и ноги, кричите, зовите на помощь къ себѣ льва и обоихъ хозяевъ души вашей, то есть разумъ и произ-

изволъ. Первой пускай совѣтуетъ и разбуждаетъ всѣхъ прочихъ вашихъ помощниковъ, равно какъ ободряетъ и укрѣпляетъ вышеупомянутыхъ; а второй да помогаетъ вамъ своею силою и силится выгнать ихъ скорѣе опять вонъ, въ чемъ онъ вѣрно и успѣхъ имѣть будетъ, естьли только вы захотите и ему сами не воспрепятствуете. Впятыхъ, естьли по слабости оныхъ и по допущенiи льва опять заснутъ, и по вашему небреженiю и упущенiю нужнаго перваго времени негодныя мысли вами овладѣютъ, и связавъ руки, васъ туда уже поведутъ, куда имъ хочется, а въ самомъ дѣлѣ куда не надобно: то еще не отчаявайтесь, но знайте, что помянутые хозяева ваши за вами всюду слѣдуютъ, и вы можете помощiю ихъ, пользоваться, когда ихъ къ тому призовете. Правда, они уже тогда не таковы сильны, однако естьли вы возмужаетесь, ихъ кликнете и сами ихъ отъ себя не оттолкнете, то могутъ еще васъ изъ рукъ похитителей вашихъ вырвать и опять домой воз-

возвратить, освободя изъ узъ, на васъ наложенныхъ. Вшестыхъ, естьлижъ вы, упустивъ все то, допустите съ собою однажды сдѣлать, что имъ было надобно, то и сіе не должно васъ въ отчаяніе приводить, но положите впредь того уже получше остерегаться и дѣйствительно то дѣлайте. „ Нѣтъ, скажите вы сами себѣ, въ дру„гой разъ вы, мошенники, меня не обма„нете: я буду осторожнѣе.„ И такъ далѣе. И будьте увѣрены, что въ другой разъ вы въ состояніи будете уже болѣе отпоръ сдѣлать, а въ третій разъ того болѣе, и чрезъ то мало помалу и отвадите ихъ отъ себя. Въ противномъ же случаѣ чѣмъ чаще станете сихъ гостей къ себѣ пускать, тѣмъ больше возьмутъ они надъ вами силу и тѣмъ слабѣе будутъ становиться всѣ ваши защитники.

Вотъ краткое аллегорическое руководство, какимъ образомъ должно отучать себя отъ сей жестокой страсти. Все зависитъ отъ того, чтобъ

чтобъ хватать ее сначала, когда она начинается, или когда стремленіе ея по какому нибудь случаю начинаетъ въ насъ дѣйствовать. Тогда-то должно прямо работать мыслями, а послѣ онѣ мало помогаютъ. Стремленіе усилившись заставитъ разумъ нашъ производить не такія мысли, какія бы ему можно и надобно было, но такія, какія страсти надобны. Въ праздное же время, когда не чувствуемъ мы сильныхъ нападковъ отъ оной, должно уже помышлять и разсуждать въ подробности 1) о всей гнусности тѣхъ дѣлъ, къ которымъ она насъ доводитъ; 2) о всѣхъ худыхъ слѣдствіяхъ, которыя отъ того обыкновенно проистекаютъ; 3) о томъ существительномъ вредѣ, какой мы чрезъ то получить можемъ; 4) о возможности отъ того освободиться, естьлибъ только мы похотѣли; 5) о похвальныхъ примѣрахъ другихъ людей, тому не подверженныхъ, или благополучно преодолѣвшихъ; 6) о всѣхъ тѣхъ пользахъ и выгодахъ, какія мы

чрезъ

чрезъ то получимъ, когда отъ того избавимся; 7) наконецъ о кратковременности и ничтожности самыхъ получаемыхъ чрезъ то увеселеній, и коль мало достойны они того, чтобъ на нихъ промѣнивать наидрагоцѣннѣйшія сокровища какъ въ нынѣшней, такъ и въ будущей жизни. Такія и сему подобныя размышленія будутъ уже въ состояніи побудить человѣка къ лучшему и рачительнѣйшему впредь убѣганію отъ всѣхъ опасныхъ и соблазнительныхъ случаевъ, равно какъ укрѣпить его силы и сдѣлать къ сопротивленію и къ мысленной войнѣ способнѣйшими. Однимъ словомъ, прилѣжное и точное исполненіе всего вышеписаннаго можетъ человѣка довесть до того, что онъ самую влюбительную и впрочемъ за непреоборимую почитаемую страсть безъ дальняго труда одолѣвать и себя отъ узъ ея освобождать можетъ, какъ тому многіе и дѣйствительные примѣры бываютъ.

Что касается до того, какъ отучать себя отъ неумѣренности въ желанiяхъ тѣхъ увеселенiй, которыя происходятъ отъ удовольствованiя нашего вкуса, какъ на примѣръ, отъ излишней прихотливости въ ѣствѣ и питiи, и самомъ пьянствѣ: то и въ разсужденiи ихъ не инако, какъ на предслѣдующее руководство сослаться можно; потому что они изъ такого же источника проистекаютъ, то есть происходятъ отъ того, что мы желанiямъ къ тому допускаемъ въ насъ усилиться выше мѣры, превзойти силу нашего произвола и обратиться въ привычку, *или страсть*; а страсть всякую должно такимъ же образомъ начинать одолѣвать, какъ выше упомянуто. Дѣло только въ томъ состоитъ, чтобъ напередъ хорошенько какъ о гнусности того порока, такъ и о худыхъ слѣдствiяхъ, о существительномъ вредѣ, о возможности отъ того свободиться, о примѣрахъ другихъ человѣковъ, о пользахъ и выгодахъ противной тому добродѣтели, и

о

о содержанiи, въ какомъ изящность ея съ гнусностiю того порока находится, помыслить, а потомъ при помощи Божеской къ такому противоборствованiю приступить, какое выше вкратцѣ, а въ первой части подробно описано. Впрочемъ одно только то въ разсужденiи сихъ увеселенiй присовокупить за нужное нахожу, что великимъ и нужнымъ въ семъ случаѣ вспомогательнымъ средствомъ почесться можетъ, когда человѣкъ научится тому искусству, какъ малымъ можно довольнымъ быть, а худою и простою на примѣръ пищею и питiемъ не менѣе почти наслаждаться, какъ самыми драгоцѣннѣйшими кушаньями и напитками. Тутъ много зависитъ отъ нашихъ мыслей и воображенiй, и кто ими обладать и въ нужномъ случаѣ ихъ какъ надобно распоряжать и ими пользоваться умѣетъ, тотъ можетъ великую отъ того получить выгоду и пользу. Но о семъ пространно говорить не дозволяетъ мнѣ мѣсто.

Чтожъ принадлежитъ до того; какъ намъ въ предѣлахъ себя содержать въ разсужденіи мысленныхъ увеселеній, происходящихъ отъ удовольствованія нашего честолюбія и корыстолюбія, или какъ намъ наиспособнѣе умѣривать въ себѣ обѣ сіи страсти, которыя, какъ извѣстно, толь сильно и обыкновенно надъ людьми господствуютъ: то было бы также слишкомъ пространно, естьлибъ упоминать о томъ въ самой подробности. Не сіе, а особливо къ тому назначенное сочиненіе по справедливостибъ требовалось; но здѣсь другаго не остается, какъ вкратцѣ сказать, что и онѣ мыслямижъ должны быть преодолѣваемы, изъ которыхъ наиважнѣйшія могутъ быть слѣдующія: въ разсужденіи честолюбія 1) помышляй и разсуждай чаще, на сколь многомъ обманѣ, заблужденіи и незнаніи основывается честь, оказываемая людьми другъ другу; 2) съ сколь многими безпокойствами сопряжено пріобрѣтеніе и храненіе оной;

3)

3) сколь великое обыкновенно участіе имѣетЪ вЪ томЪ слѣпое щастіе, а малое напротивЪ того истинныя достоинства, качества и заслуги; 4) коль мало вЪ нашей власти состоитЪ снисканіе оной; 5) коль малое число почитающихЪ насЪ людей противЪ числа тѣхЪ, кои насЪ презираютЪ, или совсѣмЪ не знаютЪ; 6) коль тщетна честь, естьли она не будетЪ почитаема только средствомЪ для дальнѣйшихЪ намѣреній, и коль малое вспомоществованіе можетЪ она учинить намЪ вЪ семЪ случаѣ кЪ достиженію главнаго конца жизни нашей; 7) наконецЪ коль великимЪ соблазномЪ служитЪ она и самымЪ лучшимЪ людямЪ, и какою приманкою служила имЪ кЪ заблужденію сЪ пути добродѣтели; коль много людей испортилось, ее получивши, и изЪ прежнихЪ добродѣтельныхЪ и всѣми любимыхЪ людей сдѣлались злыми, порочными и всѣмЪ ненавистными; коль многимЪ служила она камнемЪ претыканія, о которой они споткнувшись, стремглавЪ

полетѣли и всего своего благополучія лишились и погибли невозвратно, и прочее тому подобное. Въ разсужденіижъ корыстолюбія, или богатолюбія, помышляй о слѣдующихъ вещахъ: 1) коль со многими трудами и безпокойствами сопряжено владѣніе великими имѣніями; 2) коль мало пріобрѣтеніе оныхъ зависитъ отъ нашей власти, и сколь часто обращаются въ ничто всѣ наши о томъ старанія и домогательства; 3) коль скорому и легкому потерянію могутъ подвержены быть и наивеличайшія пріобрѣтенія и достатки; 4) коль великой соблазнъ подаютъ они ко всѣмъ порокамъ и невоздержностямъ; 5) коль много способовъ и времени отнимаетъ у насъ исканіе оныхъ и управленіе ими, потребнаго для другихъ и важнѣйшихъ должностей и дѣлъ; 6) коль легко можемъ мы, сдѣлавшись богатыми, перемѣниться, и погнавшись за сими тлѣнными, лишиться нетлѣнныхъ и лучшихъ сокровищей, то есть добродѣтелей; 7) коль великимъ количе-

ствомъ

ствомъ пріумножаются вмѣстѣ съ богатствами и суеты, заботы, хлопоты, досады и неудовольствія наши; 8) наконецъ сколь множайшими должностями обязаны мы бываемъ въ то время, которыхъ исполненіе тѣмъ для насъ труднѣе и тяжелѣе, и такъ далѣе. Таковыя помышленія, а особливо естьли они порядочно и колико возможно пространнѣе и безпристрастно будутъ почаще повторяемы, въ состояніи уже будутъ пособить много спѣси съ сихъ обѣихъ нашихъ неугомонныхъ страстей, привесть насъ на разумнѣйшія мысли, лишить многихъ излишнихъ замысловъ и прихотей, а вкупѣ съ тѣмъ и повода къ безчисленнымъ неудовольствіямъ.

Наконецъ что касается до того, какимъ образомъ намъ можно пріучить себя къ трудолюбію и преодолѣвать лѣнь и празднолюбіе, также доводить себя до того, чтобъ мы при исполненіи нашихъ должностей и добродѣтельныхъ дѣлъ не чувствовали

обыкновенной и толь много намъ мѣшающей тягости: то на сіе коротко отвѣтствовать можно, а имянно: что къ тому требуется только сначала твердое предпріятіе и съ нѣкоторымъ трудомъ сопряженное самихъ себя преодолѣніе. Впрочемъ нужно только нѣсколько разъ себя по неволѣ принудить и тѣмъ не поскучить, какъ послѣ насъ къ тому пробуженное симъ образомъ природное къ тому стремленіе само собою побуждать станетъ. Вышеписанное руководство можетъ и въ семъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ употреблено быть съ пользою.

Въ семъ состоитъ все то, что хотѣлъ я вамъ, дорогой читатель, сказать въ предосторожность и совѣтъ при окончаніи сей моей книги. Предѣлы ея и обстоятельство, что она и безъ того противъ чаянія моего увеличилась болѣе, нежели я думалъ, не дозволяютъ мнѣ о сей матеріи говорить болѣе; чего ради поспѣшу къ окончанію и скажу вамъ напослѣди еще объ

одной

одной великой, но такой добродѣтели, которую желающимъ искать истинное свое благополучіе необходимо пріобрѣтать надобно. Она проистекаетъ изъ обѣихъ тѣхъ должностей, которыми мы въ разсужденіи увеселеній и неудовольствій обязаны, и называется собственно удовольственностію.

Чтобъ вамъ лучше можно было понять, въ чемъ имянно состоитъ сія добродѣтель, то опишу я ее такимъ образомъ: человѣкъ тогда имѣть будетъ сію добродѣтель, когда пріобучитъ себя всегда быть тѣмъ довольнымъ, что онъ по состоянію своихъ обстоятельствъ снискать и получить можетъ. Таковой человѣкъ никогда не завидуетъ тѣмъ, которые имѣютъ его больше, на примѣръ, богатѣе, или знатнѣе, равномѣрно и не тужитъ и не скорбитъ о томъ, что онъ болѣе не имѣетъ и получить не можетъ, хотя сіе ни мало не мѣшаетъ ему имѣть стараніе о поправленіи

своихъ обстоятельствъ потолику, поелику средства къ тому имѣетъ и находить можетъ. Легко можно всякому заключить, коль выгодна можетъ быть сія добродѣтель для каждаго человѣка, а особливо для такого, которой не ложное, а истинное свое благополучіе прібрѣтать намѣренъ. Самое сіе будетъ къ тому уже великимъ началомъ и составитъ немалую часть его благополучія. Она пріобрѣтается, какъ выше упомянуто, навычкою и чрезъ работы мыслей, и полезность ея такъ велика, что я не за излишнее, но паче за надобное почелъ сообщить здѣсь и тѣ роды помышленій, которые къ тому наиспособнѣйшими средствами быть могутъ, и тѣмъ заключить мою книгу, положивъ чрезъ то равно какъ послѣднюю отживку на моей картинѣ.

И такъ естьли хотите вы, дорогой читатель, довесть себя до такого состоянія, чтобъ вы могли всемъ

всемъ довольны быть, что имѣете, и ни мало о томъ не скорбѣть, чего не имѣете, и никому въ томъ не завидовать: то старайтесь почаще имѣть слѣдующія мысли: вопервыхъ, помышляйте, что всѣ тѣ приключенія, которыя въ человѣческую жизнь важное имѣютъ содѣйствіе и производятъ въ обстоятельствахъ и состояніи нашемъ великія перемѣны, управляются Божескимъ промысломъ, или провидѣніемъ, и что какъ вы, такъ и никто не имѣетъ права предписывать Оному законы, или насильно чего нибудь требовать; но напротивъ того всякой человѣкъ великою благодарностію Богу обязанъ за то, что Онъ его произвелъ, и одарилъ человѣческимъ, то есть такимъ существомъ, которое способнымъ его дѣлаетъ къ полученію вѣчнаго блаженства. Вовторыхъ, помышляйте и разсуждайте о тѣхъ вещахъ, которыя имѣете, смотря на собственную ихъ доброту, а не въ сравненіи съ тѣми людьми, которые имѣютъ

болѣе.

болѣе. Втретьихъ, воображайте себѣ суету и несовершенство всего временнаго благополучія, и что оно не принадлежитъ къ существительному и главному концу, на которой наша жизнь назначена. Вчетвертыхъ, напоминайте, что не всѣ люди въ самомъ дѣлѣ таковы благополучны, каковыми они съ наружнаго вида намъ быть кажутся, но что мы очень часто за недостаткомъ довольнаго вникновенія въ ихъ обстоятельства и точнаго оныхъ знанія приписываемъ имъ всегда величайшую степень временнаго благополучія, нежели они дѣйствительно имѣютъ, и что мы естьлибъ все точнѣе знали, усомнились бы еще и не похотѣли быть на ихъ мѣстѣ. Впятыхъ наконецъ, что въ разсужденіи какъ всего человѣческаго общества, такъ и собственно самихъ насъ мы дѣло не лучшимъ, а худшимъ еще сдѣлаемъ, ежели не захотимъ быть довольными тѣмъ, что имѣемъ, и либо у другихъ ихъ права похищать, либо завистью и тоскою

себя

себя мучить и терзать станемъ; ибо тѣмъ никому иному, какъ самимъ себѣ, досадимъ и вредъ сдѣлаемъ; пользы же отъ того не произойдетъ ни малой. . . . Таковыя и сему подобныя помышленія могутъ уже вамъ много помочь снискивать помянутую добродѣтель.

Вотъ все, что намѣренъ я былъ упомянуть въ семъ послѣднемъ моемъ разсужденіи: теперь время мнѣ окончить. Картина нарисована вся и осталось только въ послѣдній разъ черкнуть кистью и тѣмъ придать ей послѣднее совершенство и живность, то есть читателю моему еще разъ и въ послѣднія напомянуть, что хотя всѣ показанныя средства къ пріобрѣтенію благополучія въ сей жизни въ самомъ дѣлѣ не инако, какъ дѣйствительны быть могутъ, естьли ихъ по всѣмъ предписаннымъ правиламъ употреблять; однако та истинна останется на вѣкъ непоколебима и неоспорима, что какъ бы человѣкъ

ни

ни былъ премудръ, разуменъ и въ предпріятіяхъ своихъ рачителенъ и усерденъ, или какъ бы духомъ ни бодрствовалъ, но плоть его всегда будетъ немощна, то есть слабость его слишкомъ болѣе, нежели чтобъ могъ онъ ее совершенно преодолѣть. Сіе зло такъ глубоко въ сердцахъ нашихъ вкоренено, что никогда силъ нашихъ не достанетъ не только къ совершенному его искорененію, но ниже къ уменьшенію знатнымъ градусомъ. Отъ того самаго и проистекаетъ то слѣдствіе, что сколькобъ мы сами собою ни старались исправить свое сердце и побѣдить свои страсти и желанія, но никогда въ томъ дальняго успѣха имѣть не будемъ, естьли не призовемъ въ помощь себѣ того великаго Существа, которое насъ сотворило, и о которомъ живемъ, движемся и есьмы. Онъ одинъ всемогущіемъ своимъ можетъ и хочетъ подкрѣпить въ семъ случаѣ наши немощныя силы и подать къ преодолѣнію страстей,

сихъ

сихъ внутреннихъ нашихъ злодѣевъ, и къ пріобрѣтенію желаемаго благополучія невидимую руку помощи. И дѣйствительно то учинитъ, естьли мы съ вѣрою къ Нему прибѣгнемъ, о томъ Его просить и сами не только первое начало учинимъ, но и въ продолженіи всевозможныя свои силы къ тому присовокуплять станемъ.

Конецъ третіей и послѣдней части.

Читана 1799 въ Февр.

